

**ВНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ!**

**В редакции
продаются
номера журнала,
а также
с предоплатой
принимаются
заказы
на следующие
номера.**

ПОКЛА
НЬАВ
САМСА
ДИНТО
АКСАДИ

В НОМЕРЕ

- 2 *И. Яковенко*
ТАК ЛИ УЖ НЕОБХОДИМО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ,
или
АЛЬТЕРНАТИВНА ЛИ ИСТОРИЯ?
- 10 Во всем мире
- 12 *М. Курячая*
ПРОВИДЕЦ
- 27 Во всем мире
А. Гранберг
- 36 Курьер науки и техники
- 38 *И. Осадчая*
НЕМЕЦКОЕ ЧУДО И НАШИ ОЖИДАНИЯ ЧУДА
- 38 Вести с противоракового фронта
- 40 *В. Янин*
«ЧТО ЗА ЗЛО ТЫ ПРОТИВ МЕНЯ ИМЕЕШЬ?..»
- 49 Читатель сообщает спрашивает, спорит
- 49 Во всем мире
- 50 Их нравы
- 51 *С. Самойлов*
НЕЙРОНЫ МОЗГА ЗАГАДЫВАЮТ ЗАГАДКИ
- 57 *С. Блинков*
ЧИСЛО НЕЙРОНОВ ГОВОРИТ О МНОГОМ
- 59 Волшебный фонарь
- 60 Во всем мире
- 60 Наши лауреаты
- 62 *Л. Натапов*
КОЗЫРНЫЕ КАРТЫ
- 68 *Е. Солдаткин*
КАРТЫ ВСЯКИЕ ВАЖНЫ, КАРТЫ ВСЯКИЕ
НУЖНЫ
- 70 *А. Буровский*
КОРОТКОЖИВУЩИЕ
- 78 Всего несколько строк
- 79 *В. Ивануцкий*
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН
- 85 ЛИЦЕЙ
- 115 Во всем мире
- 116 *И. Мильштейн*
«ИЗ-ПОД ПЛИТ»
- 117 *В. Чаликова*
ПУТЬ В ТЕРРОР

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/94

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Зарегистрирован
28.12.1990 года
Регистрационный № 1319

№ 5 (803)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. Зеленко

Редакция:
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
И. Вирко
(зам. главного редактора)
С. Глейзер
М. Курячая
В. Левин
Ю. Лексии
А. Леонович
И. Прусс
И. Розовская
Н. Федотова
Т. Чеховская
(ответственный секретарь)
Г. Шевелева

Заведующая редакцией
А. Гришаева

Художественный редактор
Л. Розвнова

Оформление
А. Обросковой

Корректор
Н. Малисова

Технический редактор
О. Савенкова

Сдано в набор 03.03.94.
Подписано к печати 20.04.94.
Формат 70×100 1/16.
Офсетная печать.
Печ. л. 10,0.
Усл.-печ. л. 13,0.
Уч.-изд. л. 17,05.
Усл. кр.-отт. 52,00.
Тираж 30 700 экз.
Заказ № 2285.

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6.
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
142300, г. Чехов
Московской области

© «Знание — сила», 1994 г.

- 130 Библейские смыслы
Б. Берман
ДЕНЬ ДЕЛАНИЯ
- 136 *И. Дьяконов*
МОЯ ЖИЗНЬ
- 142 Страна Фантазия
Р. Кац
«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
- 155 Рассказы о животных,
но не только о них
Дж. Хэрриот
ОЛЛИ И ЖУЛЬКА
- 154 Мозаика

Обложка А. Обросковой

*Новгород никогда
не обманывает.
Это показывает опыт
шестидесятилетних
раскопок. Каждый полевой
сезон приводит
к решению одних проблем
и порождает другие.
И всякий раз в числе
тысячи новых находок
оказываются никогда
прежде не виданные...*

Иллюстрация В. Бреля

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ИСТОРИИ

И. Яковенко

**Так ли уж необходимо
действительное,
или Альтернативна ли история?**

Общество ждет кардинальных перемен. Время от времени
меняется качество исторического выбора. Выбор же
остается всегда. Это — условие выживания любого
общества.

В нашем отечестве из века в век исторические знания отражаются в мифах. При этом не важно, как трактуется финал — «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», и так до второго пришествия или победа коммунизма как «светлое будущее всего человечества». Важно, что события мировой истории предначертаны и неизбежны. Так понимал средней руки книжник мир двенадцатого века. Картина несколько замутнилась к началу двадцатого, но быстро возвращалась к кристальной чистоте традиционной историографии в советскую эпоху.

На практике это означало, что все, что происходило и происходит, признается единственно возможным течением событий, иначе же и быть не могло! Однако единственность и безальтернативность прошлого — лишь часть более широкой картины. Ей соответствует единственно возможное и предначертанное будущее. Здесь мы имеем дело с проекцией глубоко религиозного средневекового фаталистского сознания на ткань исторического процесса.

Презумпция предначертанности рождает ход мысли, который можно обозначить как ложную телеологизацию (смыслонаделение) и иллюзию хроноцентризма. История не только предначертана, но и, естественно, имеет смысл. В чем же он состоит? Здесь включается иллюзия хроноцентризма. Не слишком отдавая себе в этом отчет, мы склонны воспринимать современность как завершение истории. А это чистая иллюзия, ибо всякий день — лишь точка на пути исторического движения. В итоге смыслом всего предшествующего развития объявляется наше настоящее. К примеру, классические дореволюционные историки творили, находясь в огромной православной империи. Отсюда смысл и цель исторического развития виделись ими в создании и укреплении империи. В этом случае мы имеем дело не только с познавательными иллюзиями сознания, но и с мотивами иного характера, поскольку в результате такого хода мышления власть предрешающая оказывалась смыслом, целью и итогом тысячелетнего пути человечества.

Однако за 1131 год существования государственности на Русь восточные

славяне и их потомки жили в рамках единого государства неполные четыреста лет. Менее двухсот лет, между 960 и 1150 годами, — в Киевской Руси и двести лет, между 1795 и 1992 годами, — в рамках империи и СССР. Семьсот тридцать лет (почти вдвое больше) наши народы существовали отдельно, в различных политических и этнокультурных рамках. Причем внутри периодов консолидации наступали время от времени смуты, распад целого, отделение крупных регионов. Такая историческая справка помогает совсем по-другому оценить сегодняшние процессы. И надо этого очень хотеть, чтобы не видеть очевидной реальности.

Далее, поскольку нынешний день объявляется и целью всего предшествующего, то исторические альтернативы отбрасываются как нечто третьестепенное. Предначертанность будущего рождает безальтернативность прошлого. Те же альтернативы, которые остались в поле зрения науки, трактуются либо как кажущиеся возможности, либо как реальные происки дьявола. История народов обретает параметры священной истории или истории церкви, где каждое событие предопределено, а каждый выбор окончателен.

Между тем выбор, совершаемый обществом, крайне редко бывает окончательным. Окончательными (хотя за рекаться не стоит) стали изменения, связанные со стадийным переходом общества, такие, как переход общества от собирательной экономики к производящей, от варварства к цивилизации и т. д. С той или иной степенью уверенности можно трактовать как необратимые отход от людоедства, изживание кровной мести, частной войны и т. д.

В ряду равнозначных альтернатив выбор сплошь и рядом «переигрывается». Так, в 1613 году русский народ выбрал православное самодержавие, в 1917 — большевистскую идеократию, в 1991 — либеральную демократию, и у нас нет никаких оснований полагать, что это окончательно.

В реальности выбор — постоянный фактор развития. Практически в каждый момент общество выбирает в ряду альтернатив. Рассмотрим типичный цикл развития. Начнем с предреволюционной ситуации. Старая модель

жизни исчерпала себя, и в обществе идет борьба альтернативных идеологий, политических доктрин. В этот момент открывается максимальное поле стратегического выбора. Далее, когда этот выбор сделан, начинается борьба, где утвердившаяся версия исторического развития несколько раз переживает пароксизмы (Юлиан Отступник в Древнем Риме, попытки католической реставрации в Англии, связанные с именами Марии Католички и Анны Болейн, восстание волхвов после принятия христианства на Руси). Общество проходит через мучительный период, когда утверждается его исторический выбор. Постепенно борьба в пространстве выбора стратегического идет на спад, но параллельно с этим разворачивается борьба в пространстве тактического выбора. Избранный обществом путь развития также ветвится. Новую доктрину прилаживают к конкретным условиям. Она уточняется, конкретизируется. Это время сект и ересей, время борьбы платформ и «уклонов» от того, что послезавтра назовут «генеральной линией». Очень часто под видом борьбы за тактику реализуется тенденция пересмотра стратегии.

В политическом словаре нашего отечества для обозначения этих тенденций были созданы грозные в прошлом ярлыки: «ревизионизм», «буржуазный национализм», «поповщина» и т. п. Сплошь и рядом оружием в борьбе тактик развития оказывается обвинение в закамouflированном пересмотре стратегического выбора (все тот же «ревизионизм» и т. д.). В такой борьбе новая модель обретает свои классические формы. Пространство выбора еще несколько сужается и переходит на уровень тактики в рамках окончательно утвердившейся модели развития. Но и в этом пространстве идут битвы, разгораются страсти, летят головы (как пример борьба Берия — Маленков — Хрущев; каждый из них воплощал свою версию развития). Надо помнить, что и вполне тактические решения несут в себе опасность такого развития событий, при котором общество может оказаться у порога стратегических, системных изменений.

И наконец, когда доктрина утрачивает способность ассимилировать свежие идеи и отвечать на вызов истории, наступает ее окостенение.

Теперь ее смерть — дело времени.

В наиболее чувствительных слоях общества ширится движение за пересмотр самой стратегии. Хотя надо сказать, что эта тенденция никогда, даже в самые жесткие дни, не исчезает совсем, она существует подспудно, на уровне внеофициальной культуры и в скрытых формах. Перед обществом снова разверзается поле стратегического выбора. Чем дальше, тем больше идеи тактического характера, то есть «улучшения» старой модели, изживают себя. Общество ждет кардинальных перемен. Итак, время от времени меняется качество исторического выбора, но выбор остается всегда.

Можно задаться вопросом: а почему общество движется «толчками»? Почему этапы стратегического и тактического выбора чередуются? Есть такое понятие, как историческая инерция. Принимая определенную модель развития, общество срастается с ней, отликает себя в новых формах. Проходит какое-то время, и кардинальные изменения требуют огромных усилий. Приведем один частный пример. Разворачивая железнодорожное строительство, русское правительство установило размер железнодорожной колеи приблизительно на десять сантиметров шире общеевропейской. Это решение, как ни странно, носило политический характер. Широкая колея не давала никаких технологических преимуществ, но воспроизводила и усиливала изоляцию империи от Европы. Она создавала непреодолимое препятствие для сквозного проезда из Берлина или Вены в Петербург. Железнодорожный парк Европы не мог быть использован для внезапной агрессии в Россию. Проезд требует замены локомотива и смены у вагонов колесных тележек. Это громоздкая операция, на которую уходят часы, что в коммерческой эксплуатации означает постоянные бессмысленные убытки. Широкая колея стала серьезным препятствием на пути экономической интеграции России и Европы. Сегодня логично было бы совместить железнодорожную колею с европейским стандартом. Однако такая замена потребует полной перестройки железных дорог. Это безумные деньги. Вот что такое инерция исторического выбора.

Историческая инерция пронизывает все срезы общества, она бесконечно многообразна — психологическая, технологическая, институциональная, культурная и т. д. Одна из ее компонент — социальные интересы слоев общества, связанных с определенной версией исторического пути. Если общество пошло по пути террора, оно создает аппарат внесудебного насилия. Появляются люди — от политического руководителя до рядовых исполнителей, — которые несут ответственность за все предшествующие акты насилия. Этот слой всеми силами будет двигать общество по пути насилия дальше и дальше, ибо любая кардинальная либерализация грозит им скамьей подсудимых. Если общество принимает конфессию (идеологию), оно создает церковь или жрецкое сословие, которое будет сохранять себя, а значит — и свое дело, всеми силами.

Итак, чем радикальней исторический выбор и чем дальше общество идет по данному пути, тем сильнее инерция, тем сложнее и болезненнее преодоление ее. Инерция, которую приходится преодолевать в эпохи ломки, — это форма исторической расплаты общества. Дети платят за упорство отцов и дедов в их движении по утратившему оптимальность, а то и изначально тупиковому пути.

Всякий выбор есть выбор определенной стратегии общественного развития. В любой момент возможности конкретной стратегии могут исчерпаться. Каждое общество должно постоянно выбирать в ряду альтернатив и постоянно оценивать итоги и последствия каждого своего выбора — как ближайших, так и самых давних. Оно должно быть готовым отказаться и от большого, и от малого, если возможности избранной однажды стратегии исчерпали себя и следование по наезженной колее становится обременительным и небезопасным. Это трудно, но сегодня, в резко динамизировавшемся мире, такая стратегия — необходимое условие выживания. История человечества — это сплошной мортиролог обществ, которые погибли в силу неспособности преодолеть историческую инерцию. Персия пала не под ударами Александра Македонского, а потому, что не смогла выйти за рамки древневосточной парадигмы. Рим разрушили не варвары. Рим впал

в ничтожество, не найдя сил выйти за пределы исчерпанной античной модели развития. Глубинная причина падения Константинополя в 1453 году — в полной исчерпанности византийского пути. Либо общество меняется, то есть совершает очередной выбор, либо исчезает.

В принципе самая чудовищная историческая инерция преодолима. В 1928 году правительство Кемалья Ататюрка пошло на латинизацию турецкого алфавита. Народ, более шести веков писавший по-арабски, сменил письменность. Это стоило огромных усилий, но сегодня Турция — самая динамичная страна исламского мира.

Итак, каждый исторический выбор побеждает и закрепляется постольку, поскольку этот выбор в данный момент необходим и соответствует вектору развития. Но дальше, после утраты адаптивности, сколь бы ни была сильна историческая инерция, народ должен отказаться от прежнего выбора. Или, если у него нет на это сил, исчезнуть.

Что же происходит с уже отработанными или предложенными, но не востребованными моделями? То, что было отброшено, становится историческим прецедентом и попадает в копилку отложенных идей. В критические моменты сознание общества прежде всего обращается к прецедентам своей истории, и если что-либо из этих моделей в новых условиях представляется эффективным и возможным к реализации, оно может быть востребовано.

История конституционализма в революционной России восходит к безуспешной боярской попытке ограничить власть новоизбранного царя Бориса Годунова и к ограничительной записи Василия Шуйского. А далее — длинный ряд событий и документов:

договор об условиях избрания на московский престол царя Владислава, 1610 год;

ограничительные «Кондиции» верховного тайного совета, 1730 год;

проект Н. И. Паина об учреждении Императорского совета с законодательными функциями, 1732 год;

проект государственных преобразований великого Сперанского, 1807—1810 годы, и компилирующая его «Уставная грамота» Новосильцева, 1819 год;

восстание декабристов и их конституционные проекты, 1825 год;

проект Лорис-Меликова, 1881 год.

Полувекковая идейная и политическая борьба русского либерализма за утверждение конституционного строя в России сначала в рамках земского движения, а затем в стенах Государственной думы.

Мы обозначили только самые крупные вехи. В сиюминутном плане все эти усилия оказывались бесплодными. Русская действительность хоронила конституционные проекты часто вместе с их авторами, но не могла похоронить конституционную идею. Идеи и прецеденты аккумулировались, создавая конституционный потенциал русского общества. И в нынешней Конституции России мы обнаруживаем палату «Государственная дума», название которой отсылает нас не к думам 1905—1917 годов, как полагают многие, а к проекту Сперанского, еще в 1810 году предложившего именовать высший орган законодательной власти в России «Государственной думой».

Итак, мы остановились на том, что перманентное самоизменение, — а это означает постоянный выбор в ряду некоторых альтернатив, — условие выживания любого общества. Между тем наша историческая наука задает совершенно иные модели миропонимания. В результате складывается профессиональное сознание, не склонное и, наконец, не способное осознать подлинную природу исторического процесса. Борьба разнокачественных тенденций, то есть исторических альтернатив, сплошь и рядом трактуется как обычная борьба за власть или территорию между силами одного порядка.

Обратимся к узловому явлению отечественной истории — феодальной раздробленности. Картина усобиц, погубивших единую и могучую Киевскую Русь, а далее картина упадка и последующего собирания Руси вокруг нового центра — Москвы, благополучно переключалась из дореволюционных учебников в советское историческое сознание. В итоге получалось, что Москва — прямой наследник Киевской Руси, а объединение всех территорий, на которых живут потомки славян, — естественный и органический процесс, и т. д.

Однако достаточно самого беглого

сравнения, чтобы осознать разительные отличия. Киевская Русь — общество военной демократии. Роль веча здесь чрезвычайно велика. Князь — скорее, наемный служитель, которого приглашает и сгоняет вече (из пятидесяти киевских князей четырнадцать были приглашены вечем). Киевская Русь — страна торговли и городов, самым активным образом включенная в европейские дела, не видевшая никаких качественных отличий между Русью и Венгрией, Польшей, Скандинавией. Киевская Русь — раннефеодальное общество, в котором лично свободные люди — подавляющая социальная категория.

Русь Северо-Восточная (Ростово-Суздальская — Московия — империя) — автократическое общество. Вся история Восточной Руси — история укрепления и утверждения величия власти и постоянного подавления и атомизации общества, то есть социальной категории, которая генетически выростала из веча. Восточная Русь — земледельческое общество, лишенное городов в собственном смысле этого слова. Город на востоке — административный центр, место пребывания гарнизона и власти, не связанный генетической преемственностью с городами Киевской Руси. Торговля на востоке хронически слабо развита. Восточная Русь противопоставляет себя Западу и постоянно мечется между тенденцией к изоляционизму и потребностью в продуктах западной цивилизации. Московия — государство, последовательно идущее по пути закрепощения всех слоев общества. Обобщая, восточная Русь не может быть представлена как следующая стадия развития Киевской Руси. Логическим развитием киевского города был Львов, уже в двенадцатом веке получивший магдебургское право, то есть городское самоуправление. Реальная картина гораздо сложнее.

Киевская Русь была раним, или варварским государством. А распад раннего государства — закономерный и достаточно устойчивый исторический сюжет. Эти государства по своей природе малостабильны. С точки зрения общепроцессуального процесса, ранние государства выполняют «специфическую миссию», «переваривая» племена, находящиеся на стадии предгосударственного развития и перевода

их на следующий стадияльный уровень. Внеся бродило цивилизации в образующую их среду, ранние государства, как правило, распадаются под воздействием центробежных сил. Дальнейшее развитие может пойти по самым различным сценариям. Может возникнуть государство, более или менее совпадающее в географических и этнических характеристиках с исходным. Может возникнуть несколько государств. Данная территория может быть разобрана третьими странами и т. д. Столь же прихотливо и разнообразно складывается социально-культурная мозаика. Более или менее современная Киевской Руси империя Карла Великого распадается на ряд промежуточных образований и в конечном счете порождает три крупных европейских государства — Германию, Францию, Италию. По культуре, этническим характеристикам, по историческим судьбам, по принадлежности к конфессиональным кругам эти страны разительно отличаются друг от друга. Они весьма далеко разошлись в истории.

Восточная Русь была одним из вариантов дальнейшего развития общества, прошедшего стадию раннего государства. Причем из всех реализовавшихся в истории «наследников» Киевской Руси Восточная Русь более всего отличается от породившей ее модели. Именно поэтому новая модель социальности утверждается на глубокой окраине русского мира, в малообжитой территории, где не было значительного населения, носителя мощных вечевых традиций. Здесь мы сталкиваемся с общеисторической закономерностью. Новое качество часто рождается на периферии некоего культурного круга. В центре, где слишком сильны традиции и крепки системные связи, возможности для становления и утверждения нового минимальны.

Становление новой версии социальности связано с именем Андрея Боголюбского. И противостояние «старшим» городам Суздальского края — Ростову и Суздалю, в которых «по старине» было вече, и ставка на отстроенный им самим Владимир, где Андрей властвовал нераздельно, и борьба с традиционно независимыми боярами (а боярин киевской эпохи — совсем не то, что боярин московский) преследовало единую цель: разрушение вечевого духа и утверждение

самовластья как организующего принципа культуры. Сам Боголюбский погиб от ненавистного ему вечевого духа — он был убит восставшим народом. Но его дело пережило князя Андрея. Со смертью Боголюбского начинается борьба за власть, в которой приняли участие города-княжества. Поражение старших городов и победа Владимира знаменуют победу нового порядка социального бытия. Восточная Русь задана историческим выбором Андрея Боголюбского. Эта модель оказалась жизнеспособной и закрепились на восточных просторах.

Если к середине двенадцатого века Киевщина приходит в упадок, то окраины Руси процветают. При этом развитие новых центров демонстрирует палитру стратегий или исторических выборов.

На севере, в традиционно ориентированном на Балтику Новгороде, развитие киевской модели рождает классическую торговую республику средневековья по типу городов Ганзейского союза или торговых республик Италии — Генуи и Венеции. Новгородцам удалось создать в высшей степени продуманную политическую систему, базирующуюся на четко сформулированных нормах и процедурах, которая ставила очередного приглашенного князя под контроль общества и гарантировала государство от рецидивов княжеского самовластья.

На юго-западе, в Волыни и Галиче, развитие идет несколько иначе. Постоянная борьба суверена (князя) и феодалов (бояр), самое активное участие южных земель в европейских делах, устойчивая политика заключения династических браков с европейскими правителями, стабильная линия на заселение края с помощью венгров, «ляхов» и немцев — все вместе говорит об одном: Юго-Западная Русь устойчиво сдвигалась на запад, все более осознавая себя частью собственно европейского мира. Исходная киевская модель развивается здесь в направлении классического европейского феодализма.

Северо-западные области — Полоцкое и Смоленское княжества — в это время переживают кризис, но вскоре они реализуют свой собственный исторический выбор.

Следующий шаг исторического развития связан с татарской экспан-

сией. Новая геополитическая ситуация в очередной раз потребовала от наших предков совершить выбор, и этот выбор отдельных земель разительно отличался.

На пути к анализу данной темы мы сталкиваемся еще с одним мифом отечественной истории. Он восходит к имени великого Пушкина. Идея о том, что Россия, завоеванная, но не покоренная, заслонила собой Европу от татарского завоевания, естественна и понятна психологически, но не выдерживает критики.

Опыт мировой истории свидетельствует, что при крупных переделах мира новая политическая граница, устанавливаемая в ходе завоеваний, стабилизируется поверх границ, разделяющих континенты на цивилизационные круги. Османская империя, веками символизировавшая собой угрозу самому существованию европейской цивилизации, с ходу захватила и до самого заката «блистательной Порты» контролировала православные народы, будь то эллины, славяне или романоязычные румыны. Однако несмотря на все усилия, — а это были растянувшиеся на века войны, в которых Турция доходила до Вены, — исламской Турции так и не удалось надолго, уверенно закрепиться ни в одном из католических регионов. Не менее показательна и то, что три из покоренных Турцией православных народа — абхазы, албанцы, боснийцы — полностью перешли в ислам. При значительном перевесе сил завоевать можно и качественно чуждое общество, но удержать — не уничтожить, а именно удержать — можно лишь то, что с большими или меньшими усилиями ассимилируется, обретает взаимоприемлемую формулу существования и не порождает реакцию органического отторжения.

Покоритель Руси Батый, завершив покорение последнего западнорусского княжества, переходит Карпаты и устремляется на завоевание Запада. Однако здесь он сталкивается с таким сопротивлением, которое принуждает его повернуть назад. Граница православного и католического мира оказалась границей, отделяющей регионы, способные к ассимиляции в монголо-татарскую империю.

Приблизительно сто двадцать лет от Батыя до начала явного упадка Орды во второй половине XIV века татары

оставались для Руси силой, не преодолимой в военном отношении. Русь была лишена возможности сохранения своего суверенитета, но это вовсе не означает отсутствия стратегического выбора.

Мы слишком долго были великой империей и утратили понимание того, в чем состоит выбор слабого. Слабый объективно поставлен в рамки, которые позволяют ему либо балаansirовать между конкурирующими крупными державами, либо, если возможности такой стратегии исчерпаны, выбирать победителя. Иными словами, решать, чье политическое и военное господство принять и с кем ассимилироваться.

В нашей истории есть хороший пример подобного развития событий. Начиная войну с Ливонией, Иван Грозный имел перед собой страну, находившуюся в глубочайшем, непреодолимом кризисе. Исходя из здравого смысла, царь имел все основания рассчитывать на быстрый и безусловный успех. Однако события развивались совершенно неожиданно для Грозного. В течение двух лет московские войска разорили почти всю Ливонию. Ее жители сполна познали прелесть московских порядков (они оставили письменные свидетельства, в которых выражен неподдельный, апокалиптический ужас перед московским разорением). Не имея сил сопротивляться, но и не желая отдаваться глубоко чуждой им московской власти, Ливония распалась и по частям отдала себя в руки родственных балтийских соседей — Швеции, Литвы, Дании и Польши. Новые владельцы потребовали от Москвы очистить их провинции, Грозный отказался, и началась война. Так вместо испускающей дух Ливонии Москва получила новых первоклассных противников. Характерно, что длившаяся двадцать пять лет война закончилась для Москвы безрезультатно. Выбор граждан Ливонии реализовался в истории.

Для того чтобы лучше осознать ситуацию того исторического выбора, о котором мы говорили, надо вспомнить географию. В тот момент геополитическое положение различных русских земель существенно отличалось от нынешнего. На одном полюсе находилось Рязанское княжество, лежащее практически в степной зоне, в непосредственной близости к татар-

ским кочевьям. У Рязани возможности какого-либо политического маневрирования были ничтожны. На другом полюсе находился Новгород, лежащий глубоко на севере, за лесами и болотами.

Теоретически достижимое для татар Новгородское государство находилось на той границе, где усилия по удержанию территории превосходят результаты ее эксплуатации. Татарское влияние здесь минимально, а суверенитет носит номинальный характер. Остальные земли Руси за вычетом переяславских и северских княжеств лежат в лесной, то есть неблагоприятной для кочевников зоне и представляют собой окраину, внешний пояс улуса Джучи. А это значит, что все эти земли имели реальную возможность выхода из улуса. Разработкой военно-политических комбинаций, позволявших обеспечить такой выход сразу после татарского завоевания, занимается галицкий князь Даниил Романович.

Ему это не удалось. Однако одновременно с татарским нашествием на северо-западе возникает новый политический фактор. Соседние Руси литовские племена вступают в фазу становления государственности. Становление Литвы шло на фоне мощной немецкой экспансии. Княжество создается в военном противостоянии немцам, разворачивается бурно и энергично. Причем с самого начала оно охватывает как литовские, так и русские области. Правивший в первой половине XIV века Гедимин уже владеет землями от Полоцка до Киева. Две трети его подданных были русскими. Надо сразу сказать, что русские и литовцы были абсолютно равноправны, а жизнь бок о бок вела их к неизбежному сближению. Гедиминовичи создают могучее литовско-русское государство. К концу четырнадцатого века, в эпоху Витовта, возникает Великая Литва — от Балтийского до Черного морей, территория которой значительно превосходит Московское княжество. Это стало возможным только потому, что русские земли легко шли под руку литовских князей. Не забудем, что переход к Литве был выходом от татар. Итак, на фоне татарского нашествия западные области Руси избирают стратегию синтеза с Литвой и объединяются в рамках Литовско-Русского государст-

ва. Этот выбор лежит в логике развития западных областей Киевской Руси и оказывается естественной реакцией на татарское завоевание.

Иную стратегию демонстрирует Новгород. Пользуясь своим положением, он дистанцируется от татарского нашествия и следит лишь за тем, чтобы сохранять свою независимость и территориальную целостность от любых притязаний, будь то Восточная Русь, Литва или шведы.

Наконец, третью стратегию избирает Восточная Русь. Ее выбор — татарский суверенитет и противостояние европейской экспансии. Первым великим евразийцем был, конечно же, Александр Невский. Именно он избирает развитие Восточной Руси в рамках татарской империи. И этот выбор задан выбором Боголюбского, так как сущность модели развития, реализуемой татарами, совпала с теми характеристиками, которые возобладали на востоке. Чуждые и ненавистные как завоеватели, татары были ближе и предпочтительнее, ибо не сокрушали, а укрепляли устои того культурного космоса, который выстраивался на востоке усилиями Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо и к которому принадлежал и сам Александр Невский.

Евразийский выбор обрекал Восточную Русь на следующую цепочку исторических задач: накопление сил, обретение независимости от татар, вначале политическое подчинение Орды, а затем и полное ее завоевание. Взяв Казань, Иван Грозный в известном смысле восстановил улус Джучи, но с новым центром, в другой этнической и конфессиональной рамке. Евразийский выбор был выбором имперского пути.

Оценивая выделенные нами стратегии, скажем сразу, что в плане исторической перспективы выбор Новгорода был тупиковым. Торговые республики не трансформируются ни в национальные государства, ни в многонациональные империи, а именно такова была основная линия развития европейской истории. Типологически близкие Новгороду города Ганзейского союза или торговые республики Италии на рубеже нового времени приходят в упадок. И Германия, и Италия переживают феодальную реакцию и дезинтеграцию. Характерно,

что именно в этих странах национальные государства формируются очень поздно и практически одновременно, в шестидесятых годах XIX века.

Реальные альтернативы развития русских славян были воплощены в Западной и Восточной Руси. Борьба этих тенденций шла века. Московская империя борется с Великим княжеством Литовским, а затем с Речью Посполитой, в которую вошла Литва, не на жизнь, а на смерть. На этом пути были и бесконечные войны за Смоленск, и Тушинский вор, и поляки в Кремле, и раздел Украины между Польшей и Россией в XVII веке. Лишь в XVIII Восточная Русь одолевает Западную и утверждает московский способ исторического бытия как единственно возможный.

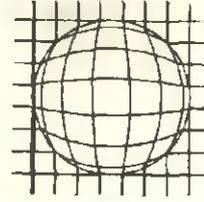
Почему возобладал московский путь? Это тема специального разговора. Различные ответы на татарскую экспансию, это разные исторические судьбы. Итогом выбора Руси было создание трех близких, но далеко не тождественных друг другу народов. В природе каждого из них отлился его вариант, его интенция и его выбор. На отрезке истории между XVI и XX веками выбор Восточной Руси оказался эффективнее. Украина и Белоруссия не смогли создать и отстоять независимое государство. Москва одолела Литву, создала империю, а позднее объединила все остальные территории исторической Руси. Московская идеология притязала на окончательное решение вопроса о выборе XIII века. Эти претензии не оправдались. Выбор Боголюбского — Невского — Грозного — Петра — Сталина изжил себя. Империя кончилась. Оценивая происходящее, стоит вспомнить о тех альтернативах, которые принадлежат нашей истории.

И еще: видение истории народов как прихотливого движения по бесконечному полю альтернатив, где заданы только самые общие характеристики, задает свежее, не средневеково фаталистское мировосприятие. Наше будущее задано массой факторов — внешним контекстом, внутренними ограничениями, инерцией предшествующего развития. Но эта заданность не абсолютна.

Мы свободны.

История вариативна... ●

ВО ВСЕМ МИРЕ

Химическая война растений

Ученые США — специалисты в области сельского хозяйства обнаружили, что около пятидесяти видов сорняков и разновидностей некоторых диких злаков борются с растениями-соперниками выделением токсичных веществ из листьев, корней и семян. Вещества эти препятствуют развитию семян растений-конкурентов, мешая росту корней, или же блокируют их способность к фотосинтезу.

Специалисты по сорнякам из Мичиганского университета утверждают, что быстродействующие химические вещества, выделяемые листьями некоторых растений, действуют на расстоянии около метра и больше, в то время как те же вещества, выделяемые семенами или корнями, токсичны только на расстоянии примерно двух с половиной сантиметров и даже меньше. В дальнейшем ученые надеются использовать естественные токсичные вещества в борьбе сельскохозяйственных растений с сорняками. Возможно, к этому удастся привлечь и генную инженерию.

Виноваты ли измененные гены?

В Англии было разрешено использовать в хлебопекарной промышленности дрожжи, получаемые методом генной инженерии. Почти 35 процентов американского сыра изготавливается с использованием фермента химакса, извлекаемого из бактерий, также полученных методами генной инженерии.

Пока не доказано, что генетически измененные продукты безопасны, а с дру-

гой стороны — не доказано, что они опасны. Фонд защиты окружающей среды указал на использование в качестве растительной пищевой добавки L-триптофана, который вызвал 27 смертельных случаев и 1500 случаев серьезных заболеваний. L-триптофан был получен из бактерий, созданных японской фирмой «Снева денко» с применением методов генной инженерии. Нет достаточно веских доказательств того, что причиной заболеваний был измененный ген, но, возможно, новый ген мог увеличить выработку растениями токсинов.

Вскоре в магазинах появится рыба, ускоренно растущая на гормонах млекопитающих, которые вызывают в ее генетике трансгенные изменения, что может быть небезопасно для человека. Промышленность предлагает подвергать продукты, получаемые методами генной инженерии, такой же процедуре очистки, как и продукты, получаемые по обычной технологии. Более строгие правила регламентации должны применяться только в отношении продуктов, получаемых с помощью измененных генов.

Еще один «новичок»

В июне 1993 года американский астроном Дейвид Рабинович из университета штата Аризона обнаружил неизвестное слабо светящееся небесное тело во внешней области Солнечной системы. Это не спутник той или иной планеты, а самостоятельный, хотя и небольшой, член солнечного семейства.

Планетка размером от пятидесяти до ста километров в диаметре получила наименование 1993 NA2, а ее орбита проходит непосредственно за орбитой Сатурна. Эксперт по малым небесным телам из Гарвард-Смитсоновского астрофизического центра Брайан Марсден считает, что расстояние до него составляет сто пятьдесят миллионов километров. Он полагает, что орбита 1993 NA2 может

оказаться весьма вытянутой, так что в своем наиболее удаленном от светила пункте она даже пересекает орбиту Нептуна.

В 1992 году был открыт крошечный спутник Фол, орбита которого, пролегая также между Сатурном и Нептуном, удаляется от Солнца почти на такое же расстояние. В 1991 году в «занептунье» были обнаружены еще два аналогичных объекта, пока не получивших наименования.

Некоторые астрономы полагают, что все эти «новички» прибыли из кометного пояса Койпера, находящегося за Нептуном. Другие специалисты отвергают подобную гипотезу. Так или иначе, наша Солнечная система оказывается более плотно «заселенным» пространством, чем можно было полагать еще недавно.

В зоопарке родились котята...

Казалось бы, рядовое событие. Однако недавнее рождение двух котят редкой леопардовой кошки в нью-йоркском зоопарке «Бронкс» стало заметным достижением науки, так как это результат использования консервированной спермы и искусственного осеменения самки. Мать этих котят — первая дикая кошка, успешно забеременевшая с помощью искусственного оплодотворения с использованием замороженного семени. «Чтобы достичь успеха в искусственном оплодотворении экзотических кошек, потребовалось ни много ни мало 15 лет, поскольку их

сперма очень быстро погибает и ее нельзя заморозить так, как это обычно делают для сохранения спермы крупного рогатого скота», — говорит физиолог Джо Гейл Хауард из Национального зоопарка в Вашингтоне, принимавший участие в эксперименте.

Леопардовая кошка — редкое животное размером с домашнюю кошку — находится под угрозой исчезновения. Возможность использования замороженной спермы означает, что и другие редкие кошки, подвергающиеся такой опасности, могут быть осеменены спермой животных, находящихся в различных зоопарках или живущих на воле.

Вроде бы забава, но с пользой для дела

Выдвинутая Национальной федерацией охраны живой природы США идея об организации состязаний по экономии энергии в качестве игры для студентов колледжей была встречена с большим энтузиазмом в учебных интернатах по всей стране. Например, в Висконсинском университете руководство общежитиями стало спонсором программы «Зеленый клубок», в которой приняло участие 6600 студентов. В восьми общежитиях они контролировали расход тепла и электроэнергии в течение нескольких лет.

Студенческий коллектив, добивавшийся максимальной экономии за месяц, получал в качестве поощрения... на сто долларов мороженого. В конце же соревнования главный победитель получал настоящую награду и право на посадку памятного дерева под окнами общежития. В прошлом году таким способом была достигнута экономия в семь процентов по теплу и восемь процентов по электроэнергии. Второй спонсор соревнований прошлого года компания «Мадисон гэз энд электрик» выделила тысячу душевых головок с пониженным расходом воды для установки их в общежитиях.

Степан Пачиков на Рождество выступал в «ПараГрафе» в роли Санта Клауса. Фотографию можно считать символической. В своей жизни Степан не раз становился героем рождественских историй.

РЕПОРТАЖ НОМЕРА

М. Курячая

Провидец

Степан Пачиков, президент компьютерной фирмы «ПараГраф», хорошо известен в США. Кажется, нет такого уважающего себя издания, которое не поместило бы на своих страницах фотографию Степана Пачикова. Стремительный взлет его фирмы на международном рынке поверг Америку в состояние шока. Продавая компьютерную технологию, «ПараГраф» опроверг миф о том, что сегодня «русские не могут сделать ничего более сложного, чем «перцовка»...

В середине шестидесятых Степана Пачикова приняли в знаменитую физматшколу новосибирского Академгородка. Способных ребят отбирали по всей Сибири и Дальнему Востоку, так что четырнадцатилетний мальчик выдержал весьма суровый конкурс. Тогда же на Всесибирской олимпиаде он защитил свой первый фантастический проект. Тема была дерзкой, а с точки зрения здравого смысла — даже опасной: что-то вроде того, как приблизить Землю к Солнцу, — фантастика, одним словом...

При желании в том далеком уже эпизоде можно увидеть особый знак. Жизнь как бы примеряла к Степану его дальнейшую судьбу, спрашивая: «Не сделать ли этого мальчика защитником фантастических проектов? Как он? Выдержит?» Что-то, видимо, осталось неясным, а может, таковы правила игры, но спустя четыре года жизнь устроила новую проверку.

К тому времени Степан Пачиков, проучившись два года на мехмате Новосибирского университета, перевелся на факультет экономической кибернетики. Шел 1968 год, и далеко, за тысячи километров от студенческого общежития, катили наши танки по Чехословакии...

Вместе со своим приятелем Степан расписал стены Академгородка возмущенными лозунгами. Кому адресовали они свои призывы? Чего хотели этим добиться? Защитить демократию?

Проект еще более фантастический, чем приблизить Землю к Солнцу.

— Вас поймали? — спрашиваю я у Степана Пачикова.

— Нет, на нас «настучали», и эти данные дошли до КГБ. Нас не арестовали, а как бы стали выгонять из университета. Мне поставили одиннадцать двоек подряд по одному предмету, пока декан не дал понять, что шансов у меня никаких. Но будучи человеком очень милым и порядочным (его фамилия была Орлов), он дал мне рекомендательные письма в другие вузы и сказал, что задержит приказ об отчислении, пока не устроюсь.

Я полетел в Москву, но в Плехановский не попал, потому что нужных людей летом не оказалось на месте. Пришлось ехать в Тбилиси. И там меня взяли в университет, правда, на грузинское отделение, а я не знал по-грузински ни одного слова. Но тем не менее

Степан Пачиков демонстрирует директору «Ай Би Эм» программу распознавания. Гарри Каспаров здесь не случайно: он член правления «ПараГрафа».

благополучно проучился до последнего курса и должен был получить «красный диплом», когда меня вызвали в КГБ и исключили из университета за месяц до окончания. Мой отец был тогда при смерти — рак. Они сказали, что обязательно все сообщат ему. Коммунисту. Офицеру...

Я шел понурившись по улице, понимая, что шансов выжить — никаких. И вдруг — такое бывает только в хорошо продуманных романах! — около меня остановилась машина. Из нее вышел моло-

дой парень, который знал меня по университету (в основном по военным сборам) и который «по совместительству» был сыном Генерального секретаря ЦК Компартии Грузии товарища Мжаванадзе — такой тогда жил бог, царь, диктатор и все остальное.

И вот Саша, сын Мжаванадзе, спрашивает: « Степа, ты чего такой грустный?» Я ему все рассказал. А он ответил, что ради такого пустяка даже папу беспокоить не будет. И тут же с улицы из автомата позвонил.

На следующий день меня пригласили в КГБ: за мной приехала машина, передо мной извинился полковник. Я говорю: «А как же с факультетом? Меня же исключили!» (Декан поставил «неуд» на зачете и сказал, что он на груди пригрел змею. До этого я был его любимцем.) Они тут же позвонили в университет, отвезли меня туда на машине, декан моментально исправил «неуд» на «отлично». И я окончил с отличием Тбилисский университет, с «красным дипломом».

Похоже, дальнейшая жизнь Степана Пачикова складывалась из таких вот волшебных историй. Одна из них настолько полюбились американцам, что обязательно всплывает в любой более или менее обстоятельной статье о «ПараГрафе». Скажем, «Ю Эс Эй Тудэй», Кевин Мэней*: «Всего девять лет назад Пачиков был математиком, по ночам работающим консьержем в доме для иностранцев. «Западники» приобщили его к персональным компьютерам. Он влюбился в компьютеры и организовал в 1988 году «ПараГраф».

«Это еще одна «крисмас стори»** про Рокфеллера, который

* Kevin Maney "Apple's "Red" Newton Russian pioneer software" — "USA Today", 1993, 10 August.

** Christmas story — рождественский рассказ (англ.)

чистил ботинки, зарабатывал свой первый доллар», — смеется Степан. Сотрудники зовут его по имени, и мое «Степан Александрович» выдает если не чужака, то человека с «другой территории». В Штатах отчества не приняты.

Пачикову многое нравится в Америке и, пожалуй, вполне устраивает «голливудская» версия его жизни: приобщился, понравилось, открыл свое дело. Короче, каждый — кузнец своего счастья. В принципе, конечно, так и есть. Но российская действительность имеет свою специфику.

Об этом Степан рассказывает с прежней улыбкой: «После Тбилиси я поступил в Московский университет, в аспирантуру — по математическим методам анализа экономики. Окончил ее в 1975 году, но не защитился. А не защитился, потому что реально диссертация была по искусственному интеллекту, точнее, по теории нечетких множеств. Защищать же чисто математическую диссертацию на экономическом факультете трудно: и без того планы не выполняются по аспирантам... Я был женат, родился ребенок, прописки нет. Ну и стандартная судьба выпускника университета — пошел работать в совхоз «Подмосковный», занимался там АСУ и какой-то ерундой, получил квартиру. До восьмидесятого года работал в совхозе. В семьдесят восьмом от меня ушла жена: увидела, что перспективный молодой ученый превратился в обычного совхозного служащего — огурцы, помидоры, розы, грибы и прочее».

— А вы там наукой не занимались? Хотя бы для себя?

— Практически нет. Все, чем я занимался в то время...

Степан задумывается и после недолгой паузы, скороговоркой, как о чем-то малозначительном, продолжает: «Короче, все свободное время у меня уходило

на разного рода диссидентскую литературу. Так получилось тогда, что мы с моим другом-иностранцем наладили канал доступа сюда большого количества литературы, и я ее распространял, продавал, раздавал и так далее. Мы продавали книги, потому что требовались деньги на оплату этого канала, прибыли же не было никакой. Иногда в доме лежали горы — десятки, сотни «Континентов», Солженицын.

Друзья знают разные смешные истории той поры: как-то я вез чемодан с антисоветской литературой и забыл его на крыше своей машины. Чемодан на Киевском шоссе упал. А в нем, кроме Шаламова, Солженицына, Автарханова, лежал мой паспорт. Классический случай самодонса... Думаю, огромное число москвичей прочитало «Архипелаг ГУЛАГ», поступивший через наш канал. И жизнь в основном уходила на это. Несколько моих близких друзей арестовали, были обыски, их посадили. Меня как-то Бог миловал, но чувствовал я себя несколько неуютно...»

Дальше Степан окончательно переходит к событиям восьмидесятого года, когда он ушел наконец из совхоза.

— Куда? — спрашиваю я.

— Меня пригласили в рабочую консультативную группу при президенте Академии наук, — как о само собой разумеющемся говорит Степан. И замечая мое недоумение (из совхоза? в академию?), объясняет: «Среда у меня была университетская, академическая. И все друзья были, конечно, оттуда, а не совхозные».

Но это только звучит громко: «президент, академия». Прожить на академический оклад просто-му смертному и тогда было нелегко. Тем более, что Степан Пачиков женился — родился сын, потом дочь. Денег, как водится, не хватало. И в восемьдесят четвертом году он стал подраба-

тывать в замечательном месте.

— Здесь и начинается «кристмас стори» про Рокфеллера, — повторяет улыбаясь Степан. — Я устроился работать ночным сторожем в дом на «Юго-Западной», где жили иностранцы — переводчики из «Прогресса». День дежуришь, три отдыхаешь. Платили семьдесят рублей в месяц. Ну, молодой (мне было тридцать четыре года), смею сказать, немного интеллигентный, в очках, книжки читает, журналы странные — по электронике, что-то по-английски, а рубашка и ботинки офицерские (от папы остались). Ясно же, что сотрудник КГБ, тем более что к иностранцам нормального человека не подпустят.

— А вы как туда попали?

— Да очень просто: в стране начинался бардак. Уже всех на все не хватало. Брежнев умер, Андропов умер, Черненко при смерти, вот-вот Горбачев появится. А тут какой-то вахтер. Да кому какое дело: работает он на полставки по совместительству, ну и черт с ним! Мы всегда боялись и преувеличивали их возможности. Мое «дело» из новосибирского КГБ в тбилисское шло два года, пока они меня там нашли...

Чувствуется, что Степана даже забавляет та давняя история. Но кто знает, сколько дней шло его «дело» в действительности? Семьсот? Семьдесят? Семь? В том, чтобы напомнить о себе не сразу, мог быть и свой особый расчет. Судьба в лице Саши Мжаванадзе помогла Степану выбраться из тбилисской ловушки. Однако не шел ли он потом доверчиво в новую, московскую? Дом для иностранцев позволял разыгрывать самые изощренные комбинации. Счастье, что они остались нереализованными.

Хотя, быть может, все это — лишь плод досужих размышлений, фантазия на тему российской дей-

ствительности. А реальность оказалась куда затейливее. Разумеется, Степан Пачиков не стал развешивать заблуждения своих «подопечных»: все равно бы не поверили. Думается, с его склонностью к розыгрышам, приколам и анекдотам он даже слегка работал на вымышленный образ.

«Естественно, иностранцы отнеслись ко мне с уважением, — с удовольствием заключает Степан, — всячески со мной заигрывали и заискивали передо мной. Некоторые приходили ко мне с бутылкой, понимая, что надо создать хорошее впечатление, чтобы я писал «правильный» донос. И вот один из них купил первый персональный компьютер «Комодор-64» и попросил меня помочь разобраться. За два дня, сидя в вахтерской, я «разобрался», написал некую программу, которая позволила ему иметь русские буквы на этом компьютере. Мои акции возросли. В качестве гонорара я попросил, чтобы он подписал меня на некоторые компьютерные журналы, выходящие на Западе: я не мог их выписать на свой адрес. Так я стал читать лучшие западные журналы — «Байт», «Персонал компьютер уорлд», «Пи Си Мэгазин». Это был мой гонорар.

Второй — голландец — тоже купил себе компьютер и попросил помочь с базой данных, редактором текста. Но цены уже возросли, и в качестве гонорара я попросил, чтобы мне тоже купили персональный компьютер. Он правильно решил, что выгоднее купить сейчас, потому что я буду быстрее разбираться. Думаю, я стал одним из первых владельцев персонального компьютера в Москве.

У меня был «Абстракт-6128», я читал литературу и в какой-то момент стал «переполняться» впечатлениями. У меня создалось некоторое видение того, что происходит в компьютерном мире.

Вот на Западе есть такое модное слово — «виженари». Буквально оно переводится как «провидец». Но смысл его намного шире. Это человек, у которого есть видение, мнение; человек, который говорит: «Я думаю, что будет так». Он, может, и ошибается, но это никого не волнует. Важно, что у него есть видение, «вижн». Такие люди на Западе очень ценятся. Например, известным «виженари» считался Джон Скалли, президент фирмы «Эппл», недавно ушедший с этого поста...

И вот у меня появилось вдруг такое «вижн». Я стал писать разные заметки, рассылая их направо и налево. Григорий Рафаилович Громов* до сих пор не может забыть, какое жуткое впечатление производили на него мои работы».

Иного и не могло быть, как говорится, по определению. «С определенной долей осторожности можно утверждать, — читаем мы о «виженари», — что именно эти люди и вызывали продвижение вперед человеческой цивилизации. Беда лишь в том, что для большинства живущих речи этих немногих избранных представлялись сбивчивыми, смутными, иногда раздражающе непонятными, и тогда их побивали камнями; иногда — поражающе глубокими, и тогда за ними шли толпы»**.

До камней, правда, дело не дошло, но и толпы за Степаном не ходили. Изменения в судьбе, кажущиеся сегодня волшебными, жизнь постаралась обставить самым прозаическим образом.

«Меня пригласили на семинар Велихова, — вспоминает Степан Пачиков, — я выступил перед ними и попал в некую маленькую команду людей, которые под руко-

* Г. Р. Громов — известный специалист в области информатики, главный редактор московского еженедельника «Computerworld-Moscow».

** В. Грушецкий, «Странной вести неподкупный раб...» — «Знание — сила», 1992, № 11.

водством Велихова занимались школьной компьютеризацией. Там был известный человек — Леша Семенов, лидер этой группы. Я стал при нем такой второй рукой — и «виженари», и шофером, и чиновником. Бегая по кабинетам начальников — в разных ГКНТ, ГСБ, Совмин, ЭЛОСРГ, за два года я прошел, как любил говорить Леша, «школу организационной грамотности». Научился разговаривать с людьми и начальниками, научился писать бумаги.

А затем мы с помощью Гарика Каспарова организовали детский компьютерный клуб: Гарик, Велихов, Леша Семенов, я и еще несколько человек. Гарик купил компьютеры. Думаю, тогда он впервые попробовал свои когти в борьбе с Госкомспортом, пытаясь заработанные им на контракте деньги не оставить в комитете: вот мне не даете, а детям тоже не дадите? Мы ему в этом помогали и прошли все кабинеты, выбивая наши компьютеры, которые поступили в адрес Госкомспорта. Клуб мы организовали, набрали детей, и я стал лидером этого клуба — директором, президентом и так далее».

И вот в самом центре Москвы — до ЦК пять минут езды — возникло абсолютно фантастическое сообщество. Клуб был нефинансовой организацией. В него принимали кого попало. Взрослых тоже брали, но лишь тех, кто любил занятия с детьми. Существовали обязательные для всех дежурства (и по ночам), потому что компьютеры надо охранять. Самое же ужасное — в клубе никогда не было никаких денег, счетов и ордеров. Короче, организация исповедовала совершенно странные принципы, а их автор, Степан Пачиков, стойко защищал свое детище от «правильной постановки дела». Просто удивительно, как много оказалось вокруг знающих людей! Они знали абсолютно все, а Степан, по их мнению, — мало.

«Я в то время по-настоящему столкнулся с этой проблемой, — говорит Степан Пачиков, — когда мне стали говорить, что я все делаю неправильно: так не организуют клубы, так не руководят, так не делают то, так не делают се. И я впервые тогда сказал: «Ребята, если вы знаете, как сделать клуб, возьмите и сделайте другой. Ну что же вы заставляете меня делать по-вашему? Я хочу вот так».

Возможно, в иные времена его дерзость по отношению к представителям горкома не сошла бы с рук. Но уже всю шумела Перестройка, в Москву хлынули иностранцы и среди них — очень много занимающихся компьютеризацией. Куда их повезти? Что показать? Разумеется, компьютерный клуб. Жаль, конечно, что все в нем неправильно, но гостям почему-то нравилось.

То замечательное время запомнилось Степану еще и по иной причине: «Я очень быстро установил некоторые связи с западными бизнесменами, тогда все еще опасными, но не так, как раньше, — уже домой можно было приглашать и не очень дрожать. Поэтому возникло желание создать собственную фирму, даже не компьютерную, а маленькую альтернативную Академию наук, то есть все еще хотелось заниматься наукой — наукоемкими, как говорят в народе, вещами, но быть независимыми — от начальников, советской власти, чиновников и всего остального».

Так Степан Пачиков постепенно подошел к новому проекту, перед которым компьютерный клуб выглядел детской забавой: «Уже потом, задним числом мы стали называть свою идею «Белл Лаб» — это знаменитая лаборатория Белла, принадлежащая фирме «Эй Ти энд Ти», наверно, самый большой научный центр на Западе: у него бюджет —

миллиард долларов в год. Вот такой маленький российский «Белл Лаб» мы пытались сделать.

В моду стали входить всякие СП. Мы побегали-побегали — СП не получается, все западные партнеры говорят: мол, мы деньги вложим, только покажите, что вы сделать можете.

И тогда один знакомый свел меня со строительным многопрофильным кооперативом, который назывался «Контур». Руководил им такой милый человек по фамилии Брыскин. А шел, не забывайте, восемьдесят восьмой год, кооператив вызывал у всех чувство классовой ненависти. Народ при слове «кооператор» сжимал кулаки. Я даже статью на эту тему написал, но никто не опубликовал — совершенно замечательная была статья: о том, что кооперативы обречены на неудачу, потому что слово «кооператор» противно русскому слуху. А в качестве эпиграфа взял стихотворение Мандельштама: «Однажды из далекого кишлака пришел дехканин в кооператив...».

Вот как раз тогда Брыскин и предложил нам организовать такое хозрасчетное отделение в его кооперативе. Он дал нам уголок, и мы там продавали программы Антона Чижова, Жени Веселова. Из заработанных денег платили аренду, покупали себе компьютеры, платили себе зарплату. Но главное — появилось место, куда кто-то мог прийти, и мы говорили: «Вот это — наша фирма. Вот у нас здесь компьютер, здесь стол, здесь — я, директор, это — мой первый зам, второй зам, это — секретарь». Уже можно было разговаривать.

И возник некий парень двадцати семи лет, из Оклахомы, — Скотт Класовски. Он сказал, что сделает с нами СП, лихо пообещал полмиллиона долларов, мол, для него это — только так, щелкнул пальцами. Мы побегали-побегали, уговорили два академических ин-

ститута стать формальными партнерами. Директора этих институтов знали меня лично. Они хорошие люди и всегда мне сильно помогали. Я их очень люблю и благодарен им за стартовую помощь...».

Однако дальше жизнь действовала по отработанной схеме. У «парня из Оклахомы» денег, естественно, не оказалось. Директор одного из двух институтов деньги перевести вообще забыл. Партнер Степана Пачикова в поисках средств продал свою долю какому-то другому американцу...

Но все это уже не имело значения. «Переполненность впечатлениями», принимаемая некоторыми за восторг неопита, теперь уступила место совсем иным чувствам. Можно называть их как угодно — чутье, интуиция, «вижн», но дальнейшие шаги Степана были практически безошибочными. Он уже понимал, что препятствий не бывает, что это только вопрос настойчивости и усилий пройти сквозь них. А потому фирма «ПараГраф» появилась на свет.

С точки зрения здравого смысла, дальнейшие поступки Степана Пачикова были настолько неправильны, что многие и сейчас объясняют успех «ПараГрафа» необыкновенным обаянием Степана и своего рода шаманством. И хотя ему такая идея кажется вполне убедительной, что-то мешает с ней согласиться. Возможно, та логика, которая прослеживается в цепи вроде бы случайных событий. Начало им (впрочем, весьма условное) положила встреча с сотрудниками Шели Губермана. Произошло это на семинаре Гельфанда, когда Степан рассказывал о будущем компьютеризации.

«Я получил там записку от Дзюбы и Кузнецова — учеников Шели — с совершенно наглым заявлением, — восхищается Степан Пачиков, — мол, можем

решить любую задачу. Спросил: какую? Они дали список из двадцати тем. Я сказал: «Давайте делать распознавание рукописного текста — оно самое простое. По затратам, по деньгам, по всему — там компьютеров мало надо». Ну мы начали с ними делать, появились мои друзья, программисты, Шеля стал принимать участие в этой работе*.

— Вы, конечно, знали, что взялись за задачу, которую никто в мире решить не мог?

— Понимаете, что это такое — «никто решить не мог»? Это неверное утверждение, потому что ее нельзя решить в том смысле, в каком можно решить какое-то уравнение. Ее можно сделать плохо, можно очень плохо, можно чуть-чуть лучше, можно сделать приемлемо: распознаватель рукописного текста никогда не будет идеален. Это невозможно — вы же не читаете любой рукописный текст. На Западе какие-то «демонстрашки» существовали, что-то делалось, что-то работало, но плохо, требовало мощных компьютеров, просто все было непрактично, неприложимо. Народ вокруг мне объяснял: «Степан, зачем мы занимаемся этой ерундой?» Мой любимый друг Женя Веселов говорил: «Ну зачем? Кому это нужно?!» А он — известный программист, автор «Мастера», «Лексикона» и всего на свете. Поскольку я был руководителем, «человеком маркетинговым», то должен был предложить маркетинговый план. И тогда я придумал применение, сказав, что мы будем учить детей правописанию. Все говорят: «Очень умно. А зачем?..»

Трудно сказать, почему Степан настоял на своем. Возможно, опять сработало «вижн». А то и просто сказались закалка прошлых лет и его, как он выражается, «немного известные семи-

* Подробнее об этом: М. Курячая, «Фирма», «Знание — сила», 1994, № 1.

нары, на которых обсуждались всякие смешные проблемы», — например, почему красные выиграли гражданскую войну или, скажем, теория возникновения жизни. Ее потрясающе интересно излагал Боря Беренфельд.

И спустя несколько лет Степан очень кстати вспомнил рассказ того же Бори: «Он мне говорил, что у человека в руке примерно двести мышц, которые соединены с корой головного мозга, с лобной частью. Когда ребенок пишет, микродвижения пальцев управляются очень мощной частью коры головного мозга. Эти микродвижения — настолько существенно сложны, что через лобную часть влияют на все остальное. А потому, если пропустить стадию развития правописания, чистописания, это сказывается на интеллекте ребенка.

Боря говорил так, а может, и не совсем так, и я что-то реконструировал, додумал. Но поскольку моя жена — психолог, я, естественно, читал книги Пиаже, в частности книгу Флейвеля «Генетическая теория Пиаже», а потому очень быстро все скомпилировал и стал убеждать уже со ссылками на Пиаже, который, бедный, не знал, что я на него ссылаюсь.

Здесь очень важны авторитеты. Когда сообщаем, что швейцарский психолог доказал, то народ работает с большим жаром. Я всем со ссылками на Пиаже стал говорить, что наша задача — спасти человечество от вырождения. Очень важно, чтобы была цель, некая задача. Тогда все понимают, что у Степана есть маркетинговый план».

Он, довольный, смеется.

— Так вы авантюрист?

— Ну конечно, — легко и даже с радостью соглашается Степан. А разве бывают предприниматели — неавантюристы? Не бывает. Что такое авантюра? Рискованное предприятие, когда человек что-то делает без стопроцентной надеж-

ды на выигрыш. Если же человек при этом точно знает, что выиграет, он не авантюрист. Так согласитесь, здесь неавантюристы — народ совершенно бесполезный, поскольку играть со стопроцентной гарантией выигрыша — ума не надо.

Степан немного подумал и нехотя признал: «Ну, надо». И после паузы добавил: «Но мало».

В чувстве справедливости ему не откажешь, даже по отношению к расчетливым неавантюристам. В самой же вероятности проигрыша Степан видит что-то положительное, некоторое достоинство. Может, это должно примирять окружающих с его феноменальной везучестью? Создается впечатление, будто Степан даже слегка стесняется своей удачливости и в то же время понимает, что иначе быть не могло.

«Здесь сработало чутье, — говорит Степан Пачиков, возвращаясь к распознаванию. — Я понимал, что на всех визитеров произвела впечатление нетривиальность задачи. К счастью, нам повезло и в другом: один из наших программистов, Саша Пашинцев, оказался большим любителем красивых интерфейсов. Ему нравилось, когда программа производила эстетическое впечатление, когда она была сделана красиво — в про-

Портативный компьютер — записная книжка «Ньютон», — в котором распознаватель рукописного текста разработан «ПараГрафом».

MobileCalc

The Newton Spreadsheet.

Spreadsheet power right in the palm of your hand.

Capture. Organize. Communicate. CRUNCH.

By now, you probably know that you can do a lot with your Newton. Like jot down messages. Better organize your life. And stay in touch with people and places around you. But did you also know that with MobileCalc, you can do one more thing you might not have thought of?

Crunch numbers

MobileCalc is a paper and pencil-like spreadsheet that you can take anywhere. From "back-of-the-envelope" calculations to serious numerical analysis, MobileCalc lets you get down to the bottom-line of your business, no matter where business takes you.

Answers when and where you want them.

Sales forecasts. Cost estimates. Portfolio analyst P&L. Pro formas. What-if scenarios. Just about anything you can accomplish with a traditional spreadsheet you now get done with MobileCalc on your Newton. MobileCalc is Accurate. And powerful. In it's the world's most convenient spreadsheet.

Designed specifically with PDAs in mind

MobileCalc was created to work within the unique environment of PDAs — specifically, small screens and handwritten input. MobileCalc features a simple, uncluttered viewing area and takes advantage of the pen's point and tap capabilities. Write your normal way and MobileCalc puts the numbers right place. MobileCalc. The Newton Spreadsheet.

MobileSoft

граммистском стиле. И благодаря Саше наша программа распознавания приобрела окончательный блеск.

Это, как выяснилось, большое дело. Очень важно показать не только технологию, но и то, что вы способны придать ей грамотный, эстетичный вид. Я всегда говорил: потенциальный заказчик может и сомневаться, работает ли технология, хорошая ли она, но он не должен сомневаться, что ее делали грамотные люди. Западные бизнесмены, как правило, слабо разбираются в технологии, но сра-

зу видят — это сделано грамотно, красиво, нетривиально выглядит».

Любимое слово Степана Пачикова — «смешно». Чем серьезнее ситуация, в которой он оказался, тем веселее о ней рассказывается. Чемодан на Киевском шоссе с антисоветской литературой — классический пример «очень смешной истории», которых с ним приключалось множество. Он вроде бы совершенно откровенен, но ровно настолько, насколько считает нужным. В сочетании с искренним смехом это

М. Курачев.
Провидец

«Знание — сила».
Май 1994

производит эффект необыкновенный. Сознательно или нет добивается его Степан — сказать трудно. Но похоже, что он с удовольствием и творчески подходит к созданию легенды, которую называет «моя жизнь». В ней нет места тоскливому ожиданию — денег, телефонного звонка, ночного стука в дверь. Есть забавные пустяки, разнообразящие повседневное существование. И очень смешные истории. Одна из них случилась на выставке в Ганновере, куда они прибыли демонстрировать продукцию «ПараГрафа».

«Случайно — с помощью Леша Пажитнова, автора «Тетриса», — мы заработали сорок тысяч долларов, — вспоминает Пачиков, — и потратили их на то, что уехали в Ганновер на выставку «Цебит»*. Это очень смешная история. Надо было видеть меня с чемоданами, набитыми какой-то литературой, компьютерами, демонстрациями на груди дурацкая армейская кокарда или звезда, не помню, вид совершенно жуткий — могу показать фотографии. Мы носились по выставке, не понимая, что делать. Я первый раз за рубежом. Выставка. С какого конца к ней приступить? Для нас оказалось большой новостью, что все люди покупают стенд за год до открытия, что все раскуплено, все у всех приготовлено. А мы приехали в день открытия.

Спасло то, что представитель фирмы «Аштон Тэйк» в свое время посетил наш компьютерный клуб: он меня знал и предоставил место у себя на стенде, который оказался в самом лучшем зале: там расположились самые крупные фирмы — «Майкрософт», «Ай Би Эм», «Паккард». И тут же — «ПараГраф».

Программа, где мы показывали рукописный текст, произвела фу-

* CeBit — самая крупная в мире выставка компьютерных технологий.

рор. Все видели: какие-то русские, из России — там перестройка, Горбачев; а у них — пишешь на бумаге, сканируешь — и она читает! К нам приходили, приглашали к себе, приглашали на приемы. У меня и сейчас очень плохой английский, а тогда был просто ужасный. А тут генеральные директора, президенты фирм. Представьте ощущения человека, который впервые попал в мир большого бизнеса: с тобой серьезно что-то обсуждают — полное кино!..

А в начале июня девяностого года мы отправились на «Комдекс» в США*. Здесь выяснилось, что впервые за всю историю «Комдекса» советская фирма имела свой стенд! Уже заранее закупленный. Огромный красный флаг — серп, молот, и звездно-полосатый американский флаг — совместное предприятие «ПараГраф»!..

Я очень счастлив, что мы придумали название «ПараГраф». Оно возникло вот как: Илья Лосев** в свое время создал язык Параграф, а слово означает — «параллельная графика», или «параллельный граф», вычисления на параллельном графе. Я знал про его язык, и мне пришло в голову назвать так фирму. Пятьдесят процентов нашего успеха — это название, двадцать пять — Шеля Губерман и еще двадцать пять — все мы остальные...

Выставка эта совпала с первым приездом Горбачева в Америку — ну, полная «горбомафия», кругом только «Горби». А тут советская фирма, красный флаг, самовар стоит в центре. (Естественно, как я могу компьютерную технологию без самовара и матрешки показывать!) К нам было повальное шествие. У нас не оказалось принтера, так одна фирма чуть не плакала, почему мы

* «Комдекс» — самая крупная ежегодная выставка компьютерных технологий в США.

** Илья Лосев — директор по науке фирмы «ПараГраф».

взяли принтер не у нее. Нас приглашали на все самые престижные приемы».

Он прерывается, чтобы показать фотографии. На них — Степан в компании разных людей. «Билл Гейтс — миллиардер, Митч Капур — основатель фирмы «Лотус», Джон Скалли — президент правления «Эппл», здесь все компьютерные знаменитости», — объясняет Степан.

Потом сообщения о «ПараГрафе» попали в крупнейшие газеты Америки, репортаж о Степане Пачикове с сотрудниками снимала всемирно известная «Си Эн Эн». Степан, похоже, стал живым воплощением американской мечты. Что там приезд Горбачева! Казалось — сама перестройка задумана только для успеха «ПараГрафа».

вестной фирмой. Позже я это вербализовал иначе — важна твоя «кредитная история».

«Кредитная история» — термин, которым пользуются на Западе все люди. Грубо говоря, под ним подразумевается история долгов и доходов конкретного человека. Пусть кто-то хочет купить дом, машину, завести кредитную карточку, первым делом проверяется «кредитная история». Если ее нет — она может быть безупречной, просто ее нет (вы только приехали в Америку, вас никто не знает, у вас не было счета, вы не брали денег в долг), очень тяжело что-либо делать. «Кредитная история» — это такая штука, которая сопровождает каждого американца: ее надо один раз испортить, чтобы отравить жизнь навсегда. Достаточно не по-

«Кадры»
из совершенно
фантастического
проекта
«Альгер Эго».

Когда в девяносто первом году фирма «Эппл» заключила контракт с «ПараГрафом», событие стало неожиданностью для всех, кроме Степана Пачикова. Слишком много усилий потратил он, чтобы ожидать иного. И опять, вопреки «правильным» представлениям о бизнесе, он сделал ставку не на рекламу, хотя мощный старт на «Комдексе» подсказывал именно такой путь.

«Дело не в рекламе, — объясняет Степан. — Я понимал, что никто не захочет иметь дело с неизвестным человеком и неиз-

гасить вовремя какой-нибудь долг, не заплатить в магазине и тому подобное.

Но «кредитная история» — понятие более широкое. В бизнесе оно означает не просто вашу репутацию, а как бы вашу реальность — это совокупность информации о человеке. В сочетании с личными встречами, с тем, что говорят другие или пишут газеты, такая реальность создает некое поле, на базе которого строятся отношения. Человек принимает решение на интуитивном уровне, но ведь интуиция есть огромное

знание, обрабатываемое подсознательно. И создавая свою «кредитную историю», свою репутацию, ты фактически формируешь у потенциального партнера такую интуицию. И в этом смысле умение формировать интуитивное отношение к себе и есть та способность, которая, видимо, отличает одного предпринимателя от другого. Умение вызывать к себе доверие — не в том смысле, что тебе готовы отдать деньги, а в том, что с тобой готовы иметь дело...

И когда мы, например, писали контракт с «Эплл», все, что мы делали, монотонно, шаг за шагом (два года ушли не на контракт, а на это), постоянно доказывали, что мы никуда не денемся, что нам можно доверять, что мы — аккуратные люди, что мы — надеж-

тратил на то, чтобы убедиться — его не обманут, не обкрадут, не уберут, не надуют. У них вообще-то довольно легко друг друга обманывают, и такая черта не считается зазорной. Если человек не нарушил юридическую сторону закона, остальное не важно — моральные нормы нарушаются легко. Легенды, что сделки совершаются пожатием руки, что все друг другу верят на слово, один другому дал миллион — все это сказки. Мир жесткий: договоренности забываются, иначе интерпретируются: «Этого я вам не говорил. Это все не так». И конечно же, единственное, что более или менее сдерживает, — это закон, а моральные нормы... Они существуют, как в любой другой стране, но они, наверняка, не выше, чем в России ...»

ные партнеры. Я не обижался, когда мне не доверяли, когда перепроверяли и так далее. Наверное, этот процесс никогда не заканчивается. Нельзя сказать: все — я создал себе репутацию, я создал себе «кредитную историю», я создал себе имидж и дальше могу почивать на лаврах. Нет, это — процесс постоянный, непрерывный, который нельзя остановить, потому что остановить — значит все потерять.

Когда мы открыли в Калифорнии свой офис, наш американский партнер больше всего сил по-

В прошлом году — и что очень важно, в сроки, оговоренные контрактом, — в продаже появился портативный компьютер — записная книжка «Ньютон»*. Распознаватель рукописного текста —

* По мнению представителей фирмы «Эплл», «Ньютон» — не просто электронная записная книжка с вводом информации от руки, а принципиально новое коммуникационное средство. С его помощью можно реализовать беспроводную связь «Ньютон» — «Ньютоном» и «Ньютоном» — настольный компьютер с помощью инфракрасных лучей, адаптер для подключения к компьютерной сети, внешний факс-модем, связь по высокочастотным радиоканалам с телекоммуникационными сетями, получающими на Западе огромное распространение.

одну из ключевых частей программного обеспечения, разработал «ПараГраф». Так вступил в действие «технологический мост», созданный Степаном Пачиковым.

«Фактически «ПараГраф» состоит из двух отделений, считает Степан, — московского и калифорнийского. Это такой технологический мост, который стал своего рода симбиозом инкубатора фирм, московское отделение — скорее инкубатор технологий, калифорнийское — инкубатор фирм.

Структура фирмы основана на понимании того факта, что технологию легче и дешевле начать разрабатывать в России, но закончить ее здесь практически невозможно».

Однако отделить технологию от разработчика очень трудно: ее нельзя передать, переслав бумаги с описанием. По этой причине, когда началась конкретная работа над «Ньютоном», двадцать шесть сотрудников московского «ПараГрафа» поселились в Калифорнии, в Кремниевой долине. Для американцев наблюдать наших людей в работе оказалось большим потрясением.

Об этом Степан Пачиков рассказывает, не скрывая улыбки: «Они приходят на работу и видят советских сотрудников, у которых все другое. Наши разговаривают и смеются так, что земля дрожит.

На работу принято ходить в шлепанцах и тренировочных штанах с пузырями на коленках. Есть привычка, мягко говоря, не очень часто пользоваться дезодорантом: и на переговорах иной раз приходится наблюдать, как американец отодвигается все дальше — на другой край стола.

Они не очень понимают и мои странные манеры: я — директор фирмы, разговариваю, например, а сотрудник может зайти в любой момент, что угодно взять и уйти или сесть послушать, вста-

вить какое-то замечание, взять бумаги со стола.

Если американцу нужно поговорить с коллегой, он назначает ему «митинг» (встречу) и пишет в своем расписании: «14.30 — meeting». Если же ему необходимо поговорить по телефону, он не звонит, а назначает «конференц колл»*, то есть секретарша звонит, договаривается с той секретаршей, что вы созвонитесь завтра в восемь тридцать. Поэтому наша безобразно далекая от какой-либо организованности манера вести дела их сильно шокирует.

Кроме того, действуют и иные факторы: Россия, рубли, валюта, какие-то счета, почему-то ни у кого ничего нельзя добиться, перевести на счет — проблема. Ну сумасшедший дом! Наш главный бухгалтер (он — американец) первые два месяца, по-моему, вообще не спал. И мне было приятно видеть, как мистический ужас в его глазах сменялся уважением.

Он теперь понял, что на самом деле мы — нетривиальные люди и часто компенсируем отсутствие опыта десятикратным запасом энергии, таланта, знаний, культуры.

Конечно, обидно, когда человек вынужден делать работу, которую другой, в десять раз менее способный, делает точно так же, лишь потому, что он хорошо тренирован. Но зато широкое образование, широкая культура позволяют ухватывать соседние вещи, работать на «пограничных эффектах» знаний, увязывать разные вопросы.

Я, например, не являюсь хорошим юристом, хорошим экономистом, математиком, программистом, ученым и так далее, но имею все это понемножку. Плюс, наверное, есть ум и какие-то способности, а потому могу вклю-

* Conference call — переговоры по телефону (англ.)

читься практически в любую проблему. И они это понимают. Я вижу, как они начинают менять свое отношение.

С другой стороны, наши начинают приобретать какие-то цивилизованные привычки...

Короче, постепенно возник технологический мост между двумя странами: благодаря ему и какая-то наша культура внедряется в американскую. Например, один из самых влиятельных людей в Кремниевой долине, Риджис Маккена, сильно возражал, чтобы мы продали часть «ПараГрафа» какой-нибудь знаменитой фирме типа «Моторола» или «Ай Би Эм». Он считает, будто культура крупной фирмы нас задавит. А им очень важно, чтобы мы выработали свою культуру. Как сказал Риджис, «Вы для нас — эксперимент, мы за вами наблюдаем. Нам не нужно, чтобы получилась еще одна стандартная организация, которая делает бизнес по учебнику. Интерес представляют фирмы, которые нарушают каноны и законы и вырабатывают новую культуру, новую традицию».

Когда бывает правление (а там сидят люди с крупнейшими именами — они звучат в Кремниевой долине так же, как для нас здесь Авернцев), мне, конечно, дают советы, но не говорят: «Делай так, потому что это правильно». Они говорят: «Мы бы сделали так, потому-то и потому-то. Но ты президент фирмы, ты — «виженари», ты считаешь, что нужно сделать иначе, — делай. Ты за это отвечаешь». Вот так мы сегодня сотрудничаем».

Трудно все-таки понять, какой смысл вкладывают они в слово «виженари». Оно употребляется так же легко, как у нас — «бизнесмен» и, похоже, так же далеко от русского «провидец», как наш «бизнесмен» — от американского. Думается, видение Степана Па-

чикова, удина по национальности*, — явление чисто российское. И мощное стремление к независимости — того же корня. И его фантастические проекты.

— Если бы не перестройка, как вы представляете свою дальнейшую жизнь? — спрашиваю я.

— Наверное, кончил бы где-нибудь в лагере. Я все-таки никогда не был конформистом и советскую власть стал аккуратно не любить примерно с восьмого класса. Во время учебы в Тбилиси я просидел в библиотеке — прочитал все газеты «Правда», с первого номера по сороковой год. Полную историю КПСС я знал по газете «Правда», и поэтому, конечно же, я бы, наверно, плохо кончил, — весело заключает Степан. — А может, и нет — стал бы благополучным старшим научным сотрудником, кандидатом наук.

Степану Пачикову, кажется, самому нравится эта идея. Он уже примерил на себя новую личину, остался доволен и радостно продолжил маскарад: «Мечтал бы купить машину, приобрел бы дачный участок». И тут же уронил в задумчивости: «Либо сбежал куда-нибудь, хотя всегда был большим противником отъезда».

— Всегда? Никогда не возникло желания уехать?

— У меня появлялась мысль об отъезде в году восьмидесятом или восьмидесятом первом, когда я почувствовал, что нахожусь на грани ареста. Желания уехать не испытывал, но подумывал об этом. Однако я всегда был противником таких мыслей и теоретизировал на тему, почему не нужно уезжать. Сейчас у меня иное к этому отношение.

Дальнейший монолог Степана наконец-то прояснил его взгляды

* Удины — народ, живущий ныне в Азербайджане и Грузии.

и на «вижн», и на «виженари».

— Я считаю,— сказал Степан Пачиков,— что нет проблемы отъезда — есть проблема выбора: у каждого человека — свое предназначение, некая функция, и необходимо ее реализовать. В тебя Бог с детства что-то заложил, а в конце ты должен прийти и сказать, сколько из заложенного ты реализовал. Называйте такое самореализацией, еще как-то, но надо сделать максимум. Если для этого нужно остаться в России,— нужно остаться в России. Если нужно сидеть в лагере, нужно в нем отсидеть. Если для этого нужно, ну не знаю — стать королем Парагвая, нужно им стать. Нужно сделать максимум в своей жизни.

Сейчас я считаю, что моя задача — завершить начатую конструкцию, создать новый вид бизнеса под названием «ПараГраф» и приступить к другому совершенно сумасшедшему проекту — «Альтер Эго». Он настолько нереальный, настолько бессмысленный, что сделать его нельзя. Его нельзя сделать ни-ко-му! То есть здесь не просто вызов — это попытка как бы нарушить сразу два закона природы и воплотить две мечты человечества. Одна — о путешествии во Вселенной к иным планетам, мирам, цивилизациям. Другая — вернуться в прошлое — на много-много веков назад — и жить в нем, влиять на историю, говорить с Христом, Понтием Пилатом, Атиллой.

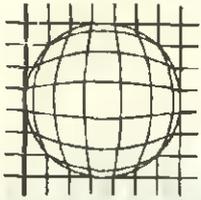
Фактически я хочу осуществить то, что казалось человеку невозможным даже в самых потаенных мечтах. Проект требует колоссальной работы по созданию базы знаний о всей человеческой истории, искусственного интеллекта, языка описания истории и культуры и соединению их, так сказать, воедино. Мы разбили его на маленькие куски и решили, что начнем с истории жилищ, исто-

рии архитектуры (история жилища как история цивилизации). Мы стали делать еще более упрощенные вещи, но даже в маленьких томиках это — все равно чудовищный и бессмысленный проект. Поэтому он производит на всех совершенно магическое впечатление. Не встречал ни одного человека, которому бы он не понравился.

Я недавно упомянул в газете, что для такого проекта нужен крупный партнер типа «Эй Ти энд Ти» (это самая крупная в мире американская телефонная корпорация, с оборотом в семьдесят или восемьдесят миллиардов долларов, которая на самом деле занимается всем — микропроцессорами, технологиями, компьютерами). Газета вышла утром, в десять мне позвонил старший вице-президент этой фирмы, в двенадцать он приехал в наш офис. Он просидел три часа, посмотрел «демонстрашки» и сказал: «У меня с собой чековая книжка. Скажите, сколько вам надо, я готов выписать чек сейчас». Я ответил, что не могу взять деньги: я же не знаю, как делать...»

Что будет дальше? Судя по всему, необыкновенные трудности при реализации очередного фантастического проекта — обязательное условие пачиковского существования. Так же как и неприменное преодоление всех препятствий на пути к достижению цели.

Детский набросок будущей судьбы остался в далеком Академгородке под Новосибирском. Но, похоже, именно он лег в основу взрослой жизни Степана Пачикова. А это внушает надежду, что проект «Альтер Эго», который «нельзя сделать никому», будет все-таки сделан. И тогда, возможно, окажется, что он — во все не главное в той странной цепи событий, которую мы иногда называем судьбой. ●

Ранние птицы

Объединение британских орнитологов сообщило, что с середины семидесятых годов идет почти неуклонный процесс более раннего гнездования птиц на территории страны. Эти наблюдения, охватившие более тридцати тысяч гнезд, показали, что ныне они появляются в среднем на двадцать два дня раньше, чем пятнадцать лет назад.

Из восьмидесяти двух видов, которые изучали орнитологи, представители тридцати трех гнездуются теперь раньше — на срок от одного до двадцати двух дней. Только пять видов стали делать это позднее, чем до сих пор. Первые кладки яиц появляются теперь раньше в среднем на неделю.

Около половины перелетных птиц, гнездящихся в Великобритании, «сдвинули» момент выведения птенцов на более ранние сроки. Это им «выгодно», так как у молодняка появляется больше времени, чтобы подготовиться к трудностям далекого перелета.

Специалисты считают все это последствием идущего глобального потепления климата.

Успеют ли джунгли раскрыть свои тайны?

Количество применяемых в наши дни в медицине лекарств, созданных на растительной основе, едва лишь намекает на неиспользованные возможности природной фармакопеи. «Из более чем двухсот пятидесяти тысяч

известных науке видов растений испытания на возможность их применения в медицине проходит менее одного процента.— говорит Майкл Балик, директор Института экологической ботаники при Нью-Йоркском ботаническом саде.— Но даже из этого небольшого количества получают всего четверть рекомендуемых нами лекарств». Сбор и химический анализ десятков тысяч растений — задача трудновыполнимая. На это потребуются уйма времени, а все ускользящее уничтожение тропических лесов ведет к тому, что многие виды растений исчезнут с лица Земли раньше, чем их сумеют не только исследовать, но даже просто научно классифицировать.

Самая прозрачная

Уже более столетия прозрачность морской воды определяют с помощью диска Секи, названного так по имени итальянского астронома, впервые определившего прозрачность воды этим способом в 1865 году.

Белый диск диаметром тридцать сантиметров опускают в горизонтальном положении в воду, отмечая, до какой глубины белое пятно остается видимым. Недавно западногерманская экспедиция измерила самую прозрачную морскую воду у берегов Антарктиды. Белый диск остался видимым до глубины 79 метров. До сих пор рекорд принадлежал водам Средиземного моря — 53 метра. Для сравнения: в дистиллированной воде диск Сека остается видимым до глубины 80 метров. Так что морская вода около Антарктиды совершенно чиста.

Разводите крокодилов!

Говорят, это очень выгодно. Такой вид предпринимательства в последнее время становится одной из основных отраслей производства в американском штате Луизиана. В 1989 году на фермах этого штата было выведено 75 тысяч аллигаторов. Совсем недавно им грозило исчезновение, а сегодня они процветают. Владельцы ферм по разведению аллигаторов обязаны выпускать на волю семнадцать процентов рептилий, выращенных до ста двадцати сантиметров.

На фермах животных содержат в наполовину врытых в землю и обшитых жестью строениях из шлакоблоков, установленных на бетонных плитах. В помещениях поддерживается температура плюс 32 градуса. Кормят аллигаторов тушками нутрий, бобров, рыбой и специально приготовляемым сухим кормом. Рептилий разводят из собранных яиц аллигаторов, живущих на свободе, или покупаемых по цене от пяти до восьми долларов за яйцо. На фермах бывает до тридцати тысяч животных.

Разводят аллигаторов также во Флориде и Техасе. За метр кожи фермер получает около ста двадцати восьми долларов. Животных начинают продавать, когда они достигают ста двадцати сантиметров. Помимо кожи, продают и мясо: двадцать долларов за тушу.

«Если вы хотите помочь аллигаторам выжить, а также сохранить болота, то покупайте сумочки, сшитые из их кожи», — призывает биолог Джоанен. Звучит парадоксально, но это действительно так.

Немецкое чудо и наши

Социальное рыночное

Отца экономического чуда послевоенной Германии сегодня у нас, в России, пытаются сделать своим союзником и левые, и правые. Союзник хорош: благодаря реформам за два года страна встала из руин, еще через два вошла в эпоху невиданного экономического роста. И левые, и правые находят, что у них есть основания претендовать на это идеологическое наследство.

Сторонники финансовой стабилизации, быстрой приватизации и резкого ослабления роли государства в экономике могут считать его своим, потому что Эрхард начал реформу с отмены старых денег, замораживания и почти полной ликвидации счетов в банках и выдачи по сорок новых марок на нос. Оппоненты обвиняли его в ограблении немецкого народа с куда большим основанием, чем это делают оппоненты политики Гайдара. Кроме того, тот же Эрхард в одночасье освободил цены, чего не ожидали от него даже союзники. И вообще министр народного хозяйства, позже канцлер ФРГ положил столько сил на то, чтобы экономика его страны из планово-централизованной при фашизме стала социально рыночной, так твердо исповедовал ценности свободного предпринимательства и свободной конкуренции, что ни один рыночник не может отречься от кровного родства с идеологом немецких реформ.

Противники проводимых кабинетом Гайдара реформ в том же определении Эрхарда — «социальное рыночное хозяйство» — делают упор на первом слове. В переводе с немецкого оно означает для них примерно следующее: государство сохраняет все рабочие места независимо от их эффективности и необходимости, оплачивает из своего бюджета никому не нужное производство, при этом или замораживает цены, или обеспечивает неуклонное (вслед за ценами) повышение заработной платы, в то же время утирая слезы сырых и убогих в размере не менее средней зарплаты, заодно содержит культуру, науку и образование, а для дальнейшего расцвета ремесел постоянно снижает налоги. Такая вот народная экономика, пронизанная знакомой идеей «все для человека, все на благо человека».

Поскольку эта идеология исповедуется, как правило, не целиком, а близлежащими к шкуре местами («Бог с ней, с культурой, главное — поддержать сельское хозяйство»), ее идиотизм заметен не сразу. А к Эрхарду наиболее образованные ее сторонники апеллируют, вспоминая, что с 1949 года он вывел из сферы свободной конкуренции несколько отраслей (сельское хозяйство, угледобыча, черная металлургия, транспорт, жилищное строительство) и государство активно их регулировало; или что две пятых чистых капиталовложений за 1948—1955 годы были финансируемы государственным бюджетом. Правда, эти экстравагантные для классического свободного рынка меры были приняты после того, как закон запретил сводить государственный бюджет с дефицитом, и закон неуклонно исполнялся.

Как видим, термин «социальное рыночное хозяйство» можно толковать по-разному. А как понимал его сам Людвиг Эрхард?

Это и решила выяснить доктор экономических наук Ирина Осадчая, листая книгу Л. Эрхарда «Благосостояние для всех»^{*}.

* Москва, «Начала-Пресс», 1991 год.

ОЖИДАНИЯ ЧУДА

хозяйство по Эрхарду

Я готов уговаривать каждого отдельного германского гражданина до тех пор, пока он не устыдится, что не поддерживает усилий, направленных на укрепление устойчивости валюты.

Л. Эрхард,
«Благосостояние для всех»

Интервью, которого не было

— Как же вы в ситуации, когда, по вашим же словам, «большинство людей не хотело верить, что опыт валютной и экономической реформы может удасться», все-таки решились на нее?

— Дело совсем не обстояло так, что, поступая разумно, мы располагали возможностью свободного решения. Что мы должны были сделать при тогдашних условиях — это снять оковы.

В середине 1948 года немцам представилась наконец исключительно благоприятная возможность увязать валютную реформу с решительной реформой всего хозяйства, прекратить бессмысленное перенапряжение человеческих сил, которое было вызвано хозяйственным администрированием, чуждым пониманию реальной деятельности. Эта система заслуживала лишь того, чтобы быть бесславно похороненной. Лишь немногие еще сознают сегодня, сколько потребовалось мужества и готовности принять на себя ответственность, чтобы сделать этот шаг.

Заметки на полях

Эрхард считает, что у него не было выбора — только реформа, и прежде всего финансовая стабилизация. Гайдар считает так же и многократно говорил об этом. По одним учебникам учились? Или это одни из важных пунктов модели выхода из централизованной плановой экономики?

Ситуации в начале реформ действительно во многом сходны. В Германии это формальная стабильность цен и зарплат при тотальном дефиците всего, скрытая инфляция, разгул «черного» рынка, масса платежных средств на руках населения в восемь-девять раз превышала валовой национальный продукт.

Вспоминаете 1991 год, проведенный в очередях?

Так, может, правы Эрхард и Гайдар, мы действительно «не располагаем возможностью свободных решений»?

Западная Германия к началу 1950 года превзошла довоенный максимум промышленного производства, а с 1952 года пошел беспрецедентный в немецкой истории экономический рост.

Жесткую финансовую политику команда Гайдара выдержала по-настоящему только три первых месяца 1992 года, потом начались денежные впрыскивания в производство и раскручивание инфляции. Вторая попытка борьбы с ней, возможно, тоже заканчивается...

— *Сопротивление реформам было сильным?*

— Отвержение рыночного хозяйства было в рядах оппозиции более или менее единодушным. Правда, при этом отдельные критики, несомненно, исходили из разных соображений. Одни были склонны отрицать правильность самих принципов, другие считали, что в послевоенной Германии, с ее разрушенными промышленными установками и миллионами беженцев, осуществление этих принципов невозможно... Отчеты тогдашних прений читаются в наши дни как страницы чрезвычайно увлекательного романа.

Одна из самых драматических эпох — второе полугодие 1948 года. Самой важной задачей было не дать себя смутить этой бурной неразберихой и остаться твердым даже тогда, когда профсоюзы призвали 12 ноября 1948 года ко всеобщей забастовке, чтобы при помощи такой решительной меры покончить со свободным рыночным хозяйством. В Экономическом совете царило смятение. Почти во всех письменных столах Хозяйственного управления, руководитель которого так решительно боролся против направляемого хозяйства и предписанных цен, тайком лежали наготове новые варианты только что отмененных распоряжений. Само Хозяйственное управление усомнилось в правильности положений, которые защищал его руководитель.

— *С вашим именем связывают концепцию не просто рыночного, а «социального рыночного хозяйства». Какой смысл вы вкладываете в определение «социальный»?*

— Социальный смысл рыночного хозяйства в том и заключается, что любой успех экономики, любое достижение рационализации, любое повышение производительности труда идет на благо народу и служит лучшему удовлетворению нужд потребителей. Цель создания социального рыночного хозяйства только тогда можно считать полностью достигнутой, когда соответственно с растущей производительностью труда одновременно понижаются цены, обеспечивая таким образом подлинное повышение реальной заработной платы.

— *Следовательно, термин «социальный» вы не связываете с вмешательством государства в рыночные отношения привычным для плановой экономики способом: регулирование цен на отдельные товары, субсидирование цен и прочие похожие меры? Верно ли я поняла, что решающее значение вы придаете росту производительности труда на базе свободной конкуренции и свободе рыночного ценообразования?*

— Рыночное хозяйство не может быть отделено от свободной конкуренции, оно не может отказаться от функции свободной цены. Кто захочет исключить функцию свободной цены, тот умерщвляет конкуренцию и содействует оцепенению экономики, и безразлично, проводится ли это государственными учреждениями или предпринимательскими организациями, например картелями.

Единственно «правильная», с народнохозяйственной точки зрения, и допустимая рыночная цена не может быть высчитана абстрактно. Она образуется в результате уравнивания цен на свободном рынке. Всякое другое понимание цен приводит к искажениям и по необходимости способствует убеждениям, будто предприниматель может в любом случае претендовать на покрытие издержек.

— *Тогда чем же все-таки отличается ваше «социальное рыночное» от классического свободного рыночного хозяйства, в которое государство не вмешивается?*

— Я охотно соглашусь, что здесь речь идет об основном вопросе рыночного хозяйства современного типа. Поставить этот вопрос и на него ответить — это значит вскрыть очевидную разницу между социальным рыночным хозяйством, которое мы стремимся осуществить в Западной Германии начиная с 1948 года, и либералисти-

ческим хозяйством старого образца. По моему мнению, социальное рыночное хозяйство как раз не предоставляет предпринимателю свободу исключать конкуренцию путем создания картельных соглашений; напротив, оно обязывает предпринимателя путем собственных достижений, соревнуясь с конкурентами, заслужить благосклонность потребителя.

— *Следовательно, решающее отличие социального рыночного хозяйства состоит в том, что в нем свободное предпринимательство свободно до той поры, пока оно не приведет к образованию монополии? Это для нас особенно важно, потому что ни одна экономическая система не страдала от такого сверхмонополизма так, как наша.*

— Конкуренция и обусловленное ею повышение производительности должны быть обеспечены государством и ограждены от возможных посягательств. В частности, надо гарантировать, чтобы функция свободного образования цен на независимом рынке не встречала никаких препятствий. В самом факте навязанных коллективом цен, даже если они морально и калькуляционно оправданы, я усматриваю народнохозяйственное зло.

— *Многие сторонники картельных объединений в Германии выдвигали в их защиту примерно те же доводы, что сегодня выдвигаются у нас в защиту старых министерских структур с их предприятиями-монополистами,— они сохраняют рабочие места...*

— Единственно, что может быть картелями искусственно защищено и обеспечено, в лучшем случае — непроизводительные рабочие места с вытекающей из этого опасностью, что производительность всего народного хозяйства заостенее на мертвой точке. В международном соревновании это может со временем оказаться роковым; закрывать глаза на такую опасность мы не имеем права.

Подобную политику нельзя назвать социальной, ибо она тормозит прогресс и этим препятствует созданию новых продуктивных и обеспеченных возможностей для приложения рабочей силы.

— *Так какими же вы видите отношения государства и экономики в целом?*

— В задачу государства не входит непосредственное вмешательство в хозяйство. Так же не уместно в рамки основанного на предпринимательской самостоятельности хозяйства деятельность самого государства в роли предпринимателя.

Современная государственная политика по отношению к хозяйству основывается на стремлении использовать инструменты хозяйственной политики, находящиеся в руках государства, чтобы они высвобождали новые силы, открывали новые возможности и закрывали бесплодные пути.

— *Вас обвиняли во всех смертных грехах: вы и «враг потребителей», и «министр тяжелой промышленности», и «защитник стяжателей и спекулянтов»... Чьи интересы на самом деле находились в центре вашего внимания?*

— Мое отрицательное отношение к групповым интересам основывается на убеждении, что с хозяйственно-политической и государственно-политической точек зрения государству не представляется возможным дарить привилегии отдельным группам, распределять тут или там меньше или больше даров и милостей. При подобной практике государство, и в особенности министр хозяйства, неизбежно очутятся в невозможной ситуации. Ибо где те масштабы, исходя из которых кто-либо может сказать: эта, а не та отрасль хозяйства, эта группа или та профессия должны поощряться государством в таком-то направлении, но другие должны — да на каком основании?! — напротив, быть задержаны в их развитии? Подобный образ действий был бы в корне неправильным.

Недопустимо считаться с особыми интересами, уступать отдельным требованиям определенных хозяйственных кругов также и из-за

взаимозависимости всего хозяйственного бытия. Каждое отдельное мероприятие в народном хозяйстве влечет за собой последствия даже в тех областях, которых эти мероприятия непосредственно не касаются и о которых при поверхностном наблюдении никто не предположит, что и они могут оказаться в сфере влияния этих мероприятий.

Ко всему этому прибавляются в конце концов человеческие, сугубо человеческие страсти и чувства. Хорошее для одного — для другого плохо. Комплекс зависти, от которого как раз мы, немцы, не свободны, играет здесь значительную роль. Преимущества, предоставляемые кому-либо, не дают его соседу возможности спать спокойно. «Успех» определенной группы очень скоро побуждает другую группу требовать от своего чиновника, уполномоченного или управляющего делами группы, подобных же «достижений». Но как раз это влечет за собой распад, сталкивает нас с единственного пути, ведущего к благополучию всего общества.

Я постоянно стараюсь заглянуть за кулисы этих мнимых «регламентаций». За ними не видно ничего, кроме желания заинтересованных добиться для себя некоторых привилегий, кроме попытки избежать трудностей конкуренции и заполучить для своей собственной группы более значительную часть народнохозяйственного дохода, чем это соответствует ее экономической производительности.

Заметки на полях

Ну, это мы проходили... Я даже читала где-то, что комплекс зависти, столь свойственный именно русскому национальному характеру, лежит в основе нашего коллективизма и страстной любви к равенству.

Правда, до сих пор никто не говорил о сходстве русского и немецкого национального характера... А вот у чилийца Пиночета характер — абсолютно точно — принципиально другой. Он годами не принимал ни одного представителя любого лобби из страха что-нибудь пообещать, какие-нибудь особенные льготы.

Стоп! А как же отрасли, которые Эрхард после валютной реформы взял под особое покровительство государства? Взял же! Можно предположить, что взял не из-за давления соответствующих лобби и одновременно вопреки собственным убеждениям, — практик вынужден, наверно, время от времени изменять даже собственной теории. Вдобавок социальное рыночное хозяйство тогда еще не было создано, к нему только шли...

— Одним из главных пунктов ваших расхождений с социал-демократами был вопрос о масштабах социальной политики государства. Вы противник государственной благотворительности?

— Мы не отрицаем того, что даже самая лучшая экономическая политика в современных индустриализированных государствах должна быть дополнена мерами социальной политики. С другой стороны, правилен и тот принцип, что всякая эффективная социальная помощь возможна только при наличии достаточного и все растущего общего объема всей национальной продукции.

В последнее время я прихожу в ужас от того, насколько в социальной области могуче упование на коллективную застрахованную обеспеченность. Здесь кроется поистине трагическая ошибка, так как люди, очевидно, не хотят признать, что хозяйственный прогресс и основание на достижениях производительности благосостояние не совместимы с системой коллективной гарантированной обеспеченности.

— *Между прочим, именно в ФРГ так называемые коллективные фонды для обеспечения социальных гарантий достаточно велики. Через государственный бюджет перераспределяется до 50 процентов валового национального продукта, половина которого идет на со-*

циальные нужды. Однако это не превратило страну, как вы выражаетесь, в «снабженческое государство»...

— Народ не может потреблять больше, чем он создает ценностей, и отдельный человек не может добиться по-настоящему гарантированной обеспеченности в большей степени, чем мы приобрели обеспеченности в общем результате наших усилий и достижений.

Инфляция не обрушивается на нас как проклятье или трагическое роковое событие. Она всегда вызывается легкомысленной или даже преступной политикой. Всякое новое положение о пенсиях для стариков, заранее принимающее в расчет неизбежность роста цен или понижение покупательной способности населения, не может привести к благоприятным или хотя бы даже только сносным результатам. Все более и более многочисленными будут группы нашего народа, которые захотят избежать личной ответственности и попытаются добиться и для самих себя якобы абсолютного и все же столь иллюзорного обеспечения, как бы «застрахованности» от всех превратностей судьбы.

Формула могла бы звучать так: в той мере, в какой национальная продукция, выраженная в текущих ценах, разделенная на число трудящихся или число жителей, показывает повышение производительности, в такой мере, или пропорции, повышаются и пенсии.

Социальное рыночное хозяйство не может существовать, если лежащая в его основе идейная установка, то есть готовность нести ответственность за собственную судьбу и участвовать в частном свободном соревновании из стремления к повышению производительности, если все это осуждено на вымирание в результате «принятия» сомнительных мер якобы «социальной» политики в смежных с хозяйством областях.

Заметки на полях

Так в конце концов что же такое — социальное рыночное хозяйство Эрхарда?

Оно социальное, потому что часть доходов населения и прибылей корпораций изымается государством и направляется в основном в социальную сферу. Кроме того, государство обязано подстраховывать экономику от перегрева на подъеме или от слишком глубокого спада, оберегая тем самым и социальную стабильность в обществе. Поэтому Эрхард подчеркивает отличие такого хозяйства от классических образцов свободного рынка.

Но оно социальное и потому, что не имеет никакого отношения к волюнтаризму и бесхозяйственности централизованных плановых экономик. Деньги добываются на рынке, в свободной конкуренции. Взрослый трудоспособный человек добывает их для себя сам. Государство расходует ровно столько, сколько получает.

А мы при дефиците бюджета под 20 процентов требуем, чтобы во имя социальной справедливости государство поддерживало... платило... содержало...

— *Позвольте задать последний стандартный вопрос. Что бы вы хотели сказать нашему читателю, изнуренному затянувшимися реформами, теряющему веру в их необходимость?*

— Несмотря на то, что я в свое время не имел возможности заранее охватить точными исчислениями переход от принудительного к социальному рыночному хозяйству и предсказать точным образом все этапы этого перехода, я был тем не менее непоколебимо убежден в правильности этого пути; так и теперь я уверен в том, что свобода в качестве самой могучей силы человека и в качестве высшей ценности в конечном счете пробьет себе дорогу и восторжествует. Может быть, нам необходимо еще раз осознать угрожающую нам опасность снова потерять свободу, чтобы разбудить новые силы для спасения этого нашего драгоценнейшего блага.

Вслушайтесь в аргументы противников Эрхарда. Это вам ничего не напоминает?

Немецкие социал-демократы, самые упорные противники реформ Эрхарда, не хотели возврата к фашизму (есть основания предполагать, что и у нас почти не осталось сторонников возврата к сталинским порядкам). Они в принципе, — по крайней мере, на словах — не оспаривали необходимость перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике (и у нас все клянутся в верности идее рынка).

Их бесконечный спор с Эрхардом был посвящен государственной политике переходного периода, вдобавок периода глубочайшего кризиса. С настойчивостью, сравнимой только с нестойчивостью наших сторонников немонетарных плановых преобразований, социал-демократы отстаивали необходимость временного, — разумеется, временного — контроля за ценами и административного распределения ресурсов. Они продолжали настаивать на своем и тогда, когда успехи реформ были неоспоримы.

17—18 июня 1948 года. Из доклада представителя Социал-демократической партии Германии (СДПГ) доктора Крейссига на пленарном заседании Хозяйственного совета:

— Мы не ожидаем также чудес от влияния валютной реформы на нормальный ход первоначального развития народного хозяйства, в частности производства...

Моя партия вполне согласна с той точкой зрения, что следует допустить свободные цены при наличии здорового хозяйства, но это недопустимо в народном хозяйстве, в котором недостаток во всем столь безгранично велик. Мы по-прежнему стоим на точке зрения, что народное хозяйство могло бы быть пущено в ход лишь путем систематического планирования и при помощи столь же систематического распределения всех необходимых товаров широкого потребления в Германии.

Мне кажется, что это весьма сомнительный способ — бросить в холодную воду смертельно больного человека, а ведь германское хозяйство — и есть этот смертельно больной человек уже в течение трех лет. Настоящий размер болезни и слабость пульса этого больного хозяйства мы четко сможем установить в день валютной реформы.

Я заявляю, что моя фракция в этом не намерена участвовать...

Из доклада депутата СДПГ Шеттле:

— Вы намечаете для значительной части нашего населения уровень жизни, который гораздо ниже прожиточного минимума, и вы знаете, что это так. Мы предостерегали от прыжка в холодную воду...

Я вполне уверен, что вы будете верить в свои теории до тех пор, пока реальность вас не приведет к абсурду...

В Германии миллионы людей надолго не будут в состоянии принимать участие в каком-либо соревновании, если на основании рецепта господина профессора Эрхарда деньги будут единственным боном (бецугшейн) на получение товара...

27 сентября — 1 октября 1948 года. Из выступления эксперта СДПГ по делам сельского хозяйства Кридемманна на пленуме Хозяйственного совета:

— Профессор Эрхард сегодня снова преподнес свою теорию, не считаясь с тем положением, что противоречия обостряются тем больше, чем дольше применяется эта теория. Мы находимся только в начале длинной цепи повышения цен...

9—10 ноября 1948 года. Из выступления Кридемманна на пленарном заседании Хозяйственного совета:

— Наше требование состоит в том, чтобы был установлен контроль за использованием тех видов сырья, которые идут на производство жизненно

необходимых товаров. Столь же важным, как контроль поступлений сырья, является и контроль над его правильным использованием...

Со всей настойчивостью во всяком случае мы предъявляем требование об учреждении независимого контроля цен.

23—25 мая 1949 года. Из выступления представителя СДПГ на пленуме Хозяйственного совета:

— Народное хозяйство после валютной реформы развивается совсем не так, как нам об этом возвещали в оптимистической форме. В известной степени мы находимся в состоянии более или менее скрытого кризиса, выхода из которого еще не видно...

Социальный кризис грозит болезненно обостриться. Проблема нужды и обеднения не может быть разрешена путем применения принципов невмешательства государства.

Для нас, социал-демократов, решающим конъюнктурным барометром является эволюция численности занятых и безработных...

Следовало бы переключиться с проводившейся до сих пор антиинфляционной политики защиты валюты на антидефляционную конъюнктурную политику, чтобы выйти из самоубийственной спирали нищеты: безработица, дальнейшее понижение покупательной силы, усиленное заторможение сбыта, повышение безработицы... Нужно действовать даже при наличии известных, экономически опасных моментов...

15 февраля 1950 года. Из выступления депутата СДПГ, министра народного хозяйства Баден — Вюртемберга доктора Фейта:

— Стремительный прыжок в так называемое свободное народное хозяйство, которое на практике все пронизано организацией картелей, привело к ряду последствий. Множество людей было ограблено в результате высоких цен в эпоху недостатка, что вызвало перемещение имущества, связанное с усилением социальных противоречий. Другое роковое последствие сводилось к тому, что капитал, которого и без того недоставало, не мог быть использован там, где в нем чувствовалась острая нужда.

Если рассматривать положение с этой точки зрения, то фирменная вывеска «социальное рыночное хозяйство» потерпит еще более сильный урон в правдоподобности этого обозначения. Положение очень серьезно, и никто, даже предприниматель, который в новых условиях мог упорядочить свое положение, не испытывает от этого никакой радости...

9 февраля 1950 года. Из выступления представителя СДПГ, министра народного хозяйства Земли Северный Рейн — Вестфалия доктора Нольтинга.

— Какого масштаба нужду, отчаяние и безысходность эти цифры (безработицы) в себе содержат! После войны положение на рынке труда еще никогда не было таким тревожным, всем успехам хозяйственной политики угрожает опасность.

Мы еще очень далеки от нормализации хозяйственных условий. Западно-германскому хозяйству грозит остаться на уровне 90—95 процентов 1936 года, причем мы не должны забывать, что численность населения увеличилась на 20 процентов. Если же финансовые и хозяйственные циклы замкнутся на этом уровне, то тогда миллионы рабочих рук окажутся лишены всякой возможности включиться в производственный процесс. ●

Еще много тайн хранит в себе озеро Байкал — гигантское хранилище пресной и весьма чистой воды. Однако важнее всех загадок — задача сохранить его как источник питьевой воды. И потому ученые следят за любыми изменениями вокруг озера, способными загрязнить его воды. Большую тревогу в этой связи вызывает опасная близость к озеру Иркутского промышленного центра, из которого в котловину озера попадают заносимые ветрами различные загрязнения — аэрозоли, углеводороды, оксид углерода и другие.

Ученые из Института оптики атмосферы Сибирского отделения РАН, пользуясь самолетами-лабораториями, регулярно отслеживают пути распространения атмосферных выбросов над озером. И эта работа неожиданно дала некий новый теоретический результат.

Речь идет об открытом здесь феномене круговой циркуляции воздуха. Все озеро представляет собой узкий котлован, по берегам которого поднимаются высокие горные хребты. Ветер, когда дует поперек котлована, естественно, задевает верхушки хребтов на обоих берегах. При этом часть его воздушных масс отсекается горными вершинами и направляется вниз. С учетом возникающего перепада давлений и температур внутри котловины озера у обоих его берегов образуются быстро вращающиеся воздушные «шнуры» — вихри. Интересно, что они вращаются в разные стороны, но если посмотреть на озеро в целом, то выявится, что это единый вращающийся вихрь, огибающий всю береговую линию. Более того, внутри вихря порождается еще одна составляющая воздушного потока — по сути дела, это новый местный ветер, регулярно «дующий» строго вдоль контура береговой линии и замкнутый в кольцо. Как это может влиять на жизнь обитателей здешних мест, неизвестно.

Открыт новый ветер! Озон — это яд! Клетки-контактеры Колониальные нравы Географические открытия продолжаются Закрытие «холодного термомяда»!

«Признавая защитную роль озонового экрана для жизни планеты, исследователи, однако, единодушны в том, что озон является одним из главных, если не самым опасным, антропогенным токсикантом атмосферы». Вот тебе и раз! Перед нами — цитата из самой свежей научной работы, выполненной совместно в Институте биохимии имени А. Н. Баха РАН и в Институте фотобиологии АН Республики Беларусь. Конечно, мы знаем о способностях озона как окислителя, в качестве которого он успешно используется для обеззараживания питьевой воды. Но чтобы признать его главным токсикантом — это уж слишком. Не нефть, не свинец, не нитраты с нитритами, а избыток трехатомного кислорода — вот кто, оказывается,

угрожает жизни на планете!

Мы, конечно, можем удивляться и не верить, но ученые провели прямые опыты, где суспензию бактерий продували озоном. Бактерии в конце концов гибли, а ученые сосредоточились на выявлении механизма их отравления озоном. Оказалось, что этот газ внутрь живой клетки долго не проникает, все его вредное действие выявляется на мембране. Тут он быстро окисляет различные поверхностные структуры, вызывая стрессовую реакцию всей клетки. Она, сопротивляясь, вырабатывает новое вещество — циклопиррофосфат, имеющий защитную функцию. И только когда длительное многочасовое воздействие озона разрушает где-нибудь мембрану, клетка гибнет совсем.

Нервные клетки у животных служат для быстрой передачи сигнала возбуждения клеткам обычным, соматическим. Например, один мотонейрон управляет сокращением сразу полтора сотен мышечных волокон. Для этого он разветвляется, направляя к каждому волокну свой отросток, а в точке их контакта-касания образуется специальный передаточный канал, называемый синапсом. Именно через синапс и передаются все сигналы-сообщения, в том числе и между самими нервными клетками.

Но вот есть беспозвоночные животные — морские моллюски полихеты, у которых никаких синапсов нет. Как же тогда передаются к исполнительным органам «руководящие указания» из нервных центров? Этим вопросом заинтересовались в Санкт-Петербургском Инсти-

туте физиологии имени И. П. Павлова РАН и провели тщательные микроскопические исследования нервных центров полихеты. Никаких синапсов там, естественно, обнаружено не было. Но нервные клетки все-таки находили контакты между собой. На микрофотографиях было видно, что они тесно касаются друг друга. Детальное изучение показало, что касание может быть плотным, а может — и с сохранением некоторой щели-зазора между клетками-контактерами. Передача сигнала в зоне контакта, видимо, производится чисто химическим путем.

Интересно, что такие несинаптические контакты наблюдаются у нервных клеток эмбрионов позвоночных, а значит — такой путь передачи сигнала эволюционно более прост и древен.

Многие микроорганизмы, плодясь и размножаясь, не разбредаются в пространстве, а остаются жить вместе, скученными коллективами. Причин тому много, и среди них микробиологи называют не только ограниченность пространства для клеточной экспансии, например в чашке Петри, но и какие-то выгоды, которые дает каждой клетке жизнь в колонии себе подобных. Выгоды эти еще обсуждаются, но ученые считают, что колония одноклеточных — это первый шаг к образованию многоклеточного организма.

Как растет такая колония, задались вопросом в Лимнологическом институте Сибирского отделения РАН и высадили в лабораторных условиях одну из бактерий — азобную почвенную спорообразующую бактерию. Из центра чашки в течение нескольких дней колония росла во все стороны. Численность ее участников ло-

гично было бы ожидать пропорциональной квадрату радиуса участка территории, занятой клетками. Но тщательные подсчеты показали, что это не так. Чем дальше росла колония, тем реже становились ряды ее поселенцев — показатель степени снижался от почти квадрата радиуса в начале до почти единицы в конце наблюдения. Да и зрительно было видно, что от плотного скопления клеток в центре во все стороны расходятся все более редкие ветви клеточных групп.

Такая структура колоний называется фрактальной, а причиной ее образования служит надорганизменный интерес выживания всей колонии — пусть в ней будет меньше участников, зато остальные сохраняют нормальный доступ к культуральной жидкости, откуда черпается пропитание и куда выделяются отходы жизнедеятельности.

Оказывается, есть еще на карте нашей планеты «белые пятна» — неизученные места, ожидающие своих отважных землепроходцев и первооткрывателей. В районе прохождения Байкало-Амурской магистрали, недалеко от старинного поселка Усть-Нюкжа в Амурской области, открыт новый горный хребет.

Собственно говоря, он был известен людям и раньше — он разделял долины двух небольших речушек, но не имел никакого названия. Сегодня же хребет Метеоритный — а именно так его назвали и нанесли на карту хабаровские геологи — попал во многие научные справочники по метеоритам как место находки одного из них. Это случилось в сентябре 1991 года, когда на вершине безымянного тогда хребта и на большом удалении от человеческого жилья нашли же-

лезный метеорит весом 44 килограмма. Вначале его приняли за болванку, выброшенную кем-то после сварочных работ, но потом поняли его истинное небесное происхождение. До прихода ученых-геологов его кто-то уже пытался унести, разбить, отпилить кусочек, но слишком тяжелый метеорит «устоял», остался на много лет лежать на месте в ожидании прихода науки. С одного бока он даже оброс лишайником.

Но вот пришли наконец ученые, унесли «небесный подарок» в свои лаборатории, распилили, исследовали, сообщили о находке всему миру.

А место находки теперь знают все — хребет Метеоритный красуется на карте Восточной Сибири по соседству с известными нам еще со школы Становым и Каларским хребтами.

Сенсационные сообщения о возможности «холодного ядерного синтеза» связаны с тем, что в опытах некоторых ученых, японских в частности, наблюдались следующие эффекты. Если пластинку из сплава палладия с другими веществами насытить газообразным дейтерием, то она, во-первых, сильно разогревается и, во-вторых, излучает наружу свободные нейтроны и ядра гелия.

Однако сотрудники московского Института физической химии РАН обратили внимание на то, что в опубликованных данных японских авторов не усматривается никакой связи между выделением тепла и количеством продуктов реакции. Чтобы обеспечить то тепло, которое получалось в опытах, в них за секунду должно было бы излучаться до трехсот миллиардов альфа-частиц, а их столько никто и никогда не регистрировал. Тогда откуда же тепло, если не из холодной термоядерной реакции?

Московские физики находят ответ вне ядерных процессов. Они изготовили аналогичные пластины из сплавов палладия, насытили их в одном случае дейтерием, в другом — водородом и стали их сгибать и разгибать. И обе пластины тут же разогревались, правда, та, что была с дейтерием, разогревалась сильнее.

Механизм этого явления ученые склонны связывать с квазиметаллическим состоянием газов внутри металла. Оно нарушается при деформации пластины, газы сдавливаются и нагревают ее.

Но перед тепловой вспышкой из пластины с дейтерием все равно испускается некий слабый поток радиации, объяснить происхождение которого пока не удается.

Вести с противоракового фронта

Гормон для красавцев и красавиц

Известно, что загорать опасно, хотя многие и любят «бронзовую» кожу. По мнению журнала Американской ассоциации здоровья, эта проблема уже решена. Синтезирован искусственный гормон, который вызывает потемнение кожи, как при загаре, не подвергая ее воздействию ультрафиолетовых лучей. Гормон стимулирует синтез меланина — основного пигмента организма.

Для экспериментов отобрали 28 мужчин, 12 из которых имели светлую кожу, не предрасположенную к загару. В течение двух недель им вводили либо искусственный гормон, либо нейтральный раствор, при этом просили не появляться на солнце. Оказалось, что все, кому вводили гормон, хорошо «загорели». Получавшие же нейтральный раствор, остались бледными.

Гормон очень полезен людям со светлой кожей, которая с трудом темнеет и более подвержена опасности раковых заболеваний. Согласно статистике, в этом году в США обнаружено 32 тысячи случаев меланомы — самого опасного вида рака кожи. Новый гормон, вероятно, значительно сократит эти цифры.

Фронтальная война начинается

8 октября 1991 года останется в истории онкологии. В 10 часов 30 минут утра в больнице при Национальном институте здоровья недалеко от Вашингтона было проведено первое в истории медицины противораковое вакцинирование сорокашестилетнего пациента, страдающего меланомой в последней стадии. Противораковая вакцина представляет собой генетически модифи-

цированные раковые клетки, взятые из ткани пациента. Основная цель этой процедуры — сделать так, чтобы иммунная система пациента преодолела свою собственную пассивность к раковым клеткам. Эксперименту предшествовали широкие исследования на животных во многих научных центрах.

Руководитель эксперимента — доктор Стивен Розенберг из Национального института рака. Соответствующие высшие инстанции США разрешили провести еще пятнадцать экспериментов на больных раком желудка, молочной железы и т. д. — все они находятся сейчас в крайне критическом или безнадежном состоянии.

«Возможный канцероген»

Агентство защиты окружающей среды в США получило данные о том, что электромагнитные поля определенных кабелей и телевизионных устройств приводят к риску заболевания некоторыми видами рака. Установлено, например, что электромагнитные поля частотой 60 герц возбуждают появление лейкемии у детей.

Отныне электромагнитные волны такой частоты будут классифицированы как «возможный канцероген» и включат в категорию риска, подобно формальдегиду и ДДТ.

Спасительное открытие хотя бы для 60 тысяч человек

Именно столько американцев умирает ежегодно от рака толстого кишечника. Оказывается, эти опухоли на втором месте после легочных в списке убийц этого рода. Но одно открытие американских ученых могло бы внести поправку в этот список. Идентифицирован ген, при изменении которого запускается смертоносный механизм.

А почему именно толстый кишечник? Интерес к нему особенно вырос после того, как бывшего американского президента Рональда Рейгана оперировали по поводу злокачественного образова-

ния в этом органе, и он остался жив и здоров. Но есть и другое обстоятельство, гораздо более важное: рак толстого кишечника протекает удобно для исследования — в хорошо выраженных отдельных фазах. Сначала формируются полипы. По мнению врачей, 40 процентов человечества сталкивается с чем-то таким хотя бы раз в жизни. Однако, к счастью, значительно меньшему числу людей угрожает опасность, что их полипы превратятся в злокачественную опухоль.

Виновником этой трансформации оказался ген APC, вернее, его дефектный, мутированный вариант, который наследуется каждым из пяти тысяч человек.

Следовательно, можно подвергнуть родителей тестированию еще при рождении потомства и вовремя принять меры.

Рак и старые леса

Оказывается, между ними обнаружена определенная зависимость. Большая часть забот, связанных с проблемой защиты старых лесов на северо-западе Тихоокеанского побережья США, касается сохранения пятнистых сов. Но теперь внимание ученых привлекает редкий вид тихоокеанского тисса, кора которого, в сущности, единственный источник получения таксола, нового перспективного лекарства, применяемого при лечении одной из форм рака. Десять ведущих природоохранительных организаций страны, объединившись с Американским онкологическим обществом и отдельными исследователями проблемы рака, настоятельно требуют, чтобы Министерство внутренних дел включило это дерево в список растений, находящихся под угрозой исчезновения. Хотя его нередко считают засоряющим лес, оно очень нуждается в защите, считают специалисты по охране природы. Чтобы стать зрелым деревом, наиболее ценным в качестве источника получения таксола, тиссу требуется около ста лет. Если содрать кору, дерево погибает.

Времен разорванную нить соединить...

Предприниматели-промышленники Демидовы еще с конца XVII века заложили основы «демидовской традиции» в развитие экономики, социальной сферы и культуры. Эта традиция поддерживалась вплоть до революции 1917 года.

Благодаря меценатской деятельности Демидовых в XIX веке были созданы Томский университет, юридический лицей в Ярославле, коммерческие училища в Москве и Петербурге. Московскому университету Демидовы дарили богатейшие коллекции редкостей, книг, медалей, монет, минералов, жертвовали деньги, учреждали премии и стипендии. Своей традицией Демидовы подтвердили истину: истоки будущего формируются в прошлом. На их фамильном гербе — девиз: «Не говори — делай!»

Продолжение заложенных Демидовыми нравственных норм — это сегодня общенациональная общественная задача. Вот почему инициатива Уральского отделения Российской Академии наук, акционерного общества «Новая гильдия», инвестиционно-промышленной корпорации «Акме» — создать в Екатеринбурге Демидовский фонд — получила широкую поддержку.
ДЕМИДОВСКИЙ ФОНД СОЗДАН.

Концепция деятельности фонда будет реализована в нескольких направлениях его работы. Одно из них — учреждение Демидовских премий.

Демидовская премия имеет статус общероссийской неправительственной. Фонд устанавливает пять ежегодных премий за выдающиеся достижения в области наук о Земле: физики, математики, химии и биологии; а также гуманитарных наук. Лауреату премии вручаются диплом и медаль фонда. Порядковые номера дипломов продолжают счет Демидовских лауреатов XIX века.

В ноябре (тоже демидовская традиция) 1993 года Комитет по премиям Демидовского фонда в составе сорока ведущих российских ученых-академиков РАН определил лауреатов общенациональной неправительственной Демидовской премии 1993 года.

Демидовской премии удостоены:

1(56). За выдающийся вклад в развитие квантовой теории твердого тела и физики магнитных явлений, а также за заслуги в организации физической науки на Урале — академик Сергей Васильевич **ВОНСОВСКИЙ** (Екатеринбург);

2(57). За выдающиеся достижения в области химии и биологии — академик Николай Константинович **КОЧЕТКОВ** (Москва);

3(58). За выдающиеся достижения в области наук о Земле — профессор Борис Валентинович **ЧЕСНОКОВ** (Миасс, Челябинская область);

4(59). За выдающиеся достижения в области гуманитарных наук — академик Валентин Лаврентьевич **ЯНИН** (Москва).

5(60). За развитие предпринимательской деятельности — генеральный директор АО «Политэкс» Анатолий Вячеславович **Карпов**.

Мы сердечно поздравляем лауреатов и предлагаем нашим читателям статью Валентина Лаврентьевича Янина о раскопках 1993 года в Новгороде.

2

1

В. Янин, академик

«Что за ТЫ МЕНЯ

Новгород.

Новгород никогда не обманывает — это показывает опыт шестидесятилетних раскопок. Каждый полевой сезон приводит к решению одних проблем — больших или малых — и порождает новые. Каждый полевой сезон пополняет коллекцию новгородских древностей тысячами новых находок, и всякий раз в их числе оказываются никогда не виданные прежде предметы, хотя археологическое собрание Новгорода насчитывает уже сотни тысяч «инвентарных иомеров».

Культурный слой Новгорода из-за биологических и химических особенностей сохраняет в себе остатки таких древностей, какие в обычных условиях русских средневековых городищ бесследно разрушаются. В первую очередь это предметы обихода, изготовленные из органических материалов — дерева, кости, кожи, тканей, но также и крупные деревянные объекты домостроительства и городского благоустройства. Если принять во внимание, что вплоть до самого недавнего времени дерево было главным поделочным материалом и деревни, и города, станет очевидным, что в других городах для археологов сохраняется лишь ничтожно малая часть древностей, тогда как Новгород способен демонстрировать практически полную картину быта средневековых горожан. За все время раскопок (они были начаты в 1932 году) в нем исследовано не более двух процентов древней территории, а это значит, что неисчерпаемы его возможности снабжать нас новой информацией о прошлом при условии надежной охраны культурного слоя от хозяйственных вторжений.

История русского средневековья богата событиями и яркими личностями, однако очень бедна письменными источниками, а именно они составляют фундамент знаний о прошлом. Если не считать богослужебных книг, то до открытия берестяных грамот не было известно ни одного пергаменного документа XI века, фиксирующего синхронные ему события, от XII века достоверно — только один.

Причина источниковой бедности — чисто бытовая: наши предки жили

* В названии статьи цитируется самое раннее любовное послание, написанное на бересте, XI век.

ЗЛО ПРОТИВ ИМЕЕШЬ?..»

Раскопки 1990—1993 годов

в деревянных домах, неотвратимым уделом их жилищ бывала гибель от пожара, в огне которого сгорали и писанные на пергамене документы. Между тем очищение исторических представлений от укоренившихся в них мифов возможно лишь методами источниковедческой критики.

Главный источник знаний о событиях IX—XII веков — летопись, но она сохранилась в редакциях более поздних столетий, а ее основа, написанная в начале XII века, изобилует легендарным элементом, еще более усиленным позднейшим редактированием.

К этому надо добавить, что летопись и другие известные ранее письменные источники не освещали многие из важнейших сторон жизни.

Отсюда проистекало как бы удвоение мифологического элемента: к легендам летописи добавлялись легенды, созданные исследователями. Вот некоторые из них: средневековая Русь основывала свою экономику на промыслах, торгуя пушниной, медом и воском и ввозя продукты ремесла, которого она якобы не знала; Русь почти поголовно была неграмотной; эстетические представления были присущи лишь социальной верхушке ее общества, культуре же простого люда были свойственны черты сугубого примитивизма.

Первое серьезное столкновение традиционных представлений о русском средневековье с новыми источниками случилось тогда, когда в тридцатых годах города — и в первую очередь Новгород — стали объектом массовых археологических раскопок. Выяснилось, до какой степени прежде историография обкрадывала историю собственного народа. Десятки ремесленных мастерских разных профилей были открыты в средневековых слоях русских городов, а изучение технологической рецептуры и инструментария этих мастерских обнаружило, что русские ремесленники XI—XII веков по своему уровню мало отличались от прославленных мастеров Западной Европы и Ближнего Востока того же времени.

В Новгороде были обнаружены тысячи бытовых вещей, столь нарядно украшенных, что многие из них по достоинству могут быть признаны подлинными шедеврами прикладного искусства. Кстати, такие шедевры отнюдь не концентрировались в богатых жилищах.

4 ПОКЛАНАНІЕ Ъ АНОКЪ СО СЪЛАТОЮ КО АРИНЪ ХОЦЪТЪ ТИ ТВОЕГО АБЪАТИ
ЦЬ О СВѢТО . ЖЬ ТИ ЕЪ ХОЦЪ АЖЬ ХОЦЪШИ ВО БРОЗЪ СЕДЪ ВЪДИ И АЛА Е
СМО СД ЕМЪ ПО РЪКЪ АКО ТИ СИ МЛОВИЛА ЕМЪ ТИ ДНИ ПРИДЪШИ ТОМО
ДНИ ПОИМЪ И НЪ ЛИ ТИ ТАМО ПОВОИЦА . А КРЪНЪВОШИ ПРИСЛИ
А КОДЪ ТИ МНЪ ХЛЪБЪ ТЪ И РОБЪ

А грамотность или неграмотность наших предков? Полный переворот в этой проблеме произвело открытие в Новгороде, а затем и в ряде других русских городов, текстов, написанных на бересте. С момента обнаружения первой берестяной грамоты в 1951 году их ныне в Новгороде найдено 753, а в других городах — еще 56.

Берестяным грамотам посвящена громадная историческая и лингвистическая литература на многих языках. Иначе и не могло быть: ведь среди них уже более двухсот относятся к XI—XII векам, то есть к тому периоду, от которого до их открытия был известен лишь один пергаменный документ. Они исследовались во многих аспектах и позволили по-новому подойти к решению ряда проблем, прежняя трактовка которых казалась бесспорной. Отмечу две такие проблемы. Предпринятый А. А. Зализняком лингвистический анализ всего корпуса берестяных текстов привел к открытию древненовгородского диалекта, который множеством признаков отличался от южнорусского, но был родственен языкам славян Южной Балтики. Это прояснило проблемы славянского заселения русского Северо-Запада (областей Пскова и Новгорода): славяне пришли сюда не из Среднего Поднепровья, а из западно-славянских регионов. Очевидно, что это открытие в корне меняет представление о механизме образования Древнерусского государства IX—XII веков: оно возникло благодаря объединению и взаимному обогащению двух различающихся славянских традиций — киевской и новгородской, а не исключительной диффузией во все регионы Восточной Европы днепровских славян.

Второе важное наблюдение касается традиционно влекущего к себе исследователей вопроса о причинах возникновения в Новгороде боярской республики, тогда как в других областях Руси утвердилась княжеская форма государственности. Ранние берестяные грамоты показали, что государственные подати в Новгородской земле взимались не князем и его дружиной в процессе объезда земли («полюдья»), как это было в других областях Руси, а — на основании договора с приглашенным князем — самой аристократической верхушкой новгородского общества, что и составило основу экономического могущества боярства, обусловив его перевес в антикняжеской борьбе.

Я счел необходимым сделать это вступление, поскольку далее мы сосредоточимся на новейших находках и будем иметь дело уже не с общими, а с конкретными проблемами меньшего масштаба, хотя каждой из этих находок и свойственна несомненная сенсационность.

Наиболее яркие среди них — берестяные грамоты. В 1993 году в издательстве «Наука» был опубликован очередной (девятый) том систематического издания новгородских документов на бересте, включивший находки 1984—1989 годов. Ниже пойдет речь об избранных документах, найденных в последние годы и еще не опубликованных (их тексты даются в облегченной транскрипции — с заменой ятя, юса и т. п. на их современные фонетические двойники).

Небольшой раскоп, заложенный в пределах усадебной застройки древней аристократической Прусской улицы, дал несколько интересных текстов. В грамоте 718 идет речь о взятии дани с территории Бежецкого Верха (в верховьях Мологи), причем указывается, какие суммы следуют в княжескую казну (князь на этой территории имел исключительное право взимать дань), а какие причитаются сборщикам подати. Сопоставление с нормативным документом («Бежецким рядом») позволило установить, что в этой грамоте исчисляется недоимка за четыре года, что позволило датировать берестяную запись с предельной точностью: она относится к 1229 году, когда летопись фиксирует единственный в истории Новгорода четырехкратный сбор государственных доходов после вызванного политическими событиями четырехлетнего перерыва.

Грамота 724, найденная на том же раскопе, заслуживает полного воспроизведения ее текста. Она написана на обеих сторонах берестяного листа, сильно потерта и потребовала для прочтения героических усилий целого коллектива, щедро вознагражденных ее содержанием: «От Савы покланянее къ братьи и дружине. Оставили мя были людье. Да остатъ дани исправити было имъ д(о) осени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья, въ вере урокль: не даите Саве ни одного песця хотя на нихъ емати, самъ

✠ ХССНХАІЛЗСНХАІЛЗСНХАІЛЗ
 М ✠ КАНЪГЪЛЗАНЪГЪЛЗАНЪГЪЛЗ
 ГНАЪМЪГЪНМААНАГЪДА

5

Статью иллюстрируют фотографии подлинных вещей, раскопанных в 1993 году.

1. Камень с процарапанным на нем детским рисунком.
2. Рукоятка посоха XII века.
3. Деталь деревянного украшения мебели XII века.
4. Общий вид Троицкого раскопа на уровне XII века.
5. Деревянная скульптура XI века.

В. Янин.
«Что за зло ты против меня имеешь?..»

въ томъ. А въ томъ ми ся не исправилъ въ борзе, ни къ вамъ, ни ту ти былъ. А въ томъ есмь осталъ. По томъ пришлн смерди, от Аньдрея мужъ прияли; и дане от(ъ)яли людье. И осьмь высягла что о Тудоре. Поразумейте, братье, ему, да че что въ то ему състане тягота тамъ и съ дружиною егъ. // А селечяиомъ сво(и)мъ князь самъ отъ Волоку и отъ Мъсте учястоке водоле. Аче ли ти, братье, вины людье на мя не ищуть. А доведока буде, то же нынеца радъ быхъ послале грамоту».

Перевод этого текста на современный язык выглядит так: «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а иадлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав (человека), клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. (Я) сам за это отвечаю». А со мной по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа прняли, и (его) люди отняли дань. А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его. // А сельчанам своим князь сам (по внешнюю сторону) от Волока и от Мсты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту».

Как видно из упоминания песцов, действие столь драматического рассказа Саввы развернулось на севере Новгородской земли (песцы обитают в материковых тундрах, где на них охотятся плательщики собираемой Саввой дани). Передача этой дани Савве неожиданно остановлена распоряжением Захарии, в котором, таким образом, опознается лицо весьма высокого административного ранга. Коль скоро документ по признакам палеографии и лингвистики датируется временем около середины XII века, получается возможность идентифицировать Захарью: так звали новгородского посадника, занимавшего эту должность с 1161 года и до своей гибели в 1167 году.

Посадничество Захарьи приходится на годы княжения во Владимиро-Суздальской земле Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174 годы). Между тем Суздальская (Лаврентьевская) летопись глухо сообщает о походе за Волок (то есть в новгородские северные пределы) сына Андрея, князя Мстислава, в зиму с 1166 на 1167 год. Далее события разворачивались так. В конце лета 1167 года в Новгороде произошел политический переворот, организованный боярами Прусской улицы и направленный против из-

«Знание — сила».
Май 1994

гнанного из Новгорода князя Святослава Ростиславича и поддержавшего его Андрея Боголюбского. Переворот привел к гибели приверженца этих князей посадника Захарьи и переходу посадничества к прусскому боярину Якуну. Заметив, что грамота 724, упоминающая Захарью и Андрея, найдена на Прусской улице, то есть именно там, где живут главные противники и Захарьи, и князя Андрея, мы получим возможность датировать ее 1162 годом, а ее рассказ трактовать как свидетельство столкновения между Новгородом и Суздалем из-за северных даней.

В 1169 году новое столкновение за Волоком, вызванное той же причиной, привело к настоящей войне, которая завершилась 25 февраля 1170 года победой новгородцев над осадившими Новгород войсками суздальской коалиции. Свою победу новгородцы приписали чуду от иконы «Знамение Богоматери», ставшей главным палладиумом Новгорода. Грамота 724 ввела нас в неизвестные прежде подробности, освещающие начальную стадию этого исторического конфликта.

В слое между грамотами 718 и 724 была на том же раскопе найдена грамота 723, датируемая семидесятыми — девяностыми годами XII века. Не касаясь основного содержания ее текста, следует отметить в ней фразу: «Шьль ти есьмь Кучькьву», то есть «Я пошел в Кучков». Кучков — первоначальное название Москвы, которое до сих пор было известно лишь по рассказу Ипатьевской летописи под 1176 годом (а эта летопись дошла до нас в списке XV века) и по легенде о боярине Кучке, записанной в XVII веке. Грамота 723, таким образом, представляет собой древнейший ныне известный документ, в котором упоминается Москва.

Начиная с 1973 года основные работы Новгородской экспедиции сосредоточены на Троицком раскопе, находящемся неподалеку от кремля на Софийской стороне в пределах ядра древнейшей застройки Людина конца. Общая площадь, вскрытая здесь раскопками, достигла 4000 квадратных метров. Это примерно вдвое меньше, чем площадь знаменитого Неревского раскопа, работы на котором велись в 1951—1962 годах. Примерно одинакова насыщенность этих больших раскопов берестяными грамотами: на Неревском их найдено 395, а на Троицком 201. Существенная же разница заключается в том, что Неревский раскоп изобилует документами XIV—XV веков (к их числу относилось около 75 процентов найденных грамот), на Троицком же раскопе 75 процентов грамот датируется XI — началом XIII веков. В ходе раскопок выяснилось, что изучаемые здесь усадьбы составляют периферию большого владения боярского рода, представители которого на протяжении XII — начала XIII века избирались в посадники. В 1207 году этот род был разгромлен боярами Прусской улицы, его усадьбы сожжены восставшими новгородцами; после перепланировки здесь разместился социально иной контингент населения. Основной массив берестяных документов Троицкого раскопа, как видим, относится к боярскому этапу истории раскапываемого участка.

После находки в 1980 году грамоты 586 и в 1985 году — грамоты 633, содержание которых связано с военными действиями первой половины XII века, а руководителем похода назван некий Иван («А Иване вьде» — а Иван ведет), было высказано предположение о тождестве этого Ивана с посадником Иванкой Павловичем, происходящим из бояр Людина конца. Иванко Павлович стал посадником в 1134 году, а 26 января 1135 года погиб в битве с суздальцами при Жданове Горе; как записал летописец: «убиша посадника новгородчкого Иванка, мужа зело храбра». Знаменит этот человек и по гордой надписи на каменном кресте, который был поставлен в 1133 году на озере Стерж в верховьях Волги. Надпись возвещала о проведенных им ирригационных работах: «В л(ет)о 6641 м(е)с(я)ця июля 14 д(е)нь почяхъ рыти реку сю язъ Иванко Павловиць» («В год 1133 месяца июля 14 день начал рыть эту реку я Иванко Павлович»).

Идентификационные предположения подтвердились новыми находками 1992 года. Одна из них — грамота 736 — необычна тем, что содержит не одно письмо, а переписку двух лиц. На одной ее стороне — послание Ивана некоему Дристиву с поручением собрать для Павла проценты с отданных им в долг денежных сумм. В переводе это поручение выглядит так: «Если ты взял Павловы проценты, то надо взять и с Прокопы. Если же ты уже взял,

то возьми и для (Завида?). Если же и это взял, то пришли об этом весть сюда, пока я сам не отдал все проценты». На оборотной стороне берестяного листа — ответ Дриствива Ивану: «Я не взял ни векши и (даже) не видел его. Я взял только у Прокопьи гривну без ногаты». Соединение в одном тексте имен Ивана и Павла, где Иван выступает заботником о денежных интересах Павла, хронологическое соответствие документа, найденного в слоях десятых — тридцатых годов XII века, — время, когда действовал Иванко Павлович, отношение которого к раскапываемому участку уже заподозрено, — эти обстоятельства укрепляют уверенность в правильности отождествления Ивана грамоты 736 с Иванкой Павловичем.

Окончательно убеждает в этом грамота 745, обнаруженная в слоях конца XI — первой четверти XII века: «От Павъла из Ростова къ Братонежъкоу. Аже то лодия присълана кыянина, обести ю кънязу, дати не боуде присловъя ни тебе, ни Павълови». Перевод: «От Павла (письмо) из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина (уже) прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу». Поскольку автор письма Павел назван в конце текста в третьем лице, можно предполагать, что он писал его не сам. Слова «из Ростова» не означают, что Павел был ростовцем, в противном случае он именно этим словом и обозначил бы себя. Употребленное выражение указывает на то, что письмо Павла отправлено из Ростова. Мы встретились здесь снова с уже знакомым нам Павлом — отцом Иваики: само содержание письма, говорящего о высоком ранге его автора, который находился в непосредственном контакте с князем (имеется в виду, несомненно, сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, княживший в Новгороде в 1095—1117 годов), соответствует личности Павла. Летописное известие подтверждает его принадлежность к высшей администрации Новгорода: в 1116 году Павел был новгородским посадником в Ладоге и в этом качестве закладывал там каменную крепость.

Следующие два документа вводят нас в сферу, если можно иронически выразиться, «практической медицины». Речь идет о заговорах, которые прежде были известны в этнографических записях и редких рукописях, главным образом XVII—XVIII веков. В 1990 году на Прусской улице в слое XIII века был найден такой текст (в переводе): «Тридевятъ ангелов, тридевятъ архангелов, избавь(те) раба Божия Михея от лихорадки молитвами святой Богородицы» (грамота 715).

Не успело улечься волнение от обнаружения самого древнего на день находки текста заговора, как — уже на Троицком раскопе — в 1991 году была найдена грамота 734 в слоях середины XII века. На небольшом аккуратно обрезанном листе бересты изящными линиями начертан восьмиконечный крест с традиционными около него надписями: IC — XC // NI — KA, а рядом трехстрочный текст: «Сихаилъ, Сихаилъ, Сихаилъ. Аньгелъ, аньгелъ, аньгелъ Господень. 3-е има аньгела». Сихаил — имя ангела-демоноборца, неоднократно встреченное в поздних заговорах против лихорадки. Последнюю фразу заговора надо читать как «Трижды имя ангела». Тройное повторение каждого слова заговора для увеличения его магической силы — прием, хорошо известный в этнографии. Изображение креста перед текстом заговора — органичный элемент заклинания. Как говорится в одном из позднейших заговоров, «крест — бесам язва, крест — трясовицам (лихорадкам) прогнание».

Сфера семейно-брачных отношений в средневековой Руси особенно трудна для исследования. Эти отношения в известной степени отражены нормативными, законодательными памятниками, но для раннего периода могут быть иллюстрированы лишь редкими примерами, касающимися княжеского быта. Тем неожиданнее оказалась находка грамоты 731 в слое середины XII века. Воспроизвожу ее оригинальный текст: «Покланияне от Яноке со Сълятою ко Ярине. Хоцьть ти твоего детятиць. О св(я)то жъ ея хоцьъ. Ажъ хоцьши, во брзе жъ седь буди. И яла есмо ся ему по руку, яко ты си мловила ему: ты дни придыши, томо дни поиму. И не ли тамо повоица, а крвоши присоли. А кодъ ти мне хльбъ, ту и тебе». Этот достаточно трудный текст переводится следующим образом: «Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего (то есть того, что ты предлагаешь). К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие (иа то, чтобы было), как ты

сказала ему давеча: «Придешь — в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе».

Письмо является ответом родителей (как это очевидно, в семье верховодит мать) на вопрос о возможном сватовстве сына. А. А. Гиппиус предложил убедительную гипотезу о том, что адресат письма Ярина — сваха. Повойник (женский головной убор) — один из характерных атрибутов свахи. В. И. Даль в своем словаре приводит, в частности, такую поговорку: «Сваха на свадьбу спешила, рубаху на мутовке сушила, повойник на пороге катала!» Заключительная фраза письма — прекрасная формула обещания вознаградить сваху за ее услуги. Еще в 1984 году в тех же слоях Троицкого раскопа была найдена грамота 632, упоминающая Кузьму Селятина сына. Возможно, что в грамоте 731 речь идет о сватовстве именно этого человека или его брата.

Годом многих сенсаций можно назвать полевой сезон 1993 года. Главные из них были неожиданными. Дело в том, что на Троицком раскопе исследования велись в напластованиях XI века, а это столетие не дает особой надежды на обнаружение берестяных текстов: ведь по существу первый век по принятии христианства был временем еще весьма робкого распространения грамотности в русском обществе. Цифры говорят сами за себя. Из 753 найденных к сегодняшнему дню в Новгороде грамот только 27 датируются XI — началом XII века. Из 201 грамоты Троицкого раскопа, где ранние документы, как уже отмечено, преобладают, к указанному времени до сезона 1993 года относилось лишь шесть документов, а последний из них обнаружен в 1983 году. На протяжении следующих десяти лет грамоты XI века в руки археологов не попадали. Слабым утешением было твердо сложившееся мнение о сугубой сухости и прагматической деловитости ранних берестяных текстов: денежные расчеты, записи долгов, исчисление процентов...

Тем сильнее оказался эмоциональный удар, испытанный участниками раскопок, когда в слое рубежа XI—XII веков была обнаружена грамота 752. Получивший ее человек разорвал ее на продольные полосы (ее длина около 46 см) и выбросил. К сожалению, среди найденных полос отсутствует начало первой строки (но оно восстанавливается по смыслу) и средняя полоса. Фрагментарность документа не препятствует восприятию его смысла, совершенно исключительного. В первой строке читается конец начальной фразы: «...къ тебе тришьдь». Длина утраченной части фразы такова, что дает возможность уверенно говорить об отсутствии в письме адресной формулы — ни автор письма, ни его адресат не были названы, а фраза, исходя из дальнейшего контекста, восстанавливается однозначно: «Сълала есмь къ тебе тришьдь», то есть «Я посылала к тебе трижды». Далее следует текст: «А въ сю неделю цѣтъ до мнѣ зѣла имещи, оже еси къ мѣне нѣ приходилѣ. А язѣ ты есм(ь и)мела, акы братъ собе. Ци оуже ти есмь задела сълюци, а тебе, веде, яко естѣ не годнѣ. Аже бы ти годнѣ, то из оцью бы ся вытьрьго притекл...» Переведем этот фрагмент: «Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала к тебе? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под (людских) глаз и пришел...»

Этот всплеск страсти воплощен в аккуратные строки, написанные красивейшим почерком, однако нервная эмоциональность прорывается в исправлениях описок, искажающих смысл упреков. Далее следовала отсутствующая часть, после которой на втором уцелевшем фрагменте сначала читаются обломки фраз: «...ныне къдѣ инодѣ. Въспиши жѣ ми про...» — теперь где-нибудь в другом месте. «Отпиши же мне про...»; «...тъбѣ хаблю» — ...тебя отвергаю (может быть: не думай, что я тебя отвергаю). И наконец заключительная фраза письма: «Ци ти боудоу задела своимъ бѣзоумьемъ, аже ми ся поцѣнеши насмихати, а соудитъ Б(ог)ъ и моя хоудость», то есть «Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмеяться, то судит (тебя) Бог и моя худость (то есть я)».

Письмо написано молодой женщиной, обладающей достаточно высоким социальным положением и, несомненно, знакомой с литературным языком. Можно только поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI века возлюбленному, не пришедшему на свидание.

Последней в полевом сезоне 1993 года оказалась еще одна берестяная грамо-

та, извлеченная на этот раз из слоя первой половины XI века. Сама по себе столь ранняя грамота (ей дали номер 753) стала бы выдающимся событием в русской лингвистике и палеографии, если бы была написана на русском языке. Однако она стала событием в германской лингвистике и палеографии, поскольку оказалась одним из древнейших на сегодняшний день документов на древнегерманском языке. По предварительному чтению ее короткий текст гласит: «Pil gefal im kie», что может быть переведено как «Стрела, никогда не порази его». Это еще один заговор, но на этот раз не русский.

В один день с находкой немецкой берестяной грамоты на Троицком раскопе случилась еще одна сенсация — был обнаружен небольшой клад из пятидесяти девяти серебряных монет.

В составе клада монеты, чеканенные в конце X и первой четверти XI века в Англии при королях Этельреде II и Кануте Великом в городах Йорке, Кембридже, Нориче, Саутгемптоне, Криклейде, Лондоне, Линкольне, Гастингсе, Глостере, Кентербери, Стамфорде, а также подражания им, чеканенные в разных центрах Скандинавии. Примерно половину сокровища составляют немецкие денарии, чеканенные главным образом в Южной Германии (в городах Кельне, Госларе, Майнце, Страсбурге, Эсслингене, Аугсбурге, Регенсбурге), но также во Фландрии и Магдебурге. Две монеты клада происходят из Византии.

Это первый в Новгороде клад западноевропейских монет XI века, ценность которого тем выше, что он оказался в руках исследователей целиком (случайно найденные клады таких гарантий не имеют, поскольку, как правило, часть монет из них расходуется по рукам находчиков).

Сравнение с кладами того же периода, найденными в других районах русского Северо-Запада, обнаруживает в новгородском кладе две особенности. В нем нет восточных монет, преобладавших тогда в обращении, и обломков монет, которыми денежное обращение первой половины XI века изобиловало. Объяснение этим особенностям было найдено, когда клад взвесили. Общий вес составлявших его серебряных монет равен примерно 69 граммам, а основная русская денежная единица той эпохи — гривна кун — приравнивалась 68,22 грамма серебра. Владелец монет отобрал ровно на одну гривну удобных по величине монет и припрятал их, хорошо запомнив, что им отложена круглая сумма.

К числу других важных находок 1993 года можно отнести еще две. В слое XI века была найдена свинцовая печать с греческой надписью «Господи, помоги рабе своей Марии». Поскольку на Руси свинцовая печать была атрибутом высокой государственной власти, а источники этого периода знают лишь одну высокопоставленную Марию — мать Владимира Мономаха, жену великого князя Всеволода Ярославича, предположительно с ней возможно связать эту находку. К сожалению, обратная сторона печати изглажена, и это не позволяет считать такую атрибуцию категоричной.

Еще одна находка из напластований того же XI века расширяет наши представления о художественном уровне русской скульптуры. X и XI столетия были несомненной вершиной ее развития, что засвидетельствовано многочисленными образцами деревянной резьбы.

Однако скульптуру такого класса, как найденная теперь, видеть еще не доводилось. Выполненная немыслимой пластикой рука сжимает деревянный шар; композиция может олицетворять только защитительную, охранительную силу некоей могущественной руки. Иначе — перед нами символ державности, регалия власти, принадлежавшая одному из ее высоких представителей. То, что этот предмет обнаружен на Троицком раскопе, удивления не вызывает, коль скоро тамошние усадьбы принадлежали в раннее время носителям новгородской государственности.

Работы в 1993 году были остановлены на уровне напластований первой четверти XI века. Впереди — встреча с вещами и людьми X столетия, а значит — и с самыми трудными и волнующими проблемами начальной русской истории, кульминационный пункт которых сформулирован еще древним летописцем: «Откуда есть пошла Русская земля?» ●

Уважаемая редакция!
Недавно прочитал в вашем журнале статью Л. Лескова «Если этого не может быть, то почему происходит?» («Знание — сила», 1993 год, № 6). Статья интересная, но непонятно, почему автор и, видимо, редакция считают, что современная наука настороженно относится к таким явлениям, как телекинез, телепатия и т. д. Наоборот, современная наука вплотную подошла к решению проблем парапсихологии, создала ее теоретический и экспериментальный базис.

В октябре 1993 года наша научно-коммерческая компания «Вакуумно-инерционные технологии» при участии издательства ИТ «Центр» выпустила книгу Г. И. Шипова «Теория физического вакуума», в которой изложена теория, завершающая многолетние исследования по созданию единой теории поля. Уравнения, описывающие физический вакуум, позволяют не только получить все многообразие фундаментальных уравнений теоретической физики, но и по-новому взглянуть на физическую реальность, создать новую физическую парадигму. Именно эта теория строго научно описывает те физические поля, которые могут быть основой парапсихологических явлений. Этому посвящена целая глава в книге.

Очень бы хотелось увидеть в вашем журнале статью, посвященную теории физического вакуума, а также ее удивительным следствиям. Надеемся, работа Г. И. Шипова привлечет внимание научной общественности.

В. ТАТУР,
вице-президент
научно-коммерческой
компании ВИТ

«Знание — сила»
Май 1994

ВО ВСЕМ МИРЕ

Поменялись ролями

О редчайшем случае перемены ролей, правда среди птиц, сообщают ученые из Корнеллского университета в США. Самки панамских яканов (подотряд ржанкообразных) содержат... гаремы самцов! Но, оказывается, это не прихоть, а необходимость. Дело в том, что за сезон самки делают семь — десять кладок, и здесь уж без большого количества самцов просто не обойтись. Насиживают яйца и ухаживают за многочисленным потомством у яканов самцы. «Самки растут быстрее самцов и крупнее их, поэтому роль

защитника гнезда, пока самцы сидят на яйцах, выполняют именно они», — говорит Стефен Эмлен, профессор, изучающий поведение животных. Только у самцов развиваются так называемые «инкубационные пятна», то есть участки поверхности тела на груди с усиленной циркуляцией крови, чтобы с их помощью лучше согреть яйца. В отличие от большинства других птиц, которые создают моногамные пары, самки яканов часто спариваются с несколькими самцами. Такое необычное поведение можно объяснить многочисленными нападениями хищников, охотящихся за яйцами яканов. Чтобы повысить репродуктивность, самки «перепоручили» материнские заботы самцам.

Птенцы рождаются хорошо развитыми и не страдают от отсутствия материнского ухода.

Страус — на все сто!

Сегодня на специальных фермах «Черного континента» разводят огромные количества страусов. В недалеком прошлом маховые и рулевые перья этих крупнейших птиц пользовались большим спросом на рынках Европы и Северной Америки. После соответствующей обработки из них делали веера или украшения для женских шляп.

Мода! А кто же не хочет следовать? Для того чтобы взять перья у страуса, его ставят в своеобразный

треугольный загончик, запирают вход специальной подвижкой и надевают на голову пластиковый мешочек. После этого страус переносит операцию по изъятию перьев довольно спокойно. Но в наши дни фермеры пускают страусов, можно сказать, в полный оборот. Бизнес есть бизнес. То есть в дело идут не только перья, но и мясо, яйца, кожа. И это еще не все! Фермеры заывают на страусовые фермы туристов, причем не только с целью осмотра птиц и хозяйства.

Туристам демонстрируют страусиные бега, да еще с ездниками. А в качестве жокеев выступают местные ребята. Да, пожалуй, сегодня страус используется больше чем на сто процентов.

Во что положить?

Как упаковать тот или иной продукт? В отечественной торговле этот вопрос все еще решается. Наш сервис ненавязчив. А вот в Японии, например, отдельным видам упаковки уже не одна сотня лет. С некоторыми из них можете познакомиться и вы.

Упаковка из соломки, которую делают для переноски яиц крестьяне северо-восточного региона Японии. Практичный и безопасный способ их доставки.

в листья магнолии. На свежих светло-зеленых листьях этого растения их и подают к столу. Запах листьев, смешиваясь с запахом маринованного риса, придает колбкам специфический аромат.

Ежегодно третьего марта в стране отмечается праздник девочек. Разумеется, в этот день им дарят сладости, положенные вот в такие оригинальные мешочки, и желают здоровья и счастья.

А в таких упаковках продаются колбки из вареного риса, называемые «хоба-дзуси». Их завертывают

А это «дооки тимаки» — высококачественные сладости из пасты красной фасоли, обернутые бамбуковыми листьями. Их делают вот уже более четырехсот пятидесяти лет на известной кондитерской фабрике «Кавабата Дооки» в бывшей древней столице Японии Киото. Фабрика — официальный поставщик кондитерских изделий в императорскую семью.

А в цилиндрические бамбуковые корытца упаковывают кусочки вареного и маринованного риса, приправленные угрем и уложенные на тонкие листья бамбука. Это излюбленное кушанье японцев в начале лета.

циалисты стремились получить в свое монопольное владение останки вождя пролетариата — на тот момент у них был свой, вполне, так сказать, здравствующий вождь... Скорее всего, их интересовал не Ленин как таковой, а препарат человеческого мозга.

Немцы охотились за ним, очевидно, не без умысла. Известно, что нацистское министерство пропаганды придумывало разные комбинации-фальсификации с целью скомпрометировать очередного врага «тысячелетнего рейха», используя причудливые сочетания фактов и вымысла. Так, видимо, было и на этот раз — для раздувания очередной большой лжи потребовались маленькне, но реальные факты. Заполучив в свои руки препарат, они могли бы затем распространять по миру всяческие небывлицы о состоянии рассудка и умственных способностях основателя Советского государства. Кроме того, препарат этот в свое время был приготовлен под руководством немца, профессора Оскара Фогта, иностранного члена Российской Академии наук, и приготовлен весьма тщательно — залитый в парафин, он был нарезан на тридцать две тысячи тончайших пластин.

Оскар Фогт явился тогда же одним из организаторов нового научного учреждения — Института мозга, перед которым советская власть поставила одну задачу: изучать мозг гениальных людей и прежде всего вождя мирового пролетариата. Коллекция мозговых срезов Ильича и по сей день хранится там же.

Почему же столько внимания и теперь уделяется Ленину? Очень просто. До него еще никогда и нигде ученым-морфологам не давали требуемых, и немалых, средств и времени для исследования одного, сравнительно узкого вопроса — вопроса структурной организации мозга человека, тем более человека, о деятельности мозга которого в период его жизни было известно очень много. Ученым давался в руки уникальный шанс — сопоставить особенности структуры мозга с особенностями деятельности человека, им обладавшего. Поэтому образ Ленина, с точки зрения ученого, исследующего проблемы организации мозга человека, — не более чем удачный пример, свободный изначально от какой бы то ни было идеологии и политики.

Первая «открытая» научная конференция по данной теме состоялась только в мае 1993 года. Ваш корреспондент, приглашенный весьма любезными тружениками скальпеля и микроскопа, ехал на нее не без душевного трепета. Пропустят ли его внутрь бдительные чекпосты? Какая страшная тайна о вожде дождалась часа своего обнародования? Все, увы, оказалось спокойнее и прозаичнее. Три доклада, сделанные директором института, академиком РАМН Олегом Сергеевичем Адрнановым, и докторами медицинских наук Ириной Николаевной Боголеповой и Самуилом Михайловичем Блинковым, прозвучали очень интересно, но столь же непонятно.

Если отвлечься от массы анатомических терминов, то коротко можно было узнать следующее. Оказывается, в институте хранится не один мозг Ильича — им только было положено начало, — а целая коллекция мозгов. Мозгов ряда выдающихся людей, деятелей науки и культуры Советского государства. Они посмертно передавались в институт для последующей разгадки «секретов гения». Работа эта ведется и поныне, результаты пока получены небольшие, исследователи сами напишут о них, когда придет время. Скажем только, что речь идет о таких личностях, как В. В. Маяковский, А. М. Горький, И. П. Павлов, Л. Д. Ландау, А. Д. Сахаров и другие. «Пантеон» этот насчитывает уже несколько десятков препаратов мозга и, так сказать, «открыт» для новых кандидатов в гении...

О мозге Ленина пусть напишут другие. Может быть, и на страницах нашего журнала. Наша задача — написать просто о мозге. А еще более узко — о единичном нейроне как элементе мозга. И нет тут больших авторитетов и компетентных специалистов, чем те, кому как раз довелось долгие десятилетия проработать в сверхсекретном НИИ мозга. Поэтому за дополнительными разъяснениями мы обратились к профессору Самуилу Михайловичу Бликову.

В результате наших встреч и долгих бесед родились две статьи — два взгляда на одну проблему, в чем-то дополняющие друг друга, а в чем-то — нет. Обе точки зрения мы предлагаем нашим читателям.

Нервные клетки не восстанавливаются

Нервные клетки не восстанавливаются — эту почти азбучную истину знает каждый. Но в разных отделах и структурах центральной и периферической нервной системы их насчитывается где тысячи, а где — миллионы, и этот факт заставляет подозревать клетки в неравномерности размножения.

Более того, многообразие, что мы видим у зрелого организма, не может не быть прямым результатом закономерного размножения нервных клеток в онтогенезе по мере созревания и индивидуального развития из вначале очень немногих нейронов. Значит, нейроны способны делиться на одних стадиях развития целого организма и теряют эту способность на других его стадиях. С точки зрения нейрона, единичной нервной клетки, последний вариант означает конец развития. Дальше этот нейрон «проживет» отпущенный ему природой срок и отомрет, так сказать, не оставив потомства. Такой нейрон, не способный к размножению, можно считать «зрелым» или даже «старым», хотя в подобном состоянии он может просуществовать гораздо дольше, чем в «юном» своем возрасте.

Но совокупность зрелых нейронов дает очень устойчивое образование — нервную ткань мозгового центра, вполне приспособленную для исполнения той или иной функции. Интересы нервных клеток порознь вступают в противоречие с интересами целого организма — их неограниченная экспансия ограничивается объемом внутричерепного пространства. Организму надо, чтобы растущая нервная ткань вела себя «дисциплинированно», то есть размножилась, увеличилась в размерах и в количестве нейронов до разрешенных ей «свыше» значений. Механизм такого сдерживания активности бурно растущей нервной ткани достаточно сложен. Тут и химические регуляторы, и включение генетических «тормозов», и чисто физические ограничения на пространственное расселение все новых и новых поколений клеток, о чем мы еще будем говорить ниже.

В последнем случае вступает в действие жесткий механизм «отстрела» — лишние нервные клетки, появившиеся на свет на волне инерции

активно делящейся ткани, оказываются ненужными, вредными, мешающими, и организм тут же приговаривает их к «высшей мере» — они должны вовремя умереть, освободив пространство для остающихся живыми, чтобы те могли нормально исполнять для организма нужную ему работу.

Это сложное взаимодействие части и целого (отдельного нейрона и организма) очень напоминает экологическую картинку взаимодействия самого организма и окружающей его среды.

Гетерохрония — неодновременность созревания

В развитии нервных структур самое трудное место — гетерохрония. Это слово означает неодновременность созревания разных скоплений нервных клеток, начавших свой путь одновременно, практически из одной первичной материнской клетки. Здесь уместно отметить работы Н. Н. Кокиной, посвятившей данной проблеме целый ряд своих публикаций. Она проводила подсчеты численности нейронов в созревших мозговых структурах у лягушек, мышей, цыплят. И вот из ее исследований, подтвердивших данные многих других авторов, получается, что мозг позвоночного состоит из областей с очень разной численностью нейронов. Все эти нейроны зрелые, они дальше делиться не могут. Возникает вопрос: почему их численность получилась неодинаковой? Ответ как бы понятен — потому что клетки в различных областях мозга прошли разное число делений. Но тогда встает следующий вопрос: почему тогда клетки в одной формации мозга созревают раньше (по числу предшествовавших делений первичной клетки), чем клетки другой формации? В этом пока не существующем ответе и состоит будущее решение проблемы гетерохронии.

Биохимические данные говорят о том, что синхронность или асинхронность деления эмбриональных клеток зависит от наличия в ткани и около нее особых веществ — дезоксирибонуклеотидов, своего рода фрагментов ДНК. Может быть, они влияют, а может быть, и не только они. Во всяком случае, организм как целое, если таковым считать бурно растущий эмбрион, сам регулирует, каким нервным скоп-

лениям в своем будущем мозге расти и размножаться, а каким уже пора остановиться.

Строго говоря, нервная клетка, если ее изолировать и дальше культивировать в питательном растворе «*in vitro*», должна расти и делиться, как обычная соматическая клетка, ни чем не выдавая своих каких-то особых замечательных способностей. Так и человек, — скажем, выдающийся математик, вырванный волей судеб из своей среды, — окажется он на необитаемом острове, очень скоро проявит себя неплохим земледельцем. И нервная клетка, живущая, так сказать, сама по себе, просуществует в пробирке положенные ей природой примерно пятьдесят делений — поколений. (При делении материнской клетки на две дочерние одна из «дочерей» сохраняет старый материнский геном, а он, с учетом постепенного накопления мутаций, способен синтезировать еще более-менее нормальные копии не более пятидесяти раз.)

В организме же, в условиях очевидной несвободы от «окружающего общества», нервная клетка имеет совсем иной жизненный путь. Тут интересы частного — самой клетки — полностью подчинены интересам общего — всего организма. Только успев превратиться в первичные нервные клетки — нейробласты, они делятся, мигрируют по телу эмбриона к местам своей будущей «прописки». Сами ли они движутся или же их депортирует некая общеорганизменная сила, пока неясно. Придя на места, нейробласты приступают к отращиванию аксонов и дендритов и к образованию с их помощью взаимосвязей между собой. С этого момента нервная клетка превращается в зрелую — в нейрон.

Развитие зародыша начинается с мозга!

Есть очень интересные обобщения на этот счет Ф. А. Ата-Мурадовой, сформулированные в русле концепции «теории функциональных систем». Можно по-разному относиться к этой теории и ее родоначальнику, П. К. Анохину, но факты, собранные ее сторонниками, не вызывают сомнений в том, что «здесь что-то есть». Так, например, стоит посмотреть ход эмбриогенеза у позвоночных — это и сделала в свое время Ата-Мурадова.

Эмбриогенез — это внутриутробный период развития, от оплодотворенной клетки и до рождения детеныша у живородящих животных, или же тот же процесс, идущий через все эти стадии внутри икринки у рыб и амфибий либо внутри яйца у рептилий и птиц.

Возникает вопрос: когда и как закладываются мозговые структуры у эмбриона, ведь в начале пути оплодотворенная яйцеклетка делится на равные и совершенно одинаковые дочерние клетки? Через сколько делений-поколений начнется дифференциация клеток, то есть их самое первое разделение на будущие нервные, соматические и иные клетки, и почему? Что, какой фактор, внутренний или внешний, заставляет клетки начинать, так сказать, узкую специализацию?

Оказывается, эмбрионы позвоночных развиваются так, что самыми первыми в них закладываются именно нервно-мозговые структуры. Эмбрион как бы заранее «знает», что быть ему в грядущем высокоорганизованным животным или даже человеком, и потому начинает с самого главного, что ему понадобится когда-то в будущем, — с закладки мозга. Нервные структуры в зародыше появляются первыми.

Так, например, оплодотворенная яйцеклетка амфибий уже целую треть своей поверхности отводит под будущие нервные и мозговые структуры. Биологический смысл этого феномена, по-видимому, заключается в том, что устройство любой нервной структуры, судя по выполняемым ею функциям, гораздо сложнее, чем функциональное устройство любого другого органа в теле позвоночного. Потому этот «счетно-решающий блок» требует большего времени для созревания, нежели «блоки исполнительные» — внутренние органы, мышцы и так далее. Более того, эти еле успевшие сложиться, еще вполне зачаточные нервные скопления уже руководят закладкой и развитием в зародыше-эмбрионе исполнительных органов и систем. Простые опыты, где хирургическим путем удалялись те или иные участки нервной пластинки, тут же вызывали прекращение роста и быструю дегенерацию начавших уже было развиваться тканей будущего исполнительного органа. Или — в отдельных случаях —

ткань развивалась, но лишенная «руководящей роли» соответствующего нервного центра, превращалась в бесформенную и аморфную культуру клеток, как если бы ее выращивали «ин витро», то есть в пробирке, вне связей с развивающимся организмом.

Отсюда и вывод — без нервных структур невозможно нормальное развитие эмбриона, невозможна специализация различных его групп клеток в будущие внутренние и внешние органы. Вот почему эмбриогенез начинается с самого главного — с закладки нервных клеток и их объединений.

Но что происходит дальше? Вот нервные структуры заложены, теперь, в том числе и под их влиянием, в эмбрионе начинают развиваться исполнительные органы. При этом, например при развитии конечности — лапки, крыла или руки, устанавливаются связи между мотонейронами и растущей конечностью. Интересно, что нейронов, нацеленных на «контакты» с этой конечностью, оказывается неизмеримо больше, чем она может их принять. Ведь один мотонейрон может управлять полутора сотнями мышечных клеток. «Руководителей» здесь получается много больше, чем простых «исполнителей». О чем говорит этот факт? Прежде всего о том, что нервные структуры закладываются в зародыше, так сказать, с большим запасом прочности — мало ли что, в жизни всякое ведь бывает!.. Но когда связи уже установились и каждый «исполнитель» в конечности обрел свое прямое и непосредственное «начальство» в нервной структуре, так лишние мотонейроны начинают дегенерировать и отмирать.

С этого момента, надо полагать, и прекращается простое деление нервных клеток. Они теперь трансформируются в настоящие нейроны — отрачивают длинный аксон, видоизменяют клеточное ядро, выпускают дендритные отростки. Нейрон стал зрелым и готовым работать «на благо» целого организма. Вот такая нервная клетка и не восстанавливается.

Можно сказать, что в эмбриогенезе «мозг есть цель» и одновременно «мозг есть средство». Цель — это его будущая роль (после рождения), средство — это его роль в ходе самого эмбриогенеза. Кроме мозга, понимает-

ся, в развитии эмбриона определенную, правда пока сравнительно небольшую, роль играет и генетический аппарат.

У амфибий эмбрион в поздней стадии своего развития содержит около тридцати тысяч клеток, при этом роль его генетического аппарата очень низка: по некоторым данным, активность обнаруживают только пять процентов генома. В то же время новорожденный организм (головастик) имеет уже до семнадцати процентов активных элементов своего генетического аппарата.

У млекопитающих и человека — наоборот, активность генома очень рано проявляется. Можно говорить о том, что она реальна уже на стадии двух бластомеров — первых двух дочерних клеток, родившихся от деления оплодотворенной клетки. Еще через несколько делений клетки нервной трубки уже составляют значительную часть всей массы зародыша. Поэтому иногда говорят, что развитие зародыша человека начинается прежде всего с развития его мозга.

Далее и на протяжении всей жизни индивида генетический аппарат в нервных и соматических клетках ведет себя по-разному. Уровень его биосинтетической активности достигает некоторого предела в соматических клетках еще в эмбриональном периоде. И далее он уже не изменяется. В нервных же клетках генетическая активность непрерывно возрастает на всех стадиях развития, во все периоды онтогенеза, включая и взрослые, где она особенно интенсифицируется при процессах обучения. И очень вероятно, что психическая деятельность человека регулируется не только приобретенным опытом, рефлексам, воспитанием, но и прямо генетически.

О чем может рассказать статистика нейронов

Все изложенные выше рассуждения привели ученых к осознанию того факта, что сама численность нервных клеток в том или ином мозговом центре, в зрелом его состоянии, могла бы уже многое рассказать о процессах, предшествовавших ее нынешней стабилизации. И примерно с 1972 года группа коллег, — а среди них необходимо назвать Самуила Михайловича Блинкова, Всеволода

Александровича Лившица, Сергея Николаевича Оленева и Виктора Юльевича Урбаха — приступила к работе, которая многим их коллегам и оппонентам показалась тогда бессмысленной, — начали подсчитывать под микроскопом количество нейронов в том или ином нервном центре головного мозга человека и лабораторных животных.

Пошел поток цифр, в которых легко было запутаться. Количество нейронов колебалось от полутысячи до десятков и сотен тысяч. Один и тот же нервный центр у двух разных людей мог содержать в несколько раз различающееся число нейронов. Никакой закономерности не улавливалось, а скептические усмешки друзей-нейроанатомов только усиливались. Впору было уже бросать эту кропотливую и трудоемкую работу.

Встал вопрос о статистической обработке этих данных, но для нее нужна была какая-то исходная гипотеза. Сама по себе статистика не может дать гипотезу, она способна только подтвердить, либо отвергнуть то, что ей предлагают как возможное готовое решение. Потому все разговоры о математической обработке данных со специалистами по статистике упирались в их встречный вопрос: а что вы хотите получить от ваших данных?

Самая простая гипотеза родилась тут же. В эмбриогенезе клетки делятся, удваиваясь на каждом этапе. Оплодотворенная яйцеклетка делится пополам. Ее дочерние клетки расходятся тоже на две. И нейробласты — первичные нервные клетки — как прямые потомки яйцеклетки тоже делятся пополам. Тогда, значит, зрелая ткань любой мозговой формации должна быть представлена сильно размножившимися потомками одной первичной нервной клетки. Следовательно, их численность должна измеряться числом « 2^n », где показатель степени « n » одновременно указывает на прошедшее число митозов — количество сменившихся поколений клеток в данном центре мозга. Очень интересно получается. Если эта гипотеза верна, то простой подсчет клеток даст информацию о всех предшествовавших этапах нейроэмбриогенеза, точнее говоря, скажет, сколько их было. Но в материалах встречались данные, заметно отклоняющиеся от

этого правила и потому требовавшие дополнительного объяснения.

Например, улитковые ядра мозга человека содержат несколько больше пятидесяти тысяч нейронов. Это число, как его ни крути, никак нельзя представить в виде двойки с целым показателем степени. Но таких ядер у человека два. И если их рассмотреть порознь, то каждое из них уже вписывается в гипотезу, потому что в одном из них около тридцати пяти тысяч клеток, а в другом — несколько более шестнадцати тысяч. Разное число клеток в обоих ядрах свидетельствует о разном количестве предшествовавших им митозов, а значит, развились они не от одной, а от двух разных прародительских нервных клеток.

И таких примеров оказалось много. Практически все они сводились к формуле «два в степени эн» объединением либо разделением парных областей, одновременно давая ответ на вопрос, из одного нейроэмбрионального центра они ведут свою родословную или же из разных.

И в заключение следует отметить еще одно важное направление работы, которое должно заинтересовать будущих исследователей, поскольку у нынешних, похоже, до него просто не доходят руки. Речь идет об эволюции. Интересно проследить в филогенетическом ряду позвоночных степень видового развития тех или иных участков мозга. Ведь ясно же, что в эволюции позвоночных мозг увеличивается. Растут в целом и отдельные его области, центры и формации. А значит, в филогенезе увеличивается и численность нейронов в каждом из них. Самое интересное — как увеличивается? Можно предположить, что в точном соответствии с формулой «два в степени эн». Причем показателем степени эволюционного развития выступит как раз показатель степени из упомянутой формулы. При этом определенно возникнет следующий вопрос: почему у одного вида позвоночного развитие мозговой формации остановится после одного числа митозов (делений), а у другого вида — еще и продолжится на много нейронных поколений вперед?

Число нейронов говорит о многом

Каждому центру мозга в нервной деятельности принадлежит своя собственная роль, которая отражается в особенностях состава его нейронов.

Весь организм человека вырастает из одной оплодотворенной яйцеклетки. Нервный центр возникает вследствие размножения одной или нескольких зародышевых клеток материнского слоя мозговой трубки. Зародышевые нейроны — нейробласты — размножаются только до четырех месяцев внутриутробного периода, а затем, вплоть до рождения, происходит уже гибель клеток, которая в некоторых центрах достигает до 80 процентов. Аналогично происходят процессы и у животных.

Что дает нам право объединять мозг человека и мозг позвоночных? Дело в том, что мозг позвоночных — от мелкой рыбежки-ланцетника и до человека — построен по единому плану, который сохраняется при переходе от низших форм к высшим. Так, зрительный бугор появляется вместе с костистыми рыбами. Кора большого мозга возникла у животных, живших в каменноугольном периоде (около 200 миллионов лет назад), когда позвоночные начали выходить на сушу и образовалось множество наземных форм, относящихся к классам амфибий и рептилий. Центры новой коры у животных выделились в мозге около 150 миллионов лет назад, в триасовом периоде. А нервные центры мозга современного человека, сохранившие все эти ранние приобретения, представляют собой конгломерат, где рядом существуют нервные центры, поразительно сходные у человека и рептилий. Зрительная кора имеет такое же строение, как зрительная кора кенгуру, а большинство центров новой коры под микроскопом не отличимо от тех же полей у обезьян. Наконец, существуют и такие специфически «человеческие» поля — участки новой коры, которые не имеют никаких аналогов даже у высших обезьян.

Наши исследования показали, что закономерность, определяющая численность нейронов в различных центрах мозга, — общая для всех позвоночных животных.

Само по себе количество нейронов в различных нервных центрах колеблется от нескольких тысяч до многих миллионов. Размеры центров генетически обусловлены так же, как размеры парных органов, которые имеют равные (до известных пределов) массы. Не может, например, центр продолговатого мозга содержать миллионы клеток, а зрительный центр — только тысячу. Естественно, возникает вопрос: какова может быть закономерность, по которой распределяются количества клеток в разных центрах и возможны ли какие-то колебания этого количества в одном и том же центре у различных людей?

Математическая обработка большого материала по численности нейронов в нервных центрах человека и животных привела к выводу, что эти количества приближаются к значениям 2 в степени n , где n — целое число. Например, 4096 (2 в степени 12), 16384 (2 в степени 14), 65536 (2 в степени 16) и т. д. Казалось, что все очень просто: одна зародышевая клетка делится на две клетки, из двух клеток получаются четыре (2 в степени 2), затем восемь (2 в степени 3) и т. д. Поэтому часть наших оппонентов утверждала, что ничего нового тут нет, потому как в результате митотического деления каждый раз на 2 ничего другого и не получится. А значит, мы сделали наш вывод не из фактического материала, а исходя из здравого смысла.

Но оказывается, что количество нейронов в нервных центрах ни разу не было точно равно значению 2 в степени n . Мы в наших исследованиях

указывали, что это количество только приближается к 2 в степени n . Закономерность, о которой мы пишем, не может быть выявлена при рассмотрении одного отдельно взятого центра, а только после того, как все полученные в достаточном количестве значения по другим центрам в совокупности будут подвергнуты надлежащему анализу.

Кроме того, наши оппоненты, изучавшие развитие нервных центров, категорически возражали нам на том основании, что вовсе не обязательно, чтобы нервный центр возникал из одной зародышевой клетки. Зародышевых клеток, из которых образуется один нервный центр, может быть несколько, например три или пять. В процессе развития до стадии четырех месяцев внутриутробного периода встречаются асимметричные митозы, когда в следующем поколении количество зародышевых клеток вовсе не удваивается. Известно, что в процессе развития закладывается больше клеток, чем их содержится потом в нервном центре взрослого. Все эти факты заставили другую часть наших оппонентов утверждать, что правила «2 в степени n » не существует и существовать не может. Только повторные, признанные уже всеми сомневающимися убедительными, математические исследования показали, что указанное нами свойство нервных центров содержать количества нейронов, имеющие значения, близкие к двум в степени n , в природе действительно имеет место. Каким образом достигается такая организация клеток, мы пока не знаем. На современном уровне науки вопрос представляется неразрешимым.

Имеет ли наша работа какое-либо значение для науки и практики?

Приведем только один пример.

Единство целостности и мозаичности как главный принцип ЦНС проявляется в различных формах структуры и функций мозга здорового и больного человека. Если, например, в ядре черепного нерва или в любой другой формации мозга большого гибнет десять клеток, то при его жизни едва ли будет обнаруживаться какое-либо нарушение функций этого нерва. А если в том же ядре черепного нерва погибнет сто или тысяча клеток? Очевидно, имеется какой-то критический уровень для количества клеток, ниже которого сохранение или восстановление функций этого центра невозможно. Вопрос о таком критическом уровне решается на материале клинико-анатомических сопоставлений.

До последнего времени предполагалось, что для поддержания функций нервного центра необходима сохранность определенного процента составляющих его нейронов. Так, по данным американских авторов, при частичном поражении дыхательного и сосудодвигательного ядер мозгового ствола их функции могут быть компенсированы при условии, если в них остались невредимыми 70—80 процентов клеток. Другой автор нашел, что достаточно 40 процентов мотонейронов, чтобы при поражении спинного мозга в клинике наступил парез соответствующих мышц. В литературе представлены эксперименты на обезьянах, приводящие к выводу, что для сохранения функций субталамического (вегетативного) ядра необходима сохранность не меньше 80 процентов его нейронов. В работе, опубликованной в 1968 году, мы нашли, что для осуществления функции ядра отводящего нерва необходимо, чтобы оставались невредимыми 37—38 процентов его нейронов.

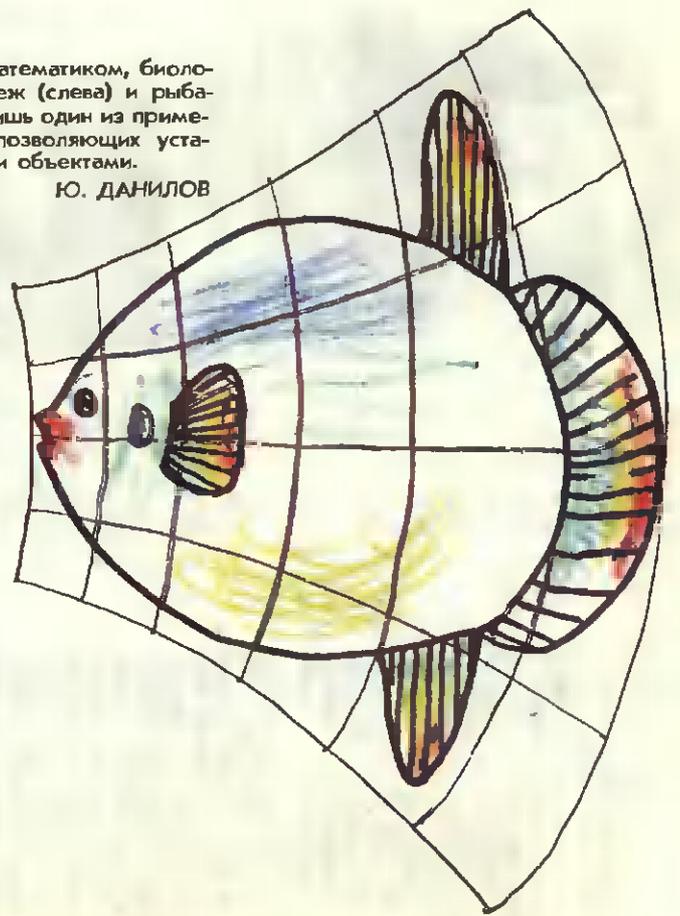
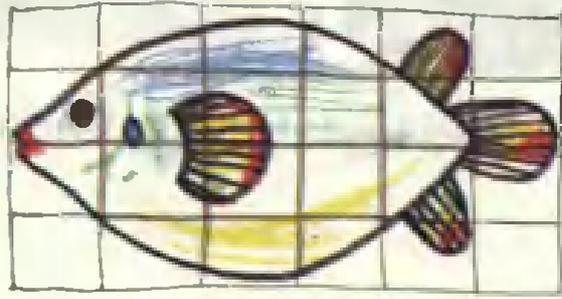
С развитием количественной анатомии мозга выявилась удивительно большая индивидуальная вариабельность числа нейронов в одном и том же центре у человека (до 200 процентов и даже 400 процентов). Например, число нейронов в ядре лицевого нерва колеблется от 4000 до 16 000, то есть от «2 в степени 12» до «2 в степени 14».

В клинико-анатомических сопоставлениях на материале тридцати четырех ядер лицевого нерва нами было установлено, что критическое число нейронов совпадает с нижним пределом колебания количества нейронов в этом ядре в норме. Таким образом, при варианте «2 в степени 12» клеток парез в клинике выявляется уже после гибели 200—300 клеток, между тем как у человека при варианте «2 в степени 14» клеток гибель 8000 нейронов пройдет в клинике незамеченной. Клинико-анатомические параллели позволяют допустить, что вариант «избыточного количества нейронов» в нервном центре не является указанием на более совершенную деятельность, но означает наличие резерва для сохранения функции при частичной гибели формации. ●

Волшебный фонарь

Простым преобразованием, найденным английским математиком, биологом и историком Д'Арси Вентвортом Томсоном, рыба-еж (слева) и рыба-луна (справа) могут быть превращены друг в друга. Это лишь один из примеров изучаемых современной наукой преобразований, позволяющих устанавливать сходство между, казалось бы, весьма далекими объектами.

Ю. ДАНИЛОВ

**Солнечная радиация —
в прогнозе погоды**

Национальная комиссия радиологической защиты и Метеорологическая служба Великобритании составили совместный план действий, которые позволят, начиная с лета этого года, включать в ежедневную сводку погоды и в ее прогноз данные о солнечной радиации на территории страны. Тем самым они следуют примеру Австралии, где это уже практикуется.

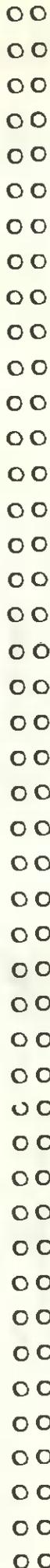
В настоящее время Комиссия радиологической защиты собирает в трех пунктах данные об интенсивности проникающего к поверхности Земли ультрафиолетового излучения Солнца. В конце 1993 года вступили в строй еще три подобные станции. Для сводки и прогноза потребуется сопоставлять эту информацию с данными, описывающими облачный покров, состояние озоносферы и загрязнение воздуха в приземном его слое. Всеми этими данными располагает Метеослужба.

Прогноз поможет населению Великобритании заранее принимать меры к сокращению пребывания под открытым небом (особенно детей, альбиносов и других лиц, отличающихся тонкой белой кожей), к затенению мест, где такое пребывание неизбежно и необходимо.

Известно, что излишняя ультрафиолетовая радиация, получающая возможность проникать к поверхности Земли при истощении стратосферного слоя озона, повышает риск заболевания раком кожи.

Исключительно редкий

Около островов Новые Гебриды открыт исключительно редкий вид наутилуса. Наутилусы, мягкотелье, — одни из самых древних животных на нашей планете — около пятисот миллионов лет назад населяли тропический океан Земли.

Наши лауреаты 1993 года

Венедитов Алексей — режиссура совместной с радиостанцией «Эхо Москвы» исторической радиопередачи «Не так».

Эстрии Александр — оформление номеров 4, 8, 10 и 12.

Невлер Леонид — статья «Социология мафиозности», номер 12.

Алексей Алексеевич ВЕНЕДИКТОВ — политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы» с момента ее создания в памятный август 1991 года. Среди слушателей имеет огромное число почитателей, к каковым относятся и все до единого сотрудники журнала. Сумел разглядеть в редакции потенциальный источник творческой энергии и воспользовался им в собственных профессиональных целях. Результатом сотрудничества Венедиктова и редакции журнала стали историческая передача «Не так» и экономический час на радиостанции «Эхо Москвы».

Юрий Степаевич ЛЕКСИН — нашему читателю хорошо знакомо это имя. В редакции всегда с большим интересом ждут каждую его новую работу. Какой бы темы он ни коснулся, будь то конверсия, строение Вселенной, поведение животных, на первый план у него обязательно выходит человек-исследователь. Герои его очерков запоминаются надолго. Уверены, что новая работа Юрия тоже останется в памяти читателей — им предстоит встреча с незаурядной личностью, оставившей заметный след в нашей науке.

Леонид Ильич НЕВЛЕР, он же — L. Newler (Эль Ньюлер), автор несуществующей книги «В сторону мафиозности», он же — автор статьи, получившей премию 1993 года. Говорят, что живет в Москве, говорят, что издает «Художественный журнал», по слухам — создатель неведомой науки «меонтология» (наука о Ничто).

Вадим Юрьевич ЦАРЕВ — философ, культуролог. Внедрил в наш журнал рубрику «Российский умустрой» и теперь под наблюдением читателей изливает «злобную нежность» на светлые и темные особенности отечественного жизненного уклада. Не жалеет огневых средств для пресечения «полетов фантазии над Евразией» и настаивает на сугубо европейской судьбе русской культуры.

Марк Борисович ЩУКИН — историк, археолог, доктор наук, научный сотрудник Эрмитажа, автор многих десятков статей, нескольких книг и даже учебников. Однако все это не объясняет, почему Марк Щукин стал лауреатом журнала «Знание — сила». Объясняет же — его давний и неослабный интерес к проблемам, бесконечно волнующим наш журнал. Например, что такое Европа? Только ли это географическое понятие, а если нет, что же еще?

Наши бесконечные вопросы совсем не поставили в тупик Щукина, наоборот — очень обрадовали: он с готовностью протянул нам рукопись «Европа». Культура полей погребений». Вот тогда-то, в сущности, он и обрек себя быть лауреатом «Знание — сила» 1993 года.

Александр Михайлович ЭСТРИН — ныне самый давний работник журнала. Сделанные его руками макеты, вероятно, можно считать сотнями. Пару десятилетий назад к нашим оформителям стекался весь в ту пору непризнанный художественный авангард, и журнал своим внешним обликом явно нарушал одинаковость советской периодики, в чем огромная заслуга принадлежала эстринскому упорству. Теперь иные из бывших наших друзей далеки, иные слишком знамениты, чтобы помнить о скромном журнальчике, который их подкармливал в черные дни. Но Эстрин в своих макетах верен им, следуя прежде всего тем богатым ассоциациям, которые вызывают их картины, и заставляя по-другому видеть содержание «оформляемых» текстов.

Щукин Марк — цикл статей под рубрикой «Пути народов», номера 8 и 10.

Царев Вадим — цикл эссе под общим названием «Российский умустрой», номера 9 и 10.

Лексин Юрий — очерки «Жизнерадостное умирание», номер 6, и «Пляски разума», номер 11.

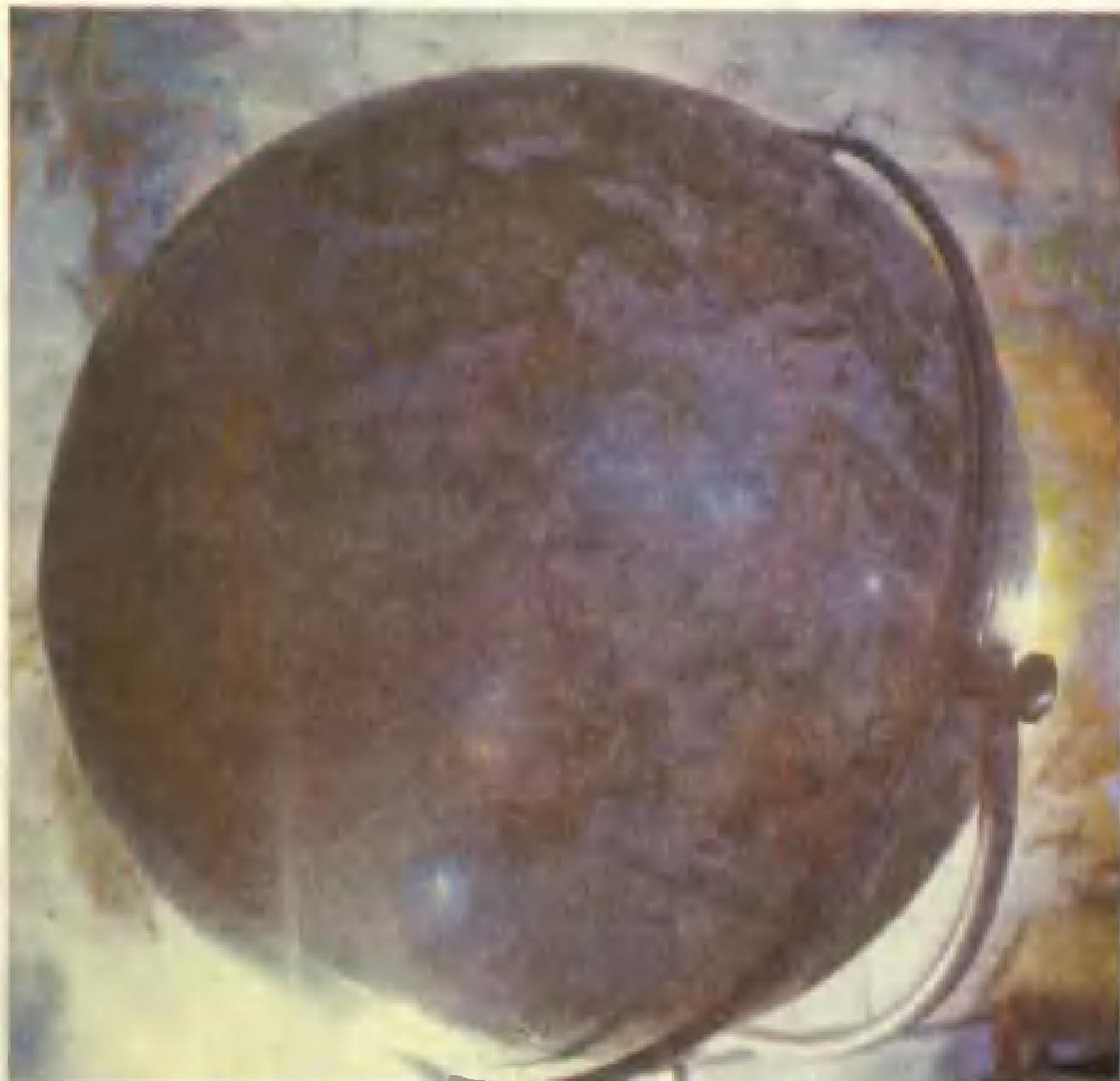

Иллюстрация В. Бреля

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Козырные карты

В начале XVII столетия лорд-хранитель печати, барон Веруламский, виконт Сент-Албанский, более известный миру под именем Фрэнсиса Бэкона, выдающегося философа и автора «Нового органа», обратил внимание на странное подобие обращенных друг к другу побережий Африки и Латинской Америки. Материки подходили друг к другу, как часть выкройки, разложенной на столе портного. Ф. Бэкон расценил это как свидетельство могучих сил замысловато устроенной природы. В 1910 году немецкий ученый Альфред Вегенер впервые задумывается над возможностью горизонтального перемещения материков и через год находит этому факту палеонтологические доказательства. Сейчас развитием его идей занимается плитотектоника, концепция, с развитием которой читателей нашего журнала неоднократно знакомил недавно ушедший из жизни Лев Павлович Зоненшайн.

С коллегой и другом Л. Зоненшайна, главным геологом предприятия «Аэрогеология» Л. НАТАПОВЫМ — беседа нашего специального корреспондента Н. МАКСИМОВА. Во многом материал основан на работах Л. Зоненшайна и посвящен памяти этого талантливого ученого.

Корреспондент: — *Лев Моисеевич, на стене вашего кабинета висит карта СССР с необычными границами, я же предполагал увидеть карту, о которой так много говорят, — карту, связанную с размещением полезных ископаемых.*

Л. Натапов: — Вы имеете в виду металлогеническую карту — карту закономерностей размещения рудных ископаемых бывшего СССР. О ней мы поговорим позже. Вы же видите перед собой одну из карт готовящегося палеогеографического атласа. Эта работа была задумана Львом Павловичем, но, к сожалению, осуществляется, когда его уже нет с нами.

Палеогеографической называется физико-географическая карта, составленная на какой-то определенный момент геологического прошлого. На ней ученые показывают очертания суши и морей, равнин и складчатых областей, восстанавливают речную сеть и крупные дельты, шельф, рифтовые пояса. Последовательные серии таких карт показывают, как развивалась земная кора, а именно это в конечном счете определяет закономерности размещения полезных ископаемых.

Возвращаясь к карте со «странными» границами, давайте сначала поговорим о принципах ее построения. Начнем издалека. С рифея. Тогда, около миллиарда лет назад, генеральное расположение литосферных плит, а соответственно материков и океанов, мало напоминало современное. Большая часть континентов располагалась к югу от экватора. С этого времени и начались долгие странствия материков и их фрагментов по поверхности Земли. В разные геологические эпохи материки объединялись в единые континенты — Гондвану, Лавразию, Пангею, затем распадались, при этом находясь в различных климатических условиях.

Корреспондент: — *И сами при этом определяли изменения климата Земли?*

Л. Натапов: — Конечно, это взаимосвязанная система. Например, в конце ордовика — 450 миллионов лет назад — экватор проходил через европейскую часть СССР. С другой стороны, когда материки покидали полярные области и там располагались океанические впадины, циркуляция океанических вод от тропиков к полюсам, постепенно обогревая полярные регионы, приводила к общему смягчению климата нашей планеты.

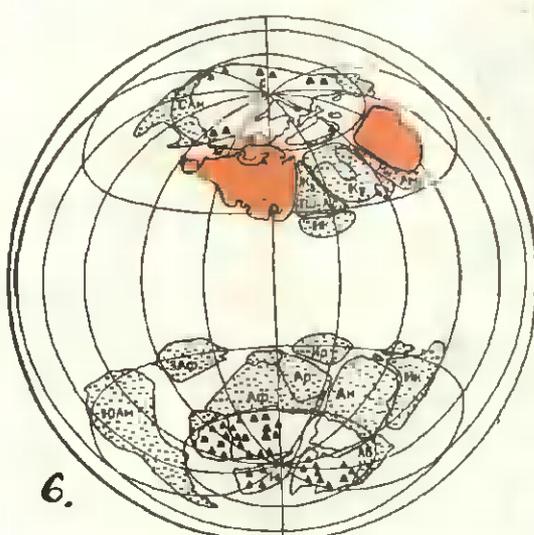
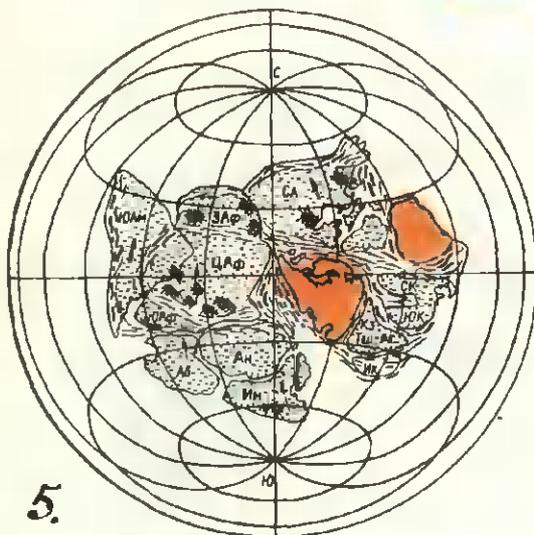
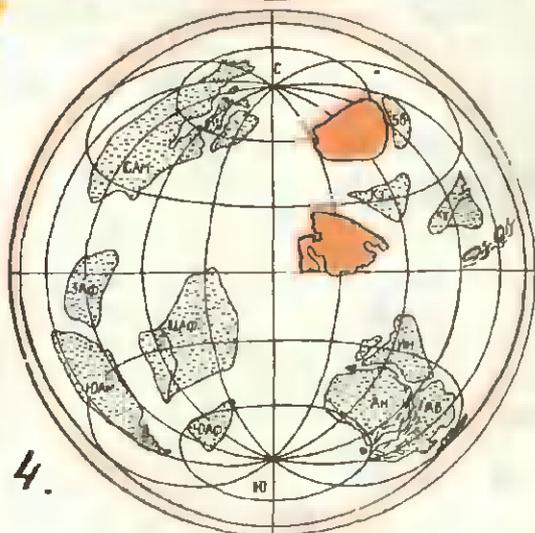
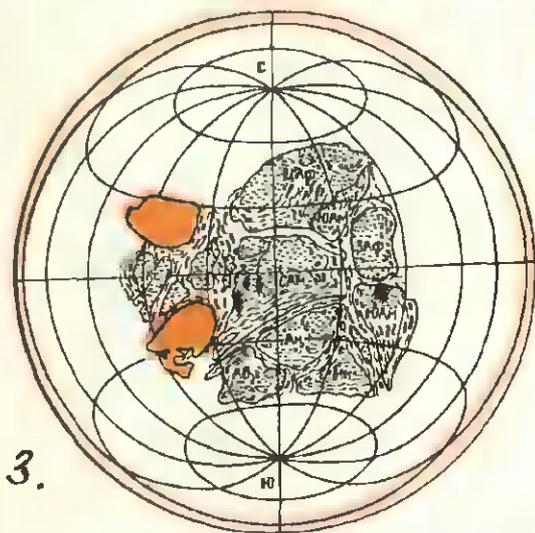
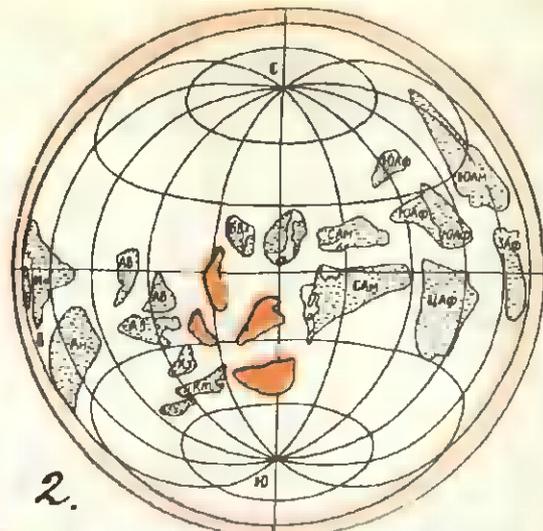
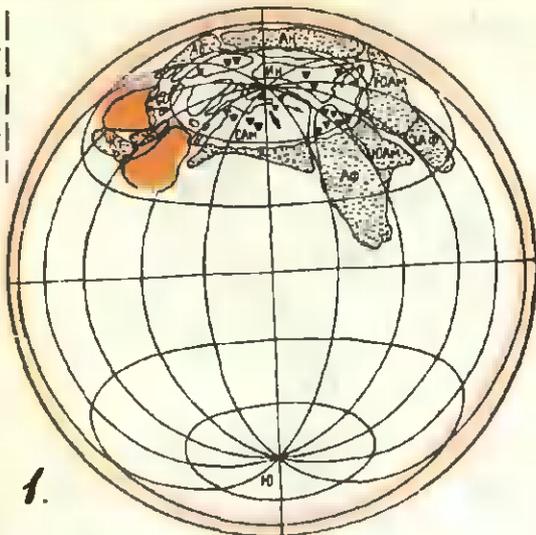
Корреспондент: — *Получается, что литосферные плиты «прожили» бурную жизнь, попадая в разнообразные природные обстановки...*

Л. Натапов: — И в конце концов расположились в современных координатах. Именно границы бывших континентальных блоков вы и видите. Блоков с различной биографией. Ведь в разных климатических обстановках происходят разные процессы осадконакопления, и, соответственно, по-разному идет формирование месторождений полезных ископаемых.

Корреспондент: — *Кто-нибудь до вас делал подобные исследования?*

Л. Натапов: — Делали. Например, существует атлас Арктики, Северной Атлантики и Тетиса, составленный Питером Зиглером и его коллегами и изданный компанией «Шелл». Но это достаточно мелкомасштабный атлас. Первые попытки составления подобных карт у нас в стране были предприняты А. Б. Роновым и В. Е. Хаиным. Масштаб их был необычайно мелок, временные сечения очень крупные — через пятьдесят миллионов лет. Мы же делаем атлас, состоящий из двух видов карт, на узкие временные срезы. Первые — это карты, показывающие распространение толщ горных пород в их сегодняшней позиции.

Цветом мы показываем условия их образования. Это хорошо видно на рисунках 2 и 3. Вторые же карты — это и есть палеогеографические карты, составленные на основе реконструкций, где материки для каждого отрезка времени находятся в их прежнем положении. Причем системами координат для этих абсолютных реконструкций использовались горячие поля и горячие точки мантии, о которых ваш журнал уже писал. Кстати, выяснилось, что и эта система привязки — «горячие точки» планеты — тоже перемещается, как и плиты, но на порядок медленнее.

Перед нами — картина великого «странствия» древних материков, начиная со времени выплавки в архее континентальной коры как таковой, кончая современным положением двух древних континентов — Восточно-Европейского и Сибирского, которые «успокоились» на территории бывшего СССР. Примечателен тот факт, что в ходе своих блужданий осколки континентов побывали практически во всех климатических зонах, что не могло не сказаться на характере осадков, их покрывающих.

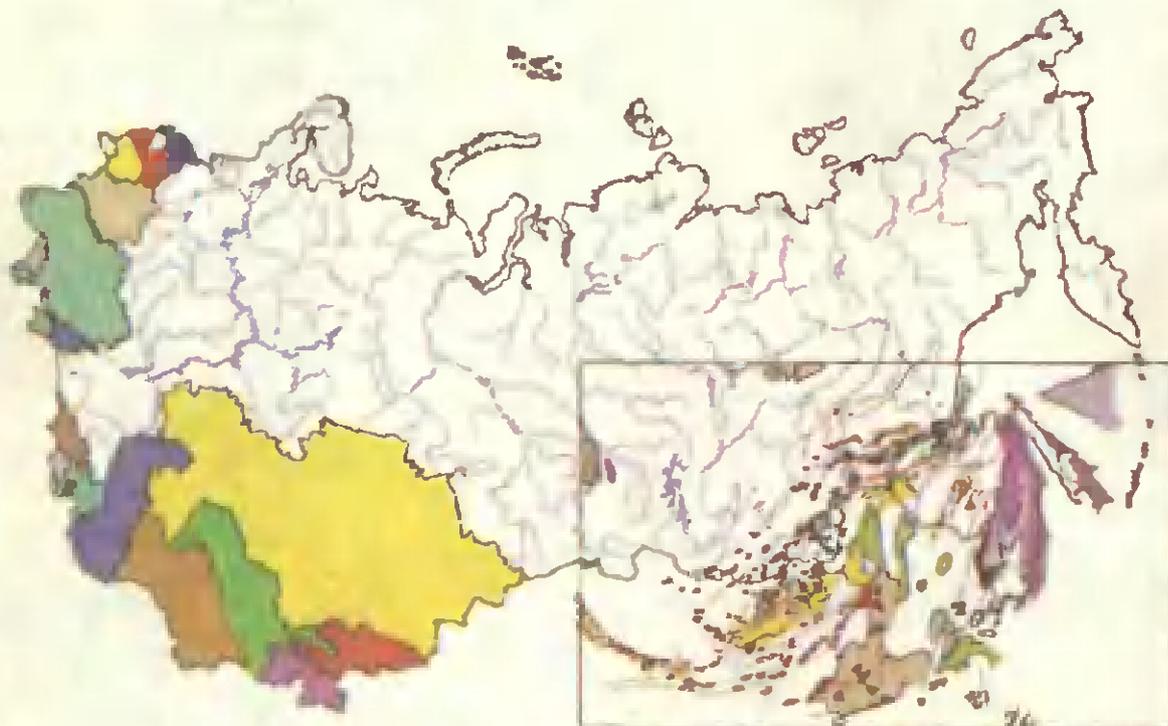
1. Реконструкция суперконтинента Могогея, существовавшего около 2,6—2,4 миллиарда лет назад.
2. Распад Могогеи около 2,2 миллиарда лет назад.
3. Реконструкция суперконтинента Мезагея, возникшего около 1,8 миллиарда лет назад.
4. Распад Мезагеи около 1,4 миллиарда лет назад.
5. Реконструкция суперконтинента Мезогейя, формировавшегося около 1 миллиарда лет назад.
6. Распад Мезогейи на Лавразию и Гондвану около 800—750 миллионов лет назад.
7. Распад Лавразии и перестроение Гондваны около 650 миллионов лет назад.
8. Гондвана и лавразийские материка около 550 миллионов лет назад.
9. Реконструкция суперконтинента Пангея около 200 миллионов лет назад.

	Древние континенты.		Складчатые области и пояса.
	Область с океанической корой.		Осадочные бассейны.

На картах, с помощью компьютерной техники, представлена картина, которую мы могли бы наблюдать около 200 миллионов лет назад на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Различными цветами показаны территории со своеобразной историей развития — крупные дельты, озерные равнины, рифтовые пояса, шельф. Такие карты сделаны на всю территорию бывшего СССР, причем с временным сечением в 10 миллионов лет.

(Карты предоставлены фирмой «Геоцентр».)

Корреспондент: — «Горячие точки», насколько я понимаю, дают устойчивую систему координат на последние 100—200 миллионов лет. А ваш атлас позволит восстановить более древние картины?

Л. Натапов: — В атласе мы делаем временные срезы через 10 миллионов лет, до рубежа 160 миллионов лет. На этот период есть надежные данные. Дальше, глубже в геологическую историю, мы начинаем работать с меньшей точностью, и здесь главными инструментами для определения положения блоков становятся палеомагнитные, палеоклиматические и, конечно, геологические данные. Временной интервал среза этих карт уже 20—25 миллионов лет, а масштаб карт будет примерно 1:15 000 000. Мы надеемся, что такой масштаб позволит показать мелкие детали поверхности — долины крупных рек, рифовые барьеры, многие другие особенности. Кроме того, рассматривается не только территория бывшего СССР, но и прилегающие к ней участки суши других стран и акваторий морей.

Корреспондент: — Материковые сооружения двигались разными маршрутами по поверхности Земли. А был ли постоянным баланс между океанической и материковой, континентальной корой?

Л. Натапов: — Континентальная кора в связи с движением плит наращивается по меньшей мере уже 1,7 миллиарда лет, с раннего рифея. Скорость увеличения ее мала, например, кора Сибирского континента увеличилась всего на первые доли процента. Таким образом, Земля имела в своем распоряжении строго отмеренное количество строительного материала.

Корреспондент: — Мы с вами залезли в глубь веков и в теоретические дебри. Я думаю, пора открыть вашу козырную карту...

Л. Натапов: — Вы имеете в виду прогноз полезных ископаемых? Это следующий этап нашей работы, который был бы невозможен, не проделай мы всей работы по атласу. Мы полагаем, что новая работа будет необычайно важна для тех, кто занимается прогнозированием, поиском и оценкой осадочных бассейнов, которые, кстати, служат местами скопления нефти, газа, горючих сланцев, угля, фосфоритов и т. д. Полезна она и для геологов, занимающихся рудными месторождениями, которые возникают в складчатых областях и вулканических поясах.

Корреспондент: — Другими словами, речь идет о составлении нового атласа — атласа месторождений?

Л. Натапов: — Да, это уже будет практическое применение наших исследований. Мы хотим при помощи тектоники плит показать закономерность размещения всего многообразия рудных и нерудных ископаемых. Понимаете, как бывает: не зная истинных причин, мы выстраиваем необычайно сложные модели. Например, месторождение медно-цинковых руд. Было много предположений об их генезисе. Между тем все оказалось в принципе чрезвычайно просто. В зоне формирования новой океанической коры, так называемой зоне спрединга, образуются трещины, и в них устремляется океаническая вода, нагревающаяся до огромных температур. Она выщелачивает рудное вещество, которое, поднимаясь к поверхности дна океана и образуя знаменитые черные курильщики, и формирует руду.

То, что сейчас составляется такой атлас, говорит о наступлении нового этапа в геологии. С одной стороны, в науке идет накопление фактов, с другой — совершенствование технических возможностей. Вся наша работа, кстати, делается с применением компьютеров. Геология из ряда описательных стала переходить в разряд наук, которые поддаются счету, мере числом. Мы все время рассматривали события на внешней оболочке планеты, но сейчас стало появляться все больше возможностей для того, чтобы заниматься более глубокими горизонтами земной коры и находить в них первичные процессы. Процессов, нашедших, в частности, отражение в нашем новом атласе. ●

Карты всякие важны, карты всякие нужны

При раскопках кургана близ Майкопа археологи нашли серебряную вазу, относящуюся к третьему тысячелетию до новой эры. На ней было выгравировано изображение животных, обитающих на берегах каких-то двух рек, впадающих в озеро. По сути дела это был план охотничьего угодья с населяющими его животными. И если когда-либо ученым удастся доказать, что ваза местного происхождения, то этот рисунок можно будет считать древнейшей в нашей стране картой, посвященной охоте.

В XVI столетии, в эпоху Великих географических открытий, среди мореплавателей, завоевателей, путешественников и купцов особым спросом стали пользоваться всевозможные карты, в том числе и появившиеся на Западе карты России. Уже на первых из них можно было увидеть богатый животный мир страны и различные сцены охоты. Так, по одной из самых ранних карт России, составленной ливонцем Антониом Видом около 1537 года, можно было определить, где идет охота с рогатиной на медведя или на зубра.

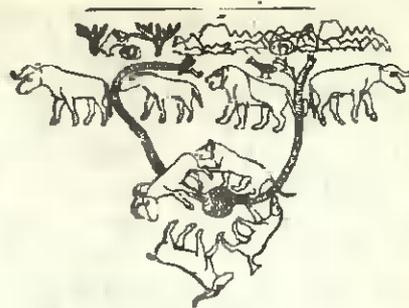
Богато представлен животный мир и охота на «Карте Северной Европы», созданной в 1539 году шведским картографом Олаусом Магнусом. На «Карте России», составленной немецким дипломатом и путешественником Сигизмундом Герберштейном в 1557 году, также встречаются изображения некоторых животных: зубра, тура, белки, волка и других.

На картах XVI века картографические рисунки еще

довольно примитивны, животные мало похожи на оригиналы, а иногда и вовсе фантастичны, ибо при изображении животных составители карт пользовались нередко рассказами путешественников, а те в свою очередь, бывало, слухами. Свидетельство тому — единорог, изображенный на «Карте берегов Белого моря и Ледовитого океана» голландца Л. Вагенара и обитающий будто бы на берегах Ледовитого океана.

Охота на Руси составляла одну из главных статей дохода князей, поскольку меха высоко ценились и были платежным средством, а для простого народа — большим подспорьем. Однако в XVII веке ценных зверей в европейской части России становится все меньше, и основная добыча мехов переносится в Сибирь. Располагая столь обширной территорией, русское государство начинает испытывать острую нужду в географических картах. Всем служилым людям, отправлявшимся за границу и на окраины России, предписывалось составлять чертежи открытых или посещаемых ими земель. В 1698 году москвич Семен Ремезов составил «Чертеж всей Сибири», а в 1701 году — первый русский атлас из двадцати трех карт «Чертежная книга... всей Сибири и городов и земель...». На некоторых из них были сведения и об охотничьем промысле. Уделено внимание животному миру и на картах «Атласа Российского», работа над которой продолжалась 19 лет, вплоть до 1745 года.

В XIX столетии географические карты в атласах стали

Картографический рисунок на вазе III тысячелетия до новой эры

сопровождать дополнительными рисунками. Так, в «Атласе к путешествиям вокруг света капитана Крузенштерна», изданном в 1813 году, помещено много гравюр, изображающих представителей разных народов, орудия производства, жилища, оружие и животный мир ряда стран. Есть такие рисунки и в атласе Федора Литке, посвященном его кругосветному плаванию в 1826—1829 годах.

Особенно широко изображалась фауна и ее промысел во многих учебных атласах. Первой такой картой с данными об охоте стала «Учебная карта Европейской России», вышедшая во второй половине XIX века. В 1903 году в Варшаве издается оригинальная и многоцветная «Наглядная карта Европейской России» М. И. Томасика, где с помощью оригинальных картинок показано, чем богата каждая губерния и каково основное занятие ее населения. Особенно это касается северных районов страны, где изображены и наиболее распространенные звери, сцены охоты, отмечены места пушного промысла. А в начале XX столетия сотрудники журнала «Охотничий вестник» составили «Наглядную карту распространения промысловых и охотничьих животных Европейской России» с изображением двадцати пяти видов птиц, шестнадцати зверей и четырнадцати видов рыб. Несколько позже появляются уже и карты отдельных охотничьих хозяйств.

Стремление составителей карт рисовать животных понятно — разве это не лучшее представление о звере

Фрагмент «Карты Северной Европы» Олауса Магнуса (1539 год)

или птице! А на наглядных картах, предназначенных для широких слоев населения, это был вообще единственный способ ознакомить его с представителями животного мира. Именно наглядные карты при всей их примитивности сыграли немалую роль в просвещении населения России. И лишь на более поздних картах, зачастую предназначенных для специалистов, мы встречаем изображение животного мира в виде условных знаков — геометрических фигур.

Е. СОЛДАТКИН,
кандидат технических наук

Фрагмент «Наглядной карты распространения промысловых и охотничьих животных Европейской России. (1906 или 1907 год)

ВРЕМЯ И МЫ

А. Буровский

Короткоживущие

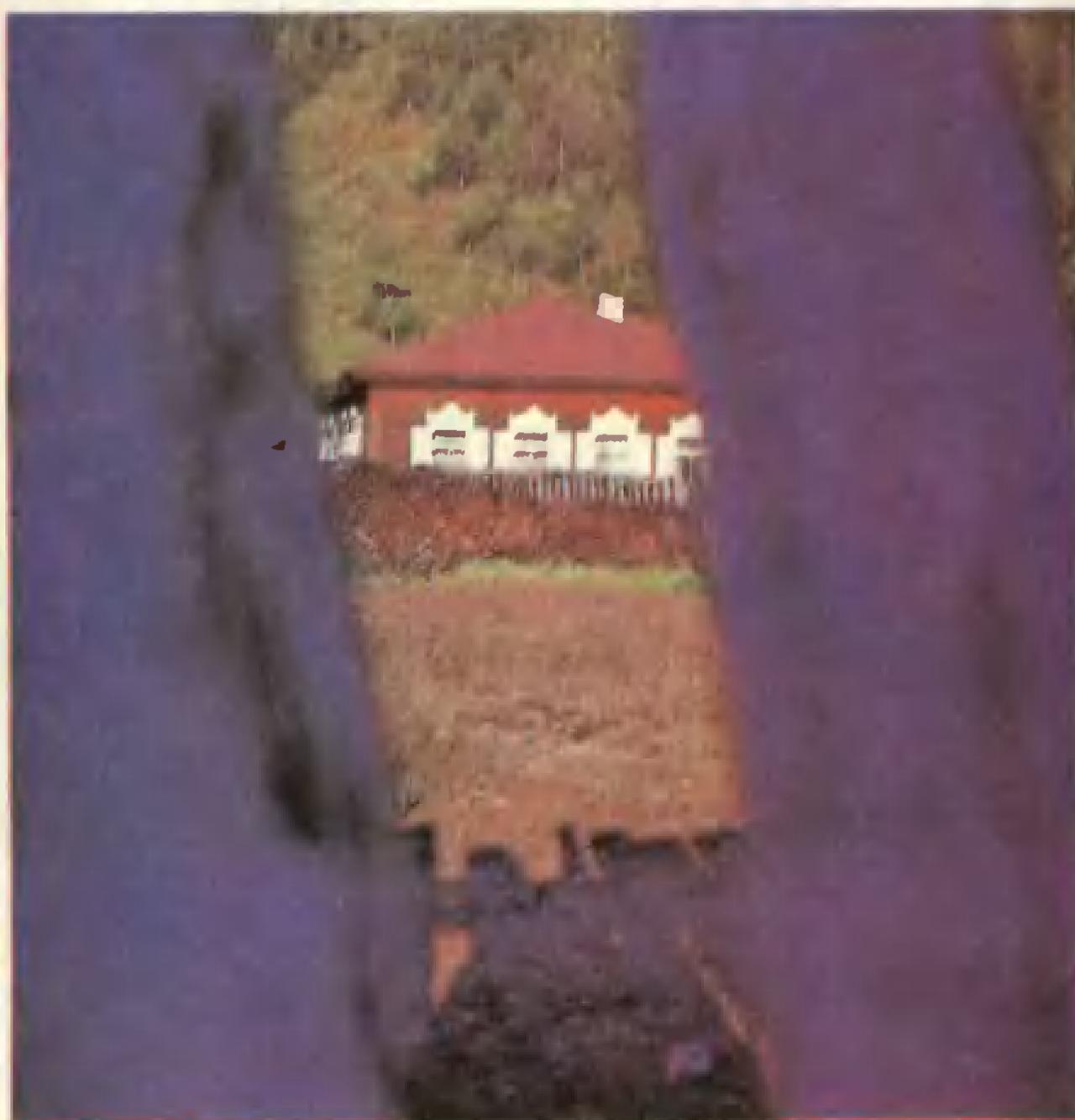

Фото В. Бреля

Члены высших каст даже внешне отличаются от членов низших: они выше, сильнее и явно здоровее. Ученые до сих пор спорят: как за такой короткий срок возникли столь отличные друг от друга группы людей?

Л. Алаев, профессор

В конце семидесятых годов власти СССР сделали закрытыми любые статистические данные о смертности населения страны. Тем самым практически «закрывалась» и наука демография, невозможная без анализа статистических данных. К счастью, демографом я не был и менять род занятий не пришлось. Но если что-то запрещают, возникает естественное желание знать, что именно за этим кроется (а если догадываешься, что кроются весьма неприятные для властей факты, тем более острое желание испытываешь). Да и есть ведь такая чисто бытовая категория, как интерес к окружающему, давно ставшая второй натурой привычка изучать, собирать данные, анализировать... Когда «бабка», продающая картошку (и по виду, и по поведению — дряхлая старуха), оказывается женщиной пятидесяти восьми лет, когда сверстник, мужик тридцати двух лет от роду, произносит: «Мы-то с тобой, борода (моя кличка у «местных»), люди уже немолодые», такие и множество подобных фактов нуждаются в оценке и анализе. К счастью, власти СССР не додумались запретить указывать на кладбищах даты жизни умерших людей. Не запретили также расспрашивать людей, выясняя сроки жизни и причины смертности их родственников, друзей, знакомых.

Первые исследования этого рода я произвел еще в 1986 году. Оказалось, что 136 жителей Большемуртинского района Красноярского края в среднем провели на этом свете 48 лет. Существуют математические методы обработки количественных данных, включающие определение ошибки, надежность полученных данных. Можно выявить и тип распределения количественных данных: образуют ли они один массив или существует несколько разных групп объектов с разными количественными характеристиками. Выяснилось, что доверять полученным данным вполне можно.

У сельских жителей существует два пика смертности: типична смертность в 30—35 лет (умирает около 40 процентов жителей), а начиная с 48—50 лет до 70 умирает еще примерно 35 процентов. Есть такой не слишком веселый термин — «мода смерти», под которым подразумевается среднее время смертности взрослых людей, тех, кто перевалил горнило детской смертности во младенчестве. Когда нам с умным видом сообщают, что средняя продолжительность жизни крестьянина в царской России составляла 28 лет, — это чистая правда. Но суть вовсе не в тяжелых условиях жизни эксплуатируемого населения, угнетаемого помещиками и капиталистами. Просто в понятие «средняя продолжительность жизни» входит время жизни всех родившихся, в частности тех двух третей родившихся, но не доживших до десяти лет детей, неизбежность смерти которых была запрограммирована крестьянской демографией (увы, антибиотиков не знали!). Но из этого не следует, что взрослое население жило в среднем по 28 лет. «Мода смерти», по косвенным данным, была не ниже 55—60 лет, а в Сибири, вероятно, даже выше.

Полученные мною данные, скажем очень мягко, производили сильное впечатление именно потому, что показывали «моду смерти» современного сельского населения. И еще потому, что и мои родственники, и родственники моих друзей и знакомых жили 60—80 лет. «Мода смерти» интеллигентного городского населения оказывалась в полтора раза выше, чем сельского. Разрыв устрашающе огромен, его невозможно объяснить ни меньшей продолжительностью жизни бедняков, ни «приварком», получаемым интеллектуалами.

Фантаст И. Ефремов на «Планете Торманс» обнаружил коротко- и долгоживущих. Мне не понадобится космический корабль. Но что же стоит за совместным проживанием в одно время и на одной территории групп, которые вслед за И. Ефремовым решусь назвать Долгоживущими (ДЖИ) и Короткоживущими (КЖИ)?

Ментальное

Характернейшая деталь современной сибирской деревни — некая не-

завершенность, словно бы промежуточное состояние всего, на что ни упадет взгляд. Даже в самой благополучной части самой благополучной деревни есть какой-то элемент беспорядка, развала, неустройства: то выбита доска из забора, то часть его завалилась, то свалка битого кирпича или ржавого железа. Даже начинается деревня со свалки, помойки, кладбища ржавой техники или уж, по крайней мере, с пустыря, убитого строительным мусором. Случайность? Но ведь население в любой момент может починить и покрасить заборы, вывезти мусор, договориться о порядке в населенном пункте и призвать к порядку нарушителей, буде они объявятся! Но таких действий коллективно никогда не совершают. А если кто-то чинит или красит забор, тут же находится таинственный кто-то, кто ломает и гадит, — пусть немного, пусть чуть-чуть, но так, чтобы элемент неустроенности, беспорядка, неуюта всегда находился в поле зрения. Деревня явно поддерживается именно в таком состоянии.

Так же выглядит и изрядный процент сельских жителей. Грязная одежда, оторванные пуговицы, невысморканные носы, небритые физиономии — это норма. «Старухи» (которым за пятьдесят) часто вообще не причесываются и ходят весь день в ночных рубахах, поверх которых натягивается «дневное».

То же самое — в организации жизни, даже в организации дела. Часты опоздания, срывы, внезапное изменение принятых решений, прогулы, потери от разгильдяйства и нерадения: гниет необранное сею, уходит под снег урожай, падеж скота превышает все мыслимые пределы.

То же и в отношении собственного здоровья, собственной безопасности. Выходить на работу с гриппом, с приступом холецистита, с сердечным приступом, с коликами в печени — обычное и даже вроде бы почтениое дело. Неуважение, осуждение общества вызывает скорее тот, кто затеял заботиться о собственном здоровье, соблюдать технику безопасности (скажем, надевать резиновые перчатки при работе с электропроводкой) или не совершает

бессмысленно рискованных поступков. Известно по меньшей мере восемь случаев смерти молодых мужчин с 1986 года по одной только причине — пьяным ехали на тракторе к приятелю или за новой порцией водки. Водят они мастерски, владеют любой техникой. Но вот один угодила с пьяных глаз в болото, другой улетел под откос, третий на участке, где вроде при всем желании пострадать невозможно, положил на бок трактор. В кабине было трое. Двоих придавило, а тут еще машина загорелась...

И эти поступки не вызывают осуждения, покручивания пальцем у виска, пожимания плечами. Более того, автор сих строк был сурово заклемен именно за то, что не сел за руль незнакомого транспорта (трактора «К-700», которым управлять учатся от двух до четырех месяцев), чтобы после вышивки уехать в соседнюю деревню добавлять. А отказ схать вместе с еще более нетрезвым человеком окончательно погубил мою репутацию. Такая элементарная осторожность — как бы нарушение сложившихся представлений и норм, образа жизни, который представляется естественным. «Правильный» человек — это человек неаккуратный, неосторожный и относящийся к себе без уважения и не строящий сколь-нибудь серьезных планов. Наконец, «правильный» человек не стремится ни к улучшению жизни, ни к достижению традиционных ценностей: долголетие, крепкая семья, много здоровых детей, разумное землепользование и т. д.

Получается, что хаос в современной деревне — это не что-то случайно возникшее, легко устранимое, а неотъемлемая часть мироощущения, важный элемент картины мира. Вселенная во всех ее проявлениях и во всех масштабах составляющих ее частей (Земля, деревня, производство, социум, сам человек) мыслится, как нечто полуразрушенное, несовершенное, не способное нормально функционировать. Таков идеальный образ, в соответствии с которым приводится действительность. И если возведение целого дома с необшарпанными стенами, появление группы лиц, способной планировать на год вперед (и реализовать планы!), или полноценный,

стремящийся к самореализации и способный ее достичь человек возникает в зоне досягаемости носителей «культуры хаоса», сельское население воспроизводит «нормальное» состояние объектов, то есть полуразрушенное и запустелое.

Само по себе постоянное приведение реального мира в соответствие с идеальными представлениями, задаваемыми культурой, — естественное состояние функционирующего общества. Обитающие в Сибири немцы построят кирпичные дома, замостят улицы и будут варить шванцензуппе. Украинцы поставят белые хаты с глиняными горшками на тынах и сварят, скорее, галушки. Русские будут жить в срубах, есть щи и разведут скорее подсолнечник, чем мальвы. Все это — способы устройства земли и образы жизни на ней, которые различаются потому, что различаются культуры. Но в каждой культуре картина мира включает осмысленно устроенную Вселенную, продуцирующую землю, удобное жилище и здорового, долговечного человека. В соответствии с нормами любой этнической культуры падаль следует закапывать вдали от жилья, помойка не должна становиться «визитной карточкой» населенного пункта, а человеку надлежит быть хорошо, хотя и по-разному, одетым, вежливым, работающим и, наконец, физически и душевно здоровым.

Боюсь, что даже мое определение культуры современного сельского населения как «культуры хаоса» не совсем верно. В культуре может различаться «космос», то есть упорядоченное состояние Вселенной, и «хаос», то есть неструктурированное состояние мира, там, где нет культуры или куда она не дошла. Здесь же речь идет о культуре, в соответствии с которой действительность должна быть устроена неудобно и нелепо, земле надлежит быть неухоженной, деревне — обладать неуловимыми чертами сходства с помойкой, человеческий труд должен быть малоэффективным и опасным, а сам человек — неухоженным, грязным, небритым, больным, наконец.

Такое мировидение не только естественным образом приводит человека к нездоровью, неблагополучию и ранней смертности как нормативным

состояниям, оно лишает человека установки на достижение огромного числа самых разнородных ценностей — как «высоких», идеальных (справедливость, честь, защита Отечества, познание, достижение мистически понимаемой благодати и т. д.), так и чисто бытовых (ведение хозяйства, рождение детей, организация крепкой семьи, социальная гармония и т. д.).

Культурное

Крестьянский космос задавал индивиду картину мира, полную смысла. Обличение атеизма в наши дни становится уже общим местом, но осмелюсь все же еще раз констатировать факт. Мир для традиционного крестьянина был полон высшего, сакрального смысла. Взаимосвязь полных значения и внутренней осмысленности, самоценных и одновременно ценных связей явлений мыслилась как божественная гармония. И поддержание этой гармонии было важнейшей частью деятельности человека. Система «высоких» ценностей была недостижима для больного, хилого, безответственного человека. Впрочем, как и бытовых, — по данным исследователей прошлого века, около четырех процентов крестьян не могли нормально включиться в производство, иметь свои хозяйства и завести семьи по слабости здоровья. Достижение простейших ценностей было неотъемлемо связано с определенной выносливостью, здоровьем, умением. Плач классика о «иссжатой полоске»... Что здесь важнее — трагедия крестьянина, не способного, как оказалось, упорядочить свою землю? Невозможность выполнить долг перед семьей? Нарушение высших, несуждаемых законов жизни, согласно которым крестьянин должен непременно сжать урожай (поскольку «знал, для чего и пахал он, и сеял»)? Экономическая несостоятельность? Наверное, все вместе.

В том, чтобы родиться, вырасти, обзавестись семьей, возделывать землю, даже в том, чтобы умереть (в преклонном возрасте, в окружении внуков и правнуков) был несомненный и мало кем не воспринимаемый смысл. Как смысл «высокий», лежащий в пласте умозрительных духовных представлений, так и целое поле

простых, бытовых смыслов, самоценных и самодостаточных. И импульс к достижению традиционных ценностей был внутренним, личностным импульсом, не инспирированным извне, хотя и поддерживаемым силою авторитетов.

Утрата таких ценностей лишает осмысленности самую жизнь, даже в чисто биологическом аспекте, не в меньшей степени, чем существование в полуразрушенном, искаженном мире провоцирует саморазрушение и влияет на устойчивость в беде, болезни или трудностях. Жить нечем и незачем. Да еще и самостоятельность утрачена. Давно ли сельских жителей заставляли пахать и сеять в сроки, определяемые городскими «толкачами»? Давно ли простейшие решения зависели только от начальства? Давно ли власть за сельского жителя решала, сколько и какого инвентаря ему иметь (о Господи, запрещалось ведь использовать серпы для кошения сена для «частной» коровы! Где еще можно найти не только подобное издевательство, но и больший уровень регламентации труда и быта!) и даже где он имеет право жить! Давно ли сельские жители покупали яйца и молоко, чтобы сдать властям положенный им налог? Нет, милостивые государи, еще в пятидесятые годы жители юга Красноярского края не имели паспортов, вырубали сады, чтобы не платить налог, и покупали даже ту продукцию, которую выращивали. Наконец, именно в 1954—1958 годах вопреки всему опыту крестьянства, вопреки здравому смыслу были распаханы плодороднейшие хакасские степи (поднимали целину!), и тем самым на протяжении буквально четырех-пяти лет убили целую экологическую систему, превратили кормившую поколения землю в бэдленд, в пустошь, где и овцы не находят корма.

Да-да, начиная с конца шестидесятых, власть все больше оставляла людей в покое, предоставляла им все больше прав, все меньше решала за непосредственных работников. Но, во-первых, все-таки решала очень многое. Героическое покорение Ени-

сея в 1966 году — строительство убившей плодороднейшие пойменные земли Красноярской ГЭС, дальнейшее убийство земли Саяно-Шушенской ГЭС в 1980 году происходили без учета воли людей. Более того, высказывать свою волю им категорически воспрещалось. Так что с прекращением худших форм крепостничества отнюдь не стал сельский житель правомочным распорядителем своей земли. В результате к восьмидесятым годам, — когда уже не мешали иметь личный скот практически в любом количестве, когда всемирно-лучше позволили «почти частное» хозяйство и уже никто не стал бы мешать благоустройству деревень, разведению садов или вынесению помоек за околицу, — было поздно. «Если десять раз в году и так десять лет говорить: «исполню», «ие мое дело», пожнешь психологию». Это слова В. Солоухина. Пожали. К восьмидесятым годам большинство уже не хотело реализовывать предоставленные права и возможности. Кое-кто захотел жить богаче, даже готов был приложить личные усилия, но мало кто захотел жить осмысленнее. Культура изменилась. Система ценностей утратилась. Живи в Сибири на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов старое патриархальное крестьянство — и облик деревень и самих людей изменился бы. Но в том-то и дело, что короткоживущие — это вовсе никакие не крестьяне.

Историческое

Писатели-деревенщики пытаются отыскать в деревенском жителе некий идеал человека. Деревня представляется им единственным местом, где сохранилась традиционная российская культура. Чистый сердцем селянин противопоставляется развращенному и безответственному горожанину в таких формах, что, читая В. Белова, начинаешь ощущать себя носителем некоего космического, прямо-таки inferнального зла. Правда, этого идеального селянина приходится искать или в историческом прошлом (при этом безмерно идеализируя это прошлое), по крайней мере до эпохи «сплошной коллективизации», или апеллировать к тем остаткам традиционного крестьянского миропонимания, которое успели застать

в детстве. Или вводить в повествование неких мудрых старцев, хранителей искомой душевной целостности. Ведь слишком очевидно, что в настоящем этого как-то нет. Великолепы старики В. Астафьева, мастерски противопоставлены они люмпенизированным горожанам. Так же, как в «Прощании с Матерой» В. Распутина противопоставлены старуха «из крестьян» и молодой, агрессивный «прогрессенмахер». Но случайно ли эти хранители традиционного мировоззрения стары?

Давайте уж присмотримся еще раз к быту современной сибирской деревни. Разве ее экономика — это самодостаточная, самообеспечивающая экономика старой деревни? Да она ведь невозможна без мощной современной индустрии и составляет часть современной инфраструктуры. Стоило «суверенной» Хакасии прервать связи с Красноярским заводом комбикормов — и падеж овец превысил все допустимые границы.

Материальная культура? Но разве в деревне пользуются продукцией местных промыслов, изделиями сельских ремесленников? Да нет же, в быту есть только вещи фабрично-заводского производства — от кастрюль до тракторов. И одеваются в покупное, готовое платье. Поют вовсе не фольклорные песни, а «революционные», военные или то, что услышали по радио, по телевизору. «Панков», «хиппи» и т. д., во всяком случае, молодых людей, объявляющих себя таковыми, в деревнях вряд ли меньше, чем в городе. А новый диск Пугачевой или Леонтьева слушается и начинает «петься» сразу же. Молодежь фольклора и не помнит, а для стариков это нечто полузабытое, да еще и символ отсталости.

Обычай? Традиции? Блюдется в лучшем случае форма и в масштабах не больших, чем у городского населения. Смысл обычая утерян. Празднование, если и не сводится к пьянке на сто процентов, то, во всяком случае, «употребление» — важнейший этап праздника, его главная соль.

Историческая память? Вам расскажут о «золоте Колчака» и покажут «точное место», где спрятан клад. Расскажут о «бандитах» тридцатых годов, легенду об «ушельцах», расстворившихся в тайге, не пожелавших

принять коллективизацию. О войне, о событиях сороковых — пятидесятых — шестидесятых расскажут много и охотно. Но о том, что было, скажем, в 1908 или в 1870, не помнят. Иногда расскажут глубокие старики, но расскажут то, что помнят сами. Соборная же память социума короткоживущих коротка и начинается даже не с гражданской войны, а, пожалуй, с коллективизации. И это глубоко симптоматично — ведь всякая совокупность людей «помнит» происходившее именно с ней. Крестьянство помнило даже и Грозного-царя, и разинщину потому, что в шестнадцатом и семнадцатом веках русское крестьянство уже было. А история короткоживущих начинается только при советской власти. То есть предки КЖИ были и при Иване Грозном, но были в биологическом, а не в социокультурном смысле. И даже этого факта довольно для обоснования главного тезиса: КЖИ — это вовсе не крестьянство. Какая-то генетическая преемственность, конечно, есть, но слабенькая, не сильнее связи московской образованщины и служилого российского дворянства. Или Красной Армии с армией царской России. Вроде бы что-то похожее, но только лишь внешне похожее и не более.

Разумеется, КЖИ происходят из патриархального крестьянства. Но только в том же смысле, в котором «из крестьян» в конечном счете все классы и современного, и аграрного общества (предки Рюрика ведь тоже пахали землю, и династия, правившая Русью, а затем Россией — тоже крестьянского происхождения, как ни крути). Скажу даже более жестко: все население любой современной индустриальной державы, если и не в третьем-четвертом, то уж, по крайней мере, в седьмом-восьмом поколениях на восемьдесят процентов крестьянского происхождения. Модернизация сжирает крестьянство, и это — одна из драм истории, плата, вносимая за возможность дальнейшего развития. И везде исчезновение крестьянства воспринималось именно как драма. Экономисту Артуру Юнгу еще в конце восемнадцатого столетия было «жалко тех людей, которые звались английскими йоменри». Было жаль, ибо с ними

вместе исчез, превратился в сказку целый мир патриархальной, уютной Англии — Столетней войны, Алой и Белой розы, первого парламента, меловых холмов и вересковых пустошей... В этом ист никакой британской специфики, и та же самая драма уже начала разыгрываться в России. Столыпинская реформа стала ее первым актом. И не грянь Октябрьская революция, мы сейчас точно так же скорбели бы об исчезновении людей, которые звались российскими крестьянами. Ибо с ними ушел бы мир Отечественной войны 1812 года, мир «дрожащих огней печальных деревень», трактиров и мирских сходов и сопряженный с ними мир «дворянских гнезд» и интеллигентского «жаления мужика». Ужас в том способе, которым исчезло крестьянство в России. Не растворилось в индустриальной, городской жизни, не дифференцировалось, утратив прежнее голодиоватое единство. Драма истории переросла в трагедию судьбы одного из сословий в эпоху тоталитаризма. Часть истреблена, часть согнана с земли, часть превращена в крепостных двадцатого столетия, обреченных адским трудом оплачивать измышления власти.

Все это так. И если моя готовность подтвердить, подписаться, проклясть и т. д. нужна, я готов подтвердить еще раз, что именно партия, идеология, мировой коммунизм, КПСС, большевики, партократы, именно они виноваты в чудовищной по масштабу трагедии самого крупного сословия России. Да, согласен, попытка выстроить искусственное общество на месте исторической России прервала естественный ход истории, нанесла огромный ущерб всем современникам и участникам событий и их потомкам. Но, во-первых, продолжайся естественный ход исторического процесса — и сейчас мы жалели бы о людях, которые назывались русскими крестьянами. Во-вторых, КЖИ — тем более никакие не крестьяне.

По какому принципу отбирались в жизнь сельские жители 1929—1953 годов? По принципу незаметности, отсутствия яркой индивидуальности, способности мириться с про-

изволом, насилием и несправедливостью. Оставались те, кто в мире свободного крестьянства не выдвинулся, не накопил богатства, а в «прекрасном новом мире» не смог выдвинуться, сделать карьеру, обратить на себя внимание. Тот, кто оказался способен выполнять самые идиотские приказы властей, пахать и сеять, когда велено, убирать урожай в указанные начальством сроки, не высываться, знать свой шесток, не разевать рот на чужой каравай... По возможности вообще ни к чему не стремиться и ничего не хотеть. Я не морализирую, я только констатирую факт.

Кто оставался в деревне в конце пятидесятых — в шестидесятые, когда стали давать паспорта и стало можно уйти прочь от постылой колхозной жизни? А тот, кто сроднился с ней и вовсе не считал постылой. Кто и не хотел большего. Ослаб прессинг власти — и слава Богу! Стало можно существовать, «было что выпить-закусить», бесправие в самых жутких формах исчезло, стало можно купить магнитофон или телевизор, а особенных желаний и нет, и ничто за горизонт не манит. Тем паче — уход: все же риск, перемены, усилия; и неизвестно, как и что будет.

Тем более, что уходящий в город мог получить работу, требовавшую квалификации. То есть мог, но ценой новых усилий, еще больших, чем стоил сам факт ухода. Абсолютное большинство получало работу, не требующую особой квалификации, — на «стройках века» (это целая социальная группа — вечные «постройщики», переезжающие на новую стройку, едва прежняя закончена), на огромных заводах типа Красноярского алюминиевого или Красноярского завода тяжелого машиностроения. Получало работу и оставалось в том же сословии КЖИ. В поселке Индустриальный, в городской черте Красноярска, средняя продолжительность жизни мужского населения — 49 лет. Эта цифра выплыла вдруг на страницы прессы в «раннюю перестройку» и исчезла. Может, опять стала «закрытой»? Живут там в основном работники алюминиевого завода. Зарботки у них высоки («интеллигенция» постоянно завидует), но не жильцы почему-то, не жильцы... И таких Ин-

дустриальных — множество, тьма-тьмушая. Даже внешне народ в Индустриальных отличается от жителей центра города или Академгородка. Во-первых, мелкие, с землистыми лицами, внешне некрасивые, с большими разбитыми работой руками. Во-вторых, глаза пустые, погасшие, нет высоких, крепких стариков, мало людей с тонкими чертами лица. Трудно объяснить, почему, трудно дать исчерпывающее объяснение, но КЖИ всегда видны очень четко. Затеряться среди них представителю другой группы нелегко.

И вот что интересно. В том же Академгородке, в «закрытых» поселках при всякого рода управленческих или научных учреждениях, в «геологии», например, всегда есть люди, которые числятся вроде бы на таких же должностях — электрики, саитехики, шоферы и т. д. Анодчик на алюминиевом заводе может иметь более высокий разряд, чем шофер, работающий на телецентре. Но второй, официально имея более низкий общественный статус и зарплату вдвое ниже, во-первых, работает несравненно менее интенсивно. От анодчика требуется количество, и за зарплату он платит здоровьем. А от шофера в телецентре — квалификация. Никому не нужно, чтобы он «накрутил» вдвое больше километров. Но нужно, чтобы он аккуратно и в срок привел автомобиль с операторами и очень тяжелой, но хрупкой аппаратурой. Это нужный и полезный специалист. Он общается с людьми более культурными, и если они его просят, в их голосах проскальзывают соответствующие нотки. Он соприкасается с миром каких-то высших смыслов, напрочь утраченных в мире КЖИ, и у него может возникать ощущение, что его ценят по заслугам. Вся атмосфера его жизни совершенно другая.

Существование такой группы, представители которой вышли из той же самой колхозной деревни и в те же сроки, что и КЖИ, — убедительное свидетельство того, что вовсе не сумма ежемесячного дохода, не характер труда беспощадно развели людей на короткоживущих и долгоживущих. По моим наблюдениям, факторов здесь два, по крайней мере основных.

Во-первых, официально признан-

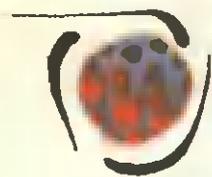
ная квалификация. Вернее, получение места, где квалификация востребована. Формально у шофера «газика» с телецентра та же квалификация, что и у водителя «Белаз», возящего гравий (у второго — даже выше). Но фактически именно его квалификация оказывается реально востребованной. А если квалификация востребуется официально, то изменяются и условия труда, и уровень медицинского обслуживания, и уровень социальной защищенности, и качество жизни в целом.

Во-вторых, огромным по значимости фактором было наличие в жизни каких-то смыслов — и высших, и чисто бытовых. Мало того, что интеллектуальная деятельность сама по себе задает такие смыслы (как и обслуживание интеллектуальной деятельности). Человек с официально признанной квалификацией не был вынужден выкладываться так, что думать, читать и чувствовать сил и времени уже не оставалось (КЖИ, как правило, жил именно в таком режиме).

Заключение

Хорошо верить в хорошее. Я не верю. Уж если назвался ученым, приходится и быть им. Сословие КЖИ постепенно исчезает. Это будет отнюдь не так драматично, как исчезновение крестьянства, но совсем не менее долго и трудно. Пройдут поколения. Тем более что КЖИ стихийно сопротивляются любым попыткам включить их в нормальную жизнь. Поколения. Хорошо, если не века. ●

**ВСЕГО
НЕСКОЛЬКО
СТРОК**

Три космических корабля удаляются от Земли с разными миссиями: «Улисс» — европейский зонд — движется к Солнцу, чтобы исследовать его полюса, «Марс-обсервер» движется к Марсу для изучения климата и геологии планеты, «Галилей» летит к Юпитеру. Есть планы координировать измерения трех зондов и с их помощью искать следы гравитационных волн («*Нью Сайентист*», № 1867, 1993 год).

Большинство индийских ученых считают, что основа для продвижения по службе — «блат», но уж никак не талант и качество работы («*Нейчур*», № 362, 1993 год).

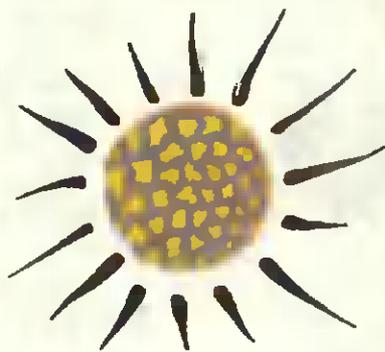

Исследования некоторых насекомых показывают, что не всегда смертность увеличивается с возрастом. Возможно, это касается и людей? («*Сайенс*», № 258, 1993 год).

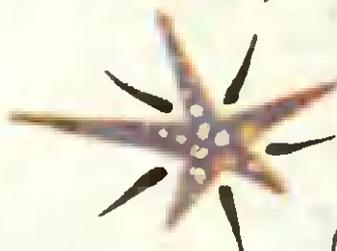
По данным мировой организации здравоохранения, самой бурно растущей областью индустрии в восьмидесятые годы было производство кокаина («*Нью Сайентист*», № 1868, 1993 год).

Обычно общее потепление климата связывают с угрозой таяния льдов Антарктиды и всемирным потопом как следствием, но расчеты по-

казывают, что может произойти обратное, — в более теплом климате антарктические льды могут начать расти... Да, погода — дело тонкое... («*Нейчур*», № 360, 1993 год).

Не так давно число голубых китов в южных морях исчислялось сотнями тысяч,

теперь их всего пять с половиной тысяч («*Сайенс*», № 287, 1993 год).

Знаете ли вы, что первый факс был запатентован 27 мая 1843 года, за тридцать лет до изобретения телефона? («*Нью Сайентист*», № 4860, 1993 год).

В Германии обсуждается новый закон, запрещающий любые эксперименты на животных. Биологи, медики и физиологи считают, что этот закон полностью блокирует развитие их наук. Так на каких весах взвесить гуманность? («*Нью Сайентист*», № 1869, 1993 год).

ДНК — переносчик генетической информации — подвержена химическим реакциям гидролиза, окисления и прочему. Возможно, распад ДНК — это определяющий фактор старения, канцерогенеза и мутаций («*Нейчур*», № 361, 1993 год).

Более всего загрязняют Антарктиду туристы и ученые, исследующие проблемы, связанные с загрязнением Антарктиды («*Нью Сайентист*», № 1846, 1993 год).

Астероид Веста — источник нескольких базальтовых метеоритов, упавших на Землю («*Сайенс*», № 260, 1993 год).

Японская промышленность переживает самый глубокий кризис за десятилетия. Как это ни странно, но японское правительство собирается не экономить на науке, а удвоить ассигнования на нее. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло («*Нейчур*», № 359, 1993 год).

Фундаментальный лексикон

Н

«Налево» — незаконное, подпольное деяние. Правое-левое — очень древняя оппозиция, время от времени обостряющаяся в российском сознании, например, «Наше дело правое, мы победим» — лозунг времен войны.

«Правота» не всегда ценилась в российской ментальности, ибо «правда», как правило, на стороне тех, кто сильнее, ловчей и безжалостней. Поэтому фольклорное сознание не всегда считает правую сторону выигрывающей: чудесный мастер-левша символизирует в сказе Лескова торжествующую силу русской сметки. В мифологической картине мира «левое» связано с низом, а «правое» — с верхом (путь на небо, в том числе и во власть, лежал по правой дороге). Так примерно и обстоит дело с поиятием «налево» в современном российском обществе. Если по закону, то надо либо принадлежать к власти, либо смириться с тем, что ничего сделать не возможно. Если незаконно, то все можно. Зато очень рискованно. «Налево» — это всегда подпольно (низ). От «налево» произошли такие понятия, как «левый рейс», «левые поставкн» и даже «левая работа».

Чем длиннее, неудобней и недоступней становилась в экономическом пространстве «правая» цепочка, тем больше разрасталась и развивалась «левая». Левому вообще присуще большее своеобразие и пластичность, чем нормативному правому. Оно не насильственно, но взаимовыгодно. «Левые пути» — непрямы, извилисты, но мирны.

* Продолженне. Начало — в №№ 1, 2 за этот год.

Начальник — семантически и этимологически связано с «начало», свидетельствует, что в российской модели начавшему (отцу) принадлежит приоритет, сходный с первородством. Главный есть тот, кто начал.

Семантически одиотипно слово «зачинщик». Начальник — в сущности тот же зачинщик, только начавший гораздо раньше и уже получивший власть. Зачинщик — это, так сказать, недоначальник. Вот почему он должен быть уничтожен. Без зачинщиков, считает начальник, ничего дурного не произошло бы. Начальники (власть) склонны считать, что масса сама по себе слепа, потому карать надо лишь некий центр кристаллизации непослушания или бунта. Через головы толпы начальники тянутся к зачинщикам, видя в них и конкурентов, и родственную душу.

В советское время в лагерях слово «начальник» стало повсеместным обращением заключенного к охране, персоналу, следователю, официальным властям. «Гражданин начальник» — это и офицер КГБ, и врач в лагерном лазарете, и рядовой охранник.

Очередь — одна из неперемных составляющих социалистической экономики и социалистического образа жизни. Способ многочасовым стоянием друг другу в затылок зарабатывать «кусок» из рук тоталитарной системы.

Очередь — не только порождение дефицита, но и инструмент репрессии и унижения человека. Она не оставляет права на свободный выбор. Человек, вставший в очередь, превращается в среднестатистическую «душу населения». Как считаемые десятками узники лагерей, как стада скота на бойне, люди очередью превращаются то ли в органическое мертвое, то ли в количественное живое.

Нам, советским россиянам, такое явление живого-мертвого отлично известно. Видимо, мы и открыли его в литературе и в жизни. Как герои Кафки, так и русские — крепостные, солдаты, чиновники, заключенные, ученики, — отлично знали процесс превращения жизни в живую нежизнь и нежить. Очередь годами мучает и унижает человека, несмотря на привычку к ней. Она сохраняет за живым способность страдать, но отнимает возможность торжествовать над своим страданием.

Очередь можно назвать ретранслятором персональности. Каждый в очереди чувствует себя одиноким, однако очередь, по какому-то гегелевскому парадоксу, ощущает себя сплоченным коллективом-организмом, усредняющим каждого своего члена. Очередь и «права качает», как истерический коллектив, и точно так же, по-коллективному, истерично закрывает глаза на чудеса и гадости, происходящие с ней. К этим чудесам и гадостям принадлежат три великих парадокса очереди, которые мы сейчас и сформируем.

1. Являясь пространственной разверткой идеи линейного времени, очередь дозирует время и связанное с ним волнение отнюдь не линейно.

Вставая в колоссальный хвост, человек не переживает, не волнуется, он ведь в случае чего может плюнуть и уйти. Не то человек, отстоявший половину. Ему жаль потерянного времени. Но ко всему тому он еще и вовлекается в особый мир очереди, начинает жить ею. И тем больше, чем ближе он к вожделенной цели. Максимум вовлеченности наступает при пике напряженности, уже в момент достижения. Чем ближе вы к цели, тем больше очередь начинает напоминать что-то апокалиптическое: чем ближе к концу, тем больше кьеркегоровский «страх и трепет», свидетельствующий, что сроки близки, конец при дверях и секира уже лежит при корнях дерева. Идя причаститься

Продукту или Услуге, человек актуализирует старый архетип влечения и страха, надежды и боязни.

В знаковом поле какой-то вывернутой наизнанку символики многочасовая очередь за продуктом — подобие православной службы (в России ее выстаивают на ногах), а получение продукта, вожделенная покупка — причастие в конце мессы.

2. Очередь — наша отечественная школа неравенства: простые смертные стоят, более сильные и нахальные «лезут без очереди», избранные проходят через другую дверь. (Вспомните заповедь «Зверофермы» Оруэлла: «Все звери равны. Но некоторые более равны...»)

Очередь — простая, универсальная и эффективная форма подчинения: подавления человека коллективом, а воли коллектива — человеком. Правда, для этого он должен быть «более равен».

3. Последний парадокс: горизонтальная плоскость очереди на самом деле вертикальна. Даже если ее «голова» уходит в подвал, где «дают» капусту, она ведет в небо. Небо — с древности распределитель благ. Отмучившись в очереди, получив вожделенный продукт, мы на самом деле понстине получали священный предмет, дававший, пусть ненадолго, чувство причастности к чуду. Нет сомнений: не товар, а кусок власти покупали мы. Мы охотились в священных рощах на волшебную или запретную дичь, когда приезжали в Москву издалека за сапогами, водкой или колбасой.

Очередь при социализме всегда была идеальным решением проблемы свободного времени. На одной работе мы работали, на другой получали за свои деньги продукты. Очередь и была этой второй работой. Эксплуатируя наши нужды и естественные инстинкты охотника-добытчика, очередь разобщиала близких, отрицательно влияла на семейные отношения. Мы никогда не думали, на что потратить свой кусочек свободы, — выбора у нас не было. Хочешь жить — стой. Стоя в очередях каждый божий день, мы были манифестацией и прокламацией стойкости, презрения к трудностям и удобствам.

Показуха — умение произвести обманчивое внешнее впечатление, быющее на эффект; способ маскировки подлинного положения дел.

Известная «двухкамерность» (двосмыслие) российско-го менталитета порождает сильный зазор между внутренней сутью вещей и внешним, поверхностным проявлением.

Оппозиция — «внешнее — внутреннее» — всегда понималась в России иначе, чем на Западе. Российская цивилизация склонна понимать внешнее как иллюзию, которую можно создать или не создать, совершенно независимо от того, что же именно под нею скрывается.

В этом феномене российского мышления можно отыскать и корни утопического мышления, так ярко расцветшего при коммунизме в виде фразеологии, наигранной бодрости трудовых рапортов, скрываний истинных размеров бедствий и т. п., и истоки ошарашивающих по абсурдности выдвинутых (и признанных) обвинений сталинских судебных процессов, где результат был предопределен и известен заранее, а внутренняя подтасовка скрыта от посторонних глаз.

На демонстрацию своих достижений, например, уместно затратить громадные средства, но практически ничто из представленного не будет соответствовать истинному положению вещей. Может быть, тут наблюдается и собственная страсть россиян принимать желаемое за действительное? (Известно происшествие

с Екатериной II, которая во время инспекционной поездки по голодающим губерниям была введена в заблуждение красивой панорамой хлебных стогов, нарисованных на больших щитах и разбросанных по полям догадливым губернатором.)

Аналогичные эффекты производились во всех областях, требующих подотчетности или внешнего контроля. Практически ни одному официальному документу старой и новой (советской) России нельзя поэтому слепо доверять.

Прописка — штамп в паспорте, удостоверяющий место жительства гражданина.

Российская цивилизация вся держится на авторитете некоего Писания. Не обязательно Библии, но и распоряжения, картотеки, правил, штампа, справки... «Бумажка» здесь — предмет слепой веры, какую вдалбливают насильем. Верю потому, что абсурдно. Прописан потому, что нелепо.

Прописка имеет корни, уходящие в далекое прошлое. С одной стороны, известны подушные списки, какие составляли татаро-монголы для исчисления дани и строгого закрепления «тягловой души» на земле. Это так называемая китайская система. С другой стороны, российский крепостной строй не давал крестьянам права перехода от господина к господину. Прибавим сюда страсть к рационализации и казарменной регламентации, заимствованную из европейского утопизма и коммунизма, и мы получим институт прописки во всей его социалистической полноте.

Прописка — не только ущемление права на передвижение, она удостоверяет, что человек признается принадлежащим к миру реальному, так же как паспорт удостоверяет принадлежность человека к миру живущих. Беспаспортный человек не принадлежит ему, как бы и не существует.

Паспорт — основной документ советского гражданина, ставший по какому-то культурологическому парадоксу из свидетельства перемещения (Passe-port) доказательством насильственной оседлости. В паспорте отмечается, кроме фамилии, имени, отчества, года, места рождения и национальности гражданина, еще и кем (какой организацией ведомства внутренних дел) и когда выдан паспорт, а также отмечается адрес, по которому паспорт прописан; в тот же паспорт вписываются родившиеся дети, отмечаются специальным штампом браки и разводы, а до недавнего времени существовала отметка о месте работы. Не менее важной является отметка о воинской обязанности. Отметок о судимости не имеется, но по существовавшей практике документ, на основании которого выдавался или прописывался паспорт, мгновенно сигнализировал о предыдущем статусе гражданина СССР.

Специальные отметки в паспортах лишали граждан СССР, в прошлом привлеченных к уголовной ответственности, права проживания в европейской части страны. Так внутри Советской империи появились традиционные для нее зоны запрета проживания, черты оседлости и т. п.

Маниакальное желание контролировать своих граждан, в частности снизить степень миграции населения жесткими средствами, сигнализирует, с одной стороны, об осознании страной своей полукочевой сущности, а с другой — о подсознательно преследующем ее убеждении: территория столь неравноценна, что следовало бы сделать неравноценными граждан. Так и было сделано в годы, когда то же государство, декларируя «стирание граней между городом и деревней», отказывалось выдавать паспорта колхозникам, дабы те не могли переехать в города.

Советская власть крепостнической пропиской насильственно

прикрепила граждан к месту жительства, а сама поезживала, собирая дань, и тасовала своих кочующих из региона в регион, из ведомства в ведомство чиновников. Вчера он был первым секретарем где-нибудь на Дальнем Востоке, сегодня заведует сталелитейной промышленностью на юге, завтра его «перекинут» в Госплан, послезавтра в составе комиссии ЦК он может появиться где угодно.

Да, власть у нас кочевая, а народ все-таки оседлый.

Если б было наоборот, мы спокойно ушли бы от нее. Откочевали бы: пускай себе без нас постоит!

На протяжении всей русской истории народ, конечно, пытался делать это. Бежали, привлеченные огромностью свободных территорий. Бежали от господ, от государственного православия, от давления идеологии... Но бежали с мыслью осесть. Сесть на землю и уже никогда больше не кочевать. Бежали за оседлостью.

Теперь периоду расширения России настал конец. Этот этап пройден. Вроде бы настает время жить оседло. Но насильственная оседлость с паспортом, пропиской и прочими реликтами полуфеодального строя не располагает к подлинной оседлости, мысль о переселении и бегстве, поиске готовой лучшей доли превалирует у нас над желанием закрепиться и обустроиться — обеспечить себе уют и максимально возможные удобства, законную награду оседлого жителя.

Нет сомнения: коммунистическая эра для России была эрой утраты постоянных связей с почвой и навыком активной любви к ней. Свой народ понимался как чужой, завоеванный. Не мечом, так новым учением, «единственно прогрессивным и верным». Своя страна — как сумма ресурсов, доставшихся новым хозяевам земли. Каждый человек — как винтик государственной машины.

Что же досталось нам от отцов-собирателей и отцов-завоевателей России? Вместе с огромной страной, чувством разрозненной множественности еще и неистребимое ощущение, что мы не живем здесь, а лишь пребываем...

Путь-дорога — это проселок, тропа в лесу или городской асфальт.

Величина российских пространств с необходимостью породила скитальческий менталитет народа и хронически отвратительное качество дорог и вообще средств передвижения.

Дороги в России не прямы. Мы вынуждены месить грязь, петлять, перепрыгивать через непроходимые лужи, идти в обход и по кривой — словом, хитрить, придумывать массу «микросценариев» для какого-нибудь простенького передвижения, совсем как в нашей обыденной жизни. Ноги — наша единственная связь с почвой, землей (недаром говорят «стоять на своих ногах», подразумевая реализм, независимость и практичность, «твердая почва под ногами» и т. д.) и значит, все, что мы делаем ногами, как-то соотносится с нашей практикой. А практика, заученно повторяясь веками, ритуализуясь от повторов, убеждает нас в своей неизбежности и формирует менталитет. «Жизнь прожить не поле перейти», — говорит русская пословица, намекая, что жизненный русский путь редко бывает ясным и прямым, почти никогда не лежит предсказуемой и ровной полосой с начала до конца. Если русская душа широка, а русская мысль безгранична, как поле, то русская судьба — темный лес.

Дороги в России — замечательный пример климатогеографической обусловленности человека и его быта, перерастающей в судьбу. Прямой путь тут заказан, он чаще всего является самым

непроходимым. Даже тогда, когда все предусмотрено и до цели остается полшага, действительность вздыбливается или проседает.

Стратегия достижения цели и на местности, и в социуме изначально описывается в России не нормальными законами планиметрии Евклида, а в терминах геометрии Лобачевского. Это приводит, с одной стороны, к сужению поля зрения, когда приходится постоянно контролировать небольшой «пяточок» жизни перед собой, иначе наткнешься на осколки стекла или какие-нибудь острые железные предметы, просыпавшиеся с грузовика (летом), или наберешь полные сапоги (осенью, весной, зимой). Еще того хуже — столкнуться со встречным-поперечным человеком на узенькой дорожке, где ни пройти, ни проехать. Вот и обходим людей, как предметы, а сугробы — как людей, семенем, прыгаем, уклоняемся, держимся по стенке. Линия горизонта нам недоступна, трудно освободить голову от ежедневных, затмевающих все мелочей. Оттого и судьба даровитого русского человека бывает рваной, извилистой, комковатой.

С другой стороны, мы с детства знакомимся с отечественной практикой преодоления препятствий. С малых лет мы знаем, как это надо делать: нужно по возможности миновать, обходить, а не искоренять. К этому приучают знакомые всем по опыту способы перехода котлованов по чавкающим сырым доскам, грязевых разливов — по осколкам кирпичей, подворотен — по ледяным наплывам, стыдливо присыпанным песком.

На дороге все временно. Поэтому и не стоит ничем заниматься капитально. Сознание россиянина словно бы растянуто по концам шкалы, на одном конце которой подножная, грязная действительность без мысли о завтрашнем дне, а на другом — только мыслимая, но совершенно нереальная цель. И хоть время изменилось, настоящее давно настало, мы уже прочно — прочнее некуда — научились не замечать его неустроенности.

И здесь действует соображение о временности нашего «бывания» на Земле — излюбленное соображение «святой Руси», так близко связанное со знаменитой русской ленью. Расчистить дорогу мешает убежденность ненужности усилий в ситуации непредсказуемости, дезорганизованности, хаоса. Но справедливости ради надо заметить, что дезорганизованность и хаос сами часто являются следствием этой неколебимой убежденности.

И страна почти свихнулась на идее порядка оттого лишь, что сама эта идея в нашем мозгу привычно замещает нам реальную чистоту улиц, прямые дороги, непокосившиеся заборы, удобную, накатанную жизнь.

И снится русскому человеку дорога, сама собой приводящая его куда-то... Исторический опыт России — опыт расширения, разбегания (медленно, но неотвратно приближающегося к рассеянию). Лишь сегодня мы являемся свидетелями важного перелома: метафизическое понятие «Русь» начинает сжиматься впервые за многие столетия.

Два выхода есть у нас. Один — давнее российское средство — сверхзима, в том числе и политическая. «Подморозить Россию!» — призывал русский мыслитель К. Леонтьев. Как легко тогда можно будет сменить культурное колесо на первобытные полозья! Второй — окончательно осесть, вычистить грязь и научиться строить дороги. ●

Продолжение следует

ISSN 8730 8640

„Knowledge is power“ (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 5/94

МЦЕН

СОДЕРЖАНИЕ

- 86 **Актовый зал**
Р. Фрумкина
ЛИНГВИСТИКА КАК
РЕМЕСЛО И ПРОФЕССИЯ
- 93 **Лаборатория конкретного
поиска**
ВОСПАЛЕННОЙ ГУБОЙ...
- 98 *Ю. Максимов*
КОМИТЕТ ПОМОЩИ
ГОЛОДАЮЩИМ
- 103 **Учительская**
Ж. Уманская
КАК НА ЯБЛОНЕ ВЫРОС
ФИНИК
- 104 **Портретная галерея**
А. Пельтцер
ГАРМОНИЯ МИРА
- 108 **Выпускной класс**
И. Андрианов
«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ» И
«СТРОГАЯ» МАТЕМАТИКА:
НОВЫЙ РАЗДЕЛ
РОДИЛСЯ?
- 110 **Практикум**
А. Аджиев
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ
- 111 **Практикум**
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПО
ИСТОРИИ:
ТУРНИР
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСО-
ВА 1993 ГОДА

Р. Фрумкина, доктор филологических наук

Лингвистика как ремесло и профессия

От первого лица

В ранней юности в одном романе Голсуорси я прочла английскую фразу: *Sorry to be personal*. Так принято извиняться перед собеседниками за то, что говорящий вынужден посвящать их в свои личные дела. Энергичная краткость этого выражения не раз вырчала меня в дальнейшем.

Много позже в английском же учебнике стилистики встретилось мне пожелание, казалось бы, противоположного толка: *de personal and specific*, «высказывайтесь от первого лица и конкретно». Ко мне это как бы отношения не имело: научный текст конкретен по необходимости, а общепринятое в русском научном стиле авторское «мы» делает его величным. Однако лет через двадцать, когда я стала издавать научные сочинения моих молодых коллег, я оценила меткость этой формулировки. Трудно было короче и яснее выразить мои установки как редактора.

Но одно высказывание об отношениях между автором и текстом сыграло в моей жизни «человека пишущего» совсем особую роль. Мой добрый знакомый Макс Бременер, известный детский писатель, однажды сказал о Юрии Трифонове, с которым он был близок еще с «литинститутских» времен: «Знаете, Юра говорит, что он ничего не может выдумать». Я не поверила, но запомнила — настолько меня это поразило.

Спустя много лет, когда я стала писать не только в научном жанре, поняла, что имел в виду Трифонов. Для него естественно было писать

только о том, что было реально, им самим пережито. О своем отце. О доме, в котором он вырос. О своем времени и о своем месте в нем.

И дело здесь не в мере таланта — дело в типе мировосприятия. Натан Эйдельман, например, писал о Луние так, как если бы Лунин и декабристы были его товарищами по Преображенскому или Семейовскому полку. Трифонов же писал о народниках так, как если бы они были его соседями по Тверскому бульвару. (Мне кажется, именно поэтому «Нетерпение» Трифонова совсем не роман о российском прошлом, а нечто вроде дневника, описывающего нашу общую с автором личную трагедию.)

Лингвистика как ремесло

Есть парадоксы, которые возможны только в юности, — позже они выглядят абсурдом. Вообще-то я всегда собиралась на медицинский — выросла в кругу врачей. Решение поступить на филологический факультет МГУ, чтобы в будущем заниматься русской литературой, возникло неожиданно. Почему именно литературой. Почему русской? Да потому, что на другое у меня не хватило воображения. О лингвистике я не слышала и даже слова такого не знала. Филологией в свои шестнадцать лет считала занятия в духе М. Гершензона или С. Бонди и вполне могла представлять себя в будущем их последовательницей. Добавьте сюда детские воспоминания о пушкинских днях зимой 1937 года — юбилейная выставка в помещении Исторического музея вообще была первой выставкой в моей жизни.

На филологический факультет МГУ меня как обладательницу золотой медали вынуждены были все же принять, но не на русское отделение, а на недавно открывшееся испанское (бакалаврская история из цикла «Национальность? — Да... Ну и что?..»).

Специализация начиналась на третьем курсе. На первых двух можно было не задавать себе вопроса, почему вообще надо выбирать между занятиями языком и занятиями литературой. Тем не менее благодаря Эрнестине Иосифовне Левинтовой, которая преподавала нам испанский, уже через месяц учебы я знала, что хочу стать лингвистом.

Казалось бы, это были всего лишь уроки испанского, именно уроки и только языка, а не культуры, литературы или истории. Но в самих уроках, а точнее — в личности Эрнестины Иосифовны, была некая магия. Не могу объяснить, в чем именно она заключалась, что неудивительно — на то она и магия, а не просто обаяние. Ощущение же я помню: язык оказался вдруг захватывающе интересен как таковой.

К тому моменту я довольно порядочно знала английский, но никаких чувств по этому поводу не испытывала. Здесь же возник такой азарт, что через полгода я уже читала без словаря повесть испанского поэта Хуана Рамона Хименеса «Платеро и я». Платеро — это ослик, самая родная душа для лирического героя. Книгу мне дал мой ближайший университетский друг Викторiano Имберт, в прошлом — один из «испанских детей», которых вывезли в СССР в конце гражданской войны, в будущем — блестящий переводчик русской литературы на испанский, рано ушедший из жизни.

Э. И. Левинтовой я обязана тем, что выбрала языковедение. Благодаря Викторiano, я почувствовала неожиданную свободу внутри языка, которого еще не знала. Он открыл мне испанскую поэзию — прежде всего Антонио Мачадо и Лорку, а кроме того великого испанца XV века Хорхе Манрике.

Вспоминая позже это время, я утвердилась в следующей мысли: невозможно стать лингвистом, не испытав страстной любви к языку как к эстетическому, волшебному феномену. Незабываемо чувство, что только на

испанском подлинно вырази́ма прозрачно-зеленая красота апреля и фиолетовость теней лунной ночью.

Однако если любовь к языку возникла как бы в силу естественного хода вещей, то мой интерес к языковедению как к науке о языке много лет оставался, как теперь понимаю, весьма поверхностным и как бы заемным. Я с удовольствием учила латынь, староиспанский и старофранцузский, написала дельный по тогдашним меркам диплом по сравнительной романистике, но при этом совершенно ничего не знала из общей теории языка. Точнее, я долго не знала, что быть лингвистом — как раз и значит размышлять на такие общие темы. В известной мере это неудивительно: за все университетские годы (1949—1955) я не слушала ни одного разумного теоретического курса по общему языковедению.

Сегодняшний читатель едва ли может представить себе филологическую среду тех лет. Рядовой филолог — это преподаватель университета или педвуза. Вначале он пережил серию проработочных кампаний конца сороковых годов, требовавших признать Марра пророком и постоянно поливать грязью замечательных ученых, работы которых в действительности и составляли тогдашнюю — а во многом и сегодняшнюю — лингвистику и филологию.

Затем, после выхода в 1950 году работ Сталина по языковедению, следовало публично отречься от одного кумира и с особым усердием начать поклоняться другому. Добавьте к этому повальные аресты среди московской и ленинградской интеллигенции, которые в близком мне кругу начались около 1948 года. И не следует думать, что после 5 марта 1953 года все вдруг переменялось. Впрочем, это особый разговор.

Так или иначе, должно было пройти очень много времени, чтобы языковеды в массе, а не в лице отдельных «хранителей огня», просто опомнились от бесконечных проработок и обнаружили, что у них когда-то вообще были научные позиции. Поэтому фактически более свободными и независимыми могли оставаться те, кто просто учил студентов языкам.

Французский язык нам преподавала Эдда Ароновна Халифман. Имен-

но ей и Эрнестине Иосифовне я обязана своими представлениями о лингвистике и филологин как о ремесле.

Это были совершенно разные люди. Левинтова была моложава, подтянута, быстра в движениях, насмешлива до язвительности. Халифман страдала жестоким искривлением позвоночника. Она была так больна, что часто не могла добраться до Моховой иначе, чем на такси. Казалось, что она говорила немного, а скорее слушала нас. У нее был мягкий юмор и способность понимать другого человека почти без слов. Уроки их были столь же непохожи, как они сами. Тем не менее главное, что мне удалось у них почерпнуть, имело много общего.

Во-первых, я как-то быстро поверила в то, что языком можно довольно быстро овладеть, если научиться понимать структуру фразы, даже не зная смысла каждого слова. Отсюда вытекало, что прежде всего надо хорошо знать грамматику, точнее, главное в грамматике. А поскольку это главное умещалось в небольшом справочнике, то грамматика в целом выглядела как постижимая.

Во-вторых, очевидно было, что с лексикой все обстояло как раз наоборот. В этом убеждало, например, обращение к знаменитому толковому словарю французского языка Литтре, с помощью которого требовалось готовить домашние задания. Ясно было, что если значение одного сравнительно «простого» слова типа французского *mettre* у Литтре описано на нескольких страницах, то это едва ли тот материал, который можно запомнить, — в него можно лишь вживаться.

В итоге получалось, что познание языка требует терпения, умноженного на любовь к материалу. Это и есть, на мой взгляд, чувство ремесла филолога. Ремесло нельзя создать, но его можно унаследовать. Законы ремесла трудно объяснить, но их можно передать подмастерью. В этом отношении мне бесконечно повезло с моими университетскими учителями.

Лингвистика как профессия

В 1956 году я начала работать библиографом в библиотеке Института языкознания Академии наук СССР. Это была работа не только сугубо практическая, но к тому же напоми-

нающая конвейер. Каждое утро на мой стол попадала стопка новых иностранных книг и журналов. Из них я должна была отобрать все, что касалось лингвистики. Далее отобранные книги, статьи, рецензии и прочее следовало распределить по рубрикам. Если из заглавия не ясно было, о чем идет речь, то я должна была написать краткую аннотацию.

Здесь и обнаружилось, что диплом филфака образца 1955 года не дал мне профессиональной лингвистической подготовки. Начать с того, что я имела весьма смутные представления о том, из каких разделов вообще состоит лингвистика. Ведь одно дело — понимать, что есть сравнительно-историческое языкознание, и совсем другое — сообразить, куда конкретно отнести поток статей об особенностях кумранских свитков.

Два года в библиотеке по существу и были настоящим приобщением к профессии лингвиста. Во многом — из-за разнообразия конкретных задач, которые надо было решать безотлагательно. В не меньшей мере — благодаря общению с нашими читателями, которые и стали моими подлинными учителями (об этом — в «Знание — сила», 1989, № 5).

Что же касается самоопределения в лингвистике, то это было в небольшой степени следствием счастливой случайности. Точнее, сцепления случайностей. Но придется начать с проблем, не имевших к тогдашней лингвистике прямого отношения.

В описываемое время успешная работа такой большой библиотеки, как наша, определялась только педантичностью сотрудников и широтой их кругозора. Библиотека была единым организмом, где все мы — взаимозависимы, но никоим образом не взаимозаменяемы. В результате получалось, что хотя высокообразованные люди привычно тратили силы на техническую работу, любой мелкий промах создавал неизбежные сложности для остальных. При этом все мы были постоянно перегружены.

Я решила поискать в литературе, не придумали ли в мире хотя бы для поиска карточки в каталоге каких-то более совершенных способов, чем ручной просмотр. Первая же большая книга, которая мне попала, была только что издана в США и называлась «Автоматический библио-

течий поиск». Имелась в виду компьютеризация библиотечного дела.

Книга была для меня трудна, и я отправилась посоветоваться в читальный зал нашей же библиотеки, где, за именованием другого помещения, работал Игорь Мельчук, мой давний товарищ по испанскому отделению МГУ. Он пришел в Институт языкознания в 1956 году и занимался машинным переводом, то есть тем, что позднее стали называть автоматическим анализом и синтезом текста и из чего в дальнейшем выросла целая наука — вычислительная лингвистика.

Сам этот наш разговор я совершенно не помню. А следовало бы: именно он определил мою судьбу на много лет вперед! Скорее всего (это реконструкция), Игорь сказал мне в свойственной ему категоричной манере, что пора перестать заниматься глупостями, а надо заниматься делом. «Делом» в разные периоды нашей дружбы считались те научные задачи, которыми в данное время сам он был увлечен. В последующие двадцать лет мне пришлось неоднократно выслушивать подобные же реплики, потому что именно благодаря Игорю я постепенно нащупала свои собственные задачи, а они были далеки от его интересов.

Игорь Мельчук с 1976 года живет в Монреале. Я не могу писать в возвышенных тонах о человеке, с которым пять лет вместе училась, а следующие двадцать — сидела в одной комнате и даже за одним на двоих письменным столом.

Хотя мы фактически не работали вместе, роль его в моем становлении как лингвиста была очень велика. До середины шестидесятых годов я была среди тех, кому Игорь давал читать свои работы еще в рукописи. Это задавало мне некую планку, на которую следовало равняться. В самом деле. Александр Александрович Реформатский был классик, Петр Саввич Кузнецов — святой, мой учитель, Владимир Николаевич Сидоров — рыцарь, Алексей Андреевич Ляпунов, более всех способствовавший союзу кибернетики и лингвистики, — гений и святой в одном лице. Можно ли брать пример с небожителей?

А Игорь Мельчук был «свой», ровесник. Из чисто дружеских побужде-

ний в течение нескольких лет он читал мои работы и делал достаточно серьезные замечания. Собственно, именно благодаря Мельчуку я научилась выстраивать свои мысли, ясно говорить и точно отвечать на вопросы.

Общеизвестно, что профессионализм не приобретается вне школы. Вопрос в том, какие люди и какие условия способствуют ее формированию. С моей точки зрения, дело не только в идеях и концепциях, которые впервые предложил и затем отстаивал И. А. Мельчук, но прежде всего в том, что он был способен собирать вокруг себя людей. Поэтому наша лингвистика так много потеряла с его отъездом.

Размышляя сейчас об обстоятельствах тридцатипятилетней давности, я думаю, что мне необычайно повезло в двух отношениях. С одной стороны, именно тогда в лингвистике начался поворот к структурализму, в котором сами мы, недавние студенты, были активными действующими лицами. Нас поддерживали и нам непосредственно помогали наши старшие товарищи и учителя, а это были люди большого масштаба и редких нравственных качеств. В этом кругу просто не было иного счета, нежели «гамбургский».

С другой стороны, занятия лингвистикой как профессией сильнейшим образом поощрялись социумом. Последнее утверждение сегодня может навести на мысль о том, что нам хорошо платили. Это не так, но я вообще о другом: я не случайно сказала — социумом, а не государством.

Социум в целом в это время «оттаивал». Лингвистика оказалась первой из наук традиционно гуманитарного цикла, которая освободилась от идеологии. Массовая ориентация новой, структурной лингвистики на кибернетику и математические методы имела выраженный ценностный характер: «они» заклеили кибернетику как буржуазную лженауку, а «мы» покончили с охотой на ведьм и занялись делом, освободив лингвистику от идеологических заклинаний.

Уровень общественного интереса к новой лингвистике был так высок, что лет семь-восемь, с 1957 и примерно до 1965, компенсировал почти полное отсутствие рабочих и даже аспирантских мест.

Мне еще повезло: через полтора

года Игорь Мельчук представил меня А. А. Реформатскому как кандидата на единственную вакансию, открывшуюся к лету 1958 года в Институте языкознания в новом секторе, который Александру Александровичу предстояло возглавить. В сектор я пришла уже со своей темой: применение статистических методов в лингвистике. А если бы этого не случилось? Я, безусловно, продолжала бы заниматься лингвистикой в свободное время, как это делали многие вокруг меня. Вопрос лишь в том, хватило ли бы у меня сил совмещать науку с восьмичасовым и притом очень напряженным рабочим днем.

О своей лингвистике — конкретно и от первого лица

Язык столь многолик, что разные его аспекты выступают как совершенно разные предметы исследования. Тривиальность этого высказывания не делает его менее важным. Здесь лучше всего меня поймут студенты — начинающие лингвисты, которые часто подавлены отсутствием связи между изучаемыми дисциплинами. Несвязность эта не кажущаяся, а подлинная, объективная, сколько бы мы ни говорили о том, что язык — это система, где все взаимосвязано. В языке-то связано! Но попробуйте увязать это в соответствующей науке. А может быть, нужно иметь несколько наук о языке?

Не знаю, можно ли создать действительно единую науку о совокупности явлений, составляющих язык и его функционирование. Вспомним, что язык — это средство устного и письменного общения, а также главный способ фиксации знаний, а также средство передачи чувств и отношения говорящего к ситуации. К тому же язык — инструмент поэзии, а еще есть проблема овладения неродным языком, а еще есть связь между тем, как мы говорим, и тем, как мы думаем. И так далее.

Удивительно ли, что в лингвистике многие области действительно весьма слабо соотнесены между собой? Так, можно быть мировым авторитетом в области сравнительно-исторического языкознания и ничего не знать о детской речи. Можно даже позволить себе иметь в науке о языке любимые и нелюбимые разделы и о последних знать весьма мало. На-

пример, я всегда не любила фонетику и потому и сейчас знаю ее поверхностно, если не сказать плохо.

Есть, однако, некий общий багаж, необходимый для каждого лингвиста, без чего невозможно ориентироваться в многообразии того, чем занимается сегодня лингвистика. Именно такой багаж позволяет находить эффективные пути для восполнения неизбежных пустот. Знатоком фонетики я уже никогда не буду, но если мне понадобится ответ на конкретный вопрос, то, при условии доступа к библиотечным полкам, я достаточно быстро найду нужные сведения.

Я думаю, что университетская подготовка лингвиста и должна быть ориентирована на приобретение такого багажа — пусть не сразу по окончании курса, но хотя бы в ближайшей перспективе.

Приведя пример с фонетикой, я имела в виду обычную ситуацию, когда нечто надо выяснить только по ходу дела, — чтобы понять пример, ссылку, новый термин. Но лингвист из-за специфики своего предмета часто попадает в гораздо более сложные обстоятельства.

Случай из практики

В течение моей научной жизни я занималась разными проблемами. Со стороны мои переходы от одной задачи к другой и даже из одной области в другую могут казаться хаотичными. Для меня самой эти переходы всего лишь отражают мои попытки найти ответ на разные вопросы, возникавшие в пределах решения какой-то основной задачи, обычно чисто лингвистической. Но затеяв более основательные разыскания, я регулярно обнаруживала, что, оставаясь в канонических пределах, я попадаю в тупик.

Чаще всего мне приходилось обращаться к психологии, а иногда и уходить в нее. Причина этого довольно очевидна: язык — все же в первую очередь психический феномен.

Чтобы быть убедительной, мне следовало бы рассказать по-настоящему красивый «случай из жизни». Любой эффектный пример увел бы меня далеко за пределы журнальной публикации. Ограничусь тем, что попроще.

Примерно до 1963 года я занималась применением статистических методов к исследованию языка — по преимуществу изучала законы повторяемости слов в тексте. Идя по этому пути, я получила следующий результат: современный литературный язык устроен так, что 2500 его наиболее частых слов покрывают примерно 75—80 процентов обычного текста. Иначе говоря, если начать читать английский (французский, немецкий и т. д.) текст и вычеркивать все слова от № 1 (самого частого) до № 2500 (в списке слов, расположенных по убыванию частоты повторяемости, это будет последнее слово), то из каждых 1000 слов текста незачеркнутыми останутся 200—250.

Отсюда следовал вывод, интересный для педагогов: получалось, что если в качестве лексического минимума, необходимого для овладения основами неродного языка, выучить именно эти 2500 слов, то примерно 80 процентов слов текста будут понятны. Иными словами, в этом случае при чтении смотреть в словарь придется не так уж часто. В самом деле, среди оставшихся 20 процентов текста какие-то слова тоже будут повторяться, и к тому же значение некоторых из них (не входящих в упомянутый «минимум») можно уяснить из контекста.

Надо сказать, что в общем это действительно так. Но как увязать понимание определенной доли слов текста и понимание смысла текста в целом? Разумеется, понимание смысла текста сильно зависит от понимания смысла отдельных слов, но ведь не только от этого. Предположим, у нас нет трудностей с грамматикой. Что остается?

И тут оказалось, что я не могу ответить на самый главный вопрос: а как узнать, понят текст или не понят? Вообще, как можно судить о понимании смысла текста? Не одной фразы, а именно некоторого отрывка?

После довольно долгих проб и размышлений я поняла, что идеальный способ проверки понимания текста выглядит так. Текст представляет собой предписание или инструкцию, то есть, прочитав его, человек должен выполнить некие действия. Если в результате человек действует правильно, значит текст понят; если же

совершает ошибки, значит соответствующие фрагменты текста ему не ясны.

Эта идея сама по себе не так плоха. К счастью, в жизни мы редко читаем инструкции. К счастью — потому, что для понимания инструкции неспециалисту, как правило, надо понимать абсолютно каждое слово; большинство же обычных текстов — книги, газеты, даже объявления — устроено иначе, в них есть место догадке.

Неужели никто не изучал процесс понимания письменного текста? Оказалось, изучали. В 1963 году я нашла одну работу на русском языке, притом методически беспомощную. Вообще же пониманием текста много занимались американские педагоги и психологи, хотя с совершенно иными целями.

Одних интересовал сам процесс чтения и закономерности зрительного восприятия фраз и отрывков в целом. Ведь из того, что написанный текст вытянут в строчку, то есть линейен, вовсе не следует, что переработка получаемой при этом информации тоже происходит линейно. Уже в конце двадцатых годов было показано — глаз движется по строке особым образом. Эта линия вела в психофизиологию.

Из американских же работ тридцатых годов вытекало: многие формально грамотные американцы — и дети, и взрослые — плохо умеют читать. Это рассматривалось педагогами и психологами как серьезная социальная проблема. Оказалось, что никто не знает, почему один текст на родном языке доступен, а другой, казалось бы, мало от первого отличающийся, непонятен. Эта линия вела в психологию восприятия, педагогическую и социальную психологию.

Следующую «подножку» я подставила себе сама. Я задумалась: ведь из того, что некое слово часто встречается в тексте, вообще говоря, не вытекает, что оно занимает такое же «место» в человеческой памяти. Доказать это я не могла, но зато могла указать на другое. Редкое в текстах слово могло быть частым в жизненном обиходе. Таковы слова «полотенце», «ножницы». А что значит «частые в обиходе»? Можно ли это измерить?

Оказалось, можно. Причем доволь-

но точно. Только это уж никак не помещалось в рамки лингвистики. Ни традиционной, ни структурной, ни еще какой-либо.

Задачи, которые я поставила перед собой, не просто уводили меня из одной области науки в другую, а грозили увести из сферы бесспорных ценностей неведомо куда. Принято думать, что подобные ситуации непременно сопровождаются какими-то радостными чувствами. На самом же деле, тому, что мы называем разысканиями, попытками, удачами, сомнениями, в жизни ученого соответствуют чередования разных состояний ума, души и тела. Среди этих состояний доминантами будут вовсе не какие-то озарения или душевные провалы, а куда более прозаические переживания. Это тупая злость по поводу того, что в «Ленинке» нет именно той статьи, на которую надеялся, как на золотой ключик. Или мучения из-за ошибки в расчетах. Раздражающее чувство умственной и физической усталости. Ощущение тупика. Иногда — радость, что наконец все как-то выстроилось и уложилось.

Но это, вообще говоря, мелочи. Главное — при всех колебаниях и приступах отчаяния чувствовать, что область твоей деятельности является частью некоторой несомненной ценности сферы. Работающие ученые так или иначе знают, чем эта сфера в данный период ограничена, и «кожей» чувствуют, когда начинают из нее уходить. Например, проблема происхождения языка лежит заведомо вне ценностной сферы современной лингвистики, подобно тому как опровержение второго закона термодинамики пребывает вне ценностной сферы современной физики.

Ценностные ориентиры в науке, однако, определяются не столько проблематикой, то есть не столько через объекты, сколько через круг людей, убежденных в безусловности самой этой ценностной сферы. В конце шестидесятых годов соответствующий круг был еще достаточно плотен, и я имела счастливую возможность на него опереться.

Одним из решающих моментов в этой кризисной для меня ситуации была моя встреча в 1968 году с М. М. Бонгардом — выдающимся физиком и кибернетиком, о котором уже

тогда ходили легенды, и то влияние, которое на меня имела вышедшая годом раньше его книга «Проблема узнавания». (Об этом — в статье «Письмо», «Знание — сила», 1990, № 6.) Во время нашей единственной личной беседы Бонгард отверг не только планы моих будущих исследований, но счел неверными лежащие в их основе предпосылки. Это не помешало ему, однако, немедленно откликнуться письмом на статью с моими новыми результатами.

М. М. Бонгард, безусловно, принадлежал к научной элите. Как подлинный русский интеллигент он был глубоко социальным человеком. Именно осознание своей социальной миссии отличает элитарную интеллигенцию от высоколобых зазнаек. Наличие таких людей и организует ученых в ценностную среду, которая может быть названа научным сообществом.

Эта среда живет по неписаным законам, которые составляют научно-этическую традицию. Не важно, сколько людей образует ценностно ориентированную среду в рамках конкретной области знаний, — их может быть десять и меньше. Важен их научный и нравственный потенциал — именно он предохраняет общество от распада ценностных ориентаций. Я могла заблуждаться и в постановке, и в методах решения своих задач. Однако потому, что эта живая среда была, нашлось достаточно коллег, в том числе и среди тех, с кем я почти не была знакома, которые были готовы помочь в моих поисках.

М. М. Бонгард погиб в горах на Кавказе в 1971 году.

Время показало, что его личность была стержнем для целого научного направления, которое после его смерти не могло существовать в прежних очертаниях.

Тридцать лет и три года

Спустя тридцать лет и три года после событий, описанных в начале этой статьи, журнал «Знание — сила» предложил мне собрать в редакции «круглый стол» по языкознанию и филологии («Знание — сила», 1989, № 6). На этом заседании ученые трех поколений охарактеризовали положение в лингвистике на конец 1988 года как тревожное. Говорилось

о бедности идей, о том, что звездный час лингвистики и филологии — в прошлом, что студентам негде учиться, что для науки губителен запрет на свободную издательскую деятельность, что запрещены кооперативные школы...

Я пишу эти строки в канун 1994 года. Прошло еще пять лет. Студентам есть где учиться: конкурс на отделение лингвистики в РГГУ, которое лингвисты моего «призыва» называют нашим вне зависимости от того, преподают ли они там сами, был огромным. (Почти все присутствовавшие на «круглом столе» теперь преподают.) Разрешены частные школы и издания. Все участники «круглого стола» не раз с тех пор побывали в дальних странах. Не случайно то, что все они вернулись домой, — я потому и позвала именно этих людей.

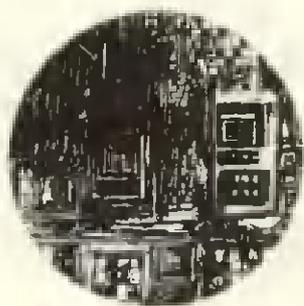
Уезжают теперь — и обычно, навсегда — наши студенты и аспиранты. Отъезд ученых стал буднями и превратился в излюбленную тему

для социальной демагогии. Много говорят и об обнищании ученых, институтов и библиотек, апеллируя к государству. На мой взгляд, страшнее другое: наше общество стало цинично, неприкрыто равнодушно к науке как к составляющей культуры. Оно столь же откровенно не замечает и нас самих: нас не приглашают даже туда, где публике предлагается обсуждать наши собственные судьбы.

В. Листьев, ведущий популярной телепередачи «Тема», решив поговорить об утечке умов, позвал на передачу... двух наших бизнесменов. Один из них снисходительно промолвил, что утечка умов его не волнует, другой же (в прошлом — министр при Гайдаре, а в позапрошлом — научный сотрудник) вяло признался, что ему жаль...

Передачу «Тема» смотрят не менее 30 миллионов зрителей.

Журнал «Знание — сила» — это 30 тысяч экземпляров...

ЛАБОРАТОРИЯ КОНКРЕТНОГО ПОИСКА

Воспаленной губой...

Два этих текста отделяют друг от друга десять лет, а от нас — лять и пятнадцать.

Сочинение ученицы девятого класса о первых декретах советской власти по здравоохранению написано в 1988 году. Уже вовсю шла перестройка, но еще мы строили социализм с человеческим лицом. Девочка выбрала тему сочинения совершенно самостоятельно, чем покорила свою учительницу. Как и тем, что выделяет эту работу среди множества стандартных школьных работ. Она не просто грамотна и демонстрирует не только знание стихотворений, предусмотренных программой. В ней есть еще кое-что, что весьма приблизительно можно назвать сентиментом по отношению к теме. В данном случае тема — молодая власть большевиков и ее трогательная забота о здоровье подвластного ей населения.

Вероятно, именно за сентимент девочке не просто дали полновесную пятерку, но и запомнили это сочинение и по сию пору почитают его одним из лучших.

Интересно, о чем думал папа, когда «так настойчиво советовал» дочке прочесть сборник декретов? В 1988 году он мог думать о самых разных вещах. О том, например, что на заре советской власти большевики были хорошие и народолюбивые, а потом испортились. Или о том, что перестройка, конечно, хорошо, но у дочки вся жизнь впереди и полезнее, чтобы у нее было сугубо положительное отношение к советской власти, когда эта самая перестройка все же кончится. Или, по крайней мере, что дочке полезно усвоить панегирический стиль в общении с властью, независимо от того, что она знает и думает об этой власти на самом деле. И сочинение на подобную тему — отличная тренировка в оттачивании такого стиля, обладание которым может само по себе кормить человека.

Текст второй как раз отвечает желанию школьницы «воспаленной губой полить фактов». Он опубликован в 1979 году в самиздатовском историческом сборнике «Память» и, разумеется, под псевдонимом. Совсем уже анонимный редактор предположил воспоминаниям блестящее предисловие; его сегодня очень надо бы включить в школьные учебники: голод двадцатых годов до сих пор проходит в них двумя строчками, а роль властей в организации голода, которую так хотел определить автор предисловия, не проанализирована историками.

Из приведенного отрезка реки по имени Факт выплывают, как минимум, несколько тем для разговора с учениками девятого класса. О не потерянной еще в двадцатые годы способности русского гражданского общества к самоорганизации, к целенаправленной гуманитарной деятельности (абсолютно бескорыстной). О едином алгоритме действий большевистской власти в моменты народного бедствия (голод двадцатых — начало войны — Чернобыль).

Наконец, о структуре прав и обязанностей государства — любого, в том числе и большевистского — перед обществом. О том, в частности, что власти, допустившие голод или Чернобыль, профнепригодны и подлежат замене, а власти, прекращающие мор детей, просто исполняют свой долг, и умиляться этому столь же глупо, как умиляться человеку, который платит налоги...

Итак, припадем к реке по имени Факт.

А. Ф.

«Воспаленной губой припади и попеи из реки по имени Факт»

...Я почти машинально перелистываю страницы толстой книги с сухим официальным названием «Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти» (1917—1924 годы), сборник материалов и документов. Издательство «Медицина», Москва, 1966 год. Почему папа так настойчиво советовал мне прочесть этот сборник вместе с учебником истории?.. Какие-то декреты,

постановления семидесятилетней давности. Что может быть в них интересного?

Но вот документ под номером двадцать четыре от 31 января 1918 года поразил меня своей непохожестью на привычные официальные документы. Как будто в мою сегодняшнюю квартиру ворвался вихрь того удивительного и уже далекого времени, которое называется рево-

люцией. И хотя это постановление довольно большое, мне хочется его процитировать.

«Два миллиона едва затеплившихся на Земле младенческих жизней ежегодно гасли в России от тесноты и несознательности угнетенного народа, от косности и равнодушия классового государства. Два миллиона страдалиц матерей обливали ежегодно горькими слезами русскую землю, засыпая мозолистыми руками ранние могилки бессмысленно погибших невинных жертв уродливого государственного строя. Веками искавшая пути человеческая мысль выбилась наконец на простор лучезарной эпохи свободного строительства руками самого рабочего класса, тех форм охраны младенчества, которые должны сохранить ребенку мать, а матери ребенка.

Вас, работницы, трудящиеся, гражданки-матери, с вашим чутким сердцем, вас, смелые строители новой общественной жизни, вас, идейные педагоги, детские врачи и акушеры, — всех вас зовет теперь новая Советская Россия слить ваш ум и чувство в строительстве великого здания социальной охраны грядущих поколений.

...Для скорейшей разработки и проведения необходимых реформ по охране младенчества в России организуется при отделе охраны материнства и младенчества комиссия в составе представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, общегородских и областных больничных касс и других рабочих организаций и специалистов, заинтересованных в вопросе социальной охраны младенчества. Комиссия должна принять в основу своей работы следующие принципы:

1. Сохранение ребенку матери. Лучшая для него «капля молока» — из материнской груди.

2. Воспитание ребенка в атмосфере широко понимаемой социалистической семьи.

3. Создание для ребенка условий, закладывающих фундамент для развития его физических и духовных сил, светлого восприятия жизни».

Подпись:

Народный комиссар А. Коллонтай.

Когда я читала строки этого декрета, произнесенные 31 января 1918 года, мне вспомнились строчки Блока:

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер —

На всем божьем свете...

Представился холодный зимний день, голодные, изможденные люди, толпящиеся на площади. В центре, на небольшом возвышении — хрупкая женщина в кожаной куртке. Толпа, недоверчиво вслушивающаяся в слова комиссара. Мне даже показалось, что я слышу ее голос, хриплый оттого, что нужно громко кричать в январскую стужу. Так громко, чтобы услышали те женщины, что жмутся в самых дальних рядах, стыдясь своей рваной одежды. Некоторые прижимают к груди измученных детей, чтобы хоть как-то согреть их. Именно к ним обращены эти слова про страдалиц матерей, обливающих «горькими слезами русскую землю», засыпающих «мозолистыми руками ранние могилки...» Я пытаюсь представить себе, что должны были испытывать эти забытые, несчастные создания, видя, как новая власть в лице женщины-министра так разговаривает с ними.

Это был первый прочитанный мною революционный документ. Потом я стала читать другие декреты. Они касались только вопросов охраны здоровья, социальной помощи, охраны материнства и детства (других в сборнике не было). И передо мной прошла летопись тех лет... Январский декрет «О конфискации Первого завода рентгеновских трубок». Это суровый документ:

«Ввиду того, что владелец Первого русского завода рентгеновских трубок (Фонтанка, 165) отказался продолжать производство и оставил предприятие, Совет Народных Комиссаров постановил: конфисковать все имущество означенной фабрики... Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду».

А где же владелец этого завода? Не его ли встречаем мы у Блока:

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрягал нос.

А рядом жметесь шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес бездомный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Кто же будет управлять этим заводом? Неужели все те же блоковские «двенадцать»? Да ведь они неграмотные и говорят-то как: «У ей керенки есть в чулке...» И вот в эту Русь, «в кондовую, в избяную, в толстозадую», обращены пламенные призывы, партийные декреты. Вспоминаются строки Маяковского: «Этот вихрь от мысли до курка и постройку, и пожара дым прибирала партия к рукам, направляла, строила в ряды».

А вот еще один декрет, от 18 марта 1921 года, — «О мерах, обеспечивающих успешные заготовки торфяного топлива», параграф 8:

«Больным рабочим-торфяникам — ревматикам или страдающим специфическими болезнями, происшедшими от условий труда, предоставить возможность лечения в соответствующих лечебных учреждениях, санаториях и климатических станциях».

Я вспомнила судьбу Николая Островского, его героев, которые в тяжелейших условиях, по пояс в ледяной воде добывали топливо для голодных, холодных и измученных своих товарищей, а потом на всю жизнь тяжелейший ревматизм приковывал их к постели.

Кроме голода и разрухи, тяжелейших боев и саботажа, молодую республику преследует не менее страшный враг — эпидемии.

Летом — вспышки холеры, уносящие миллионы жизней. Зимой — сыпной тиф. А еще оспа, чума, туберкулез, брюшной тиф... Десятки декретов, на большинстве — подпись: В. Ульянов (Ленин). Они касаются всех тех мероприятий, которые защитили бы граждан страны Советов от смертельных болезней.

Вот декрет от 6 декабря 1919 года: «В целях предупреждения эпидемических заболеваний на железных дорогах Республики Совет обороны постановил:

1. Объявить «Неделю чистки» на всей сети железных дорог Республики для приведения в санитарное состояние подвижного пассажирского

состава, путей, вокзалов и других железнодорожных помещений»...

Суровое время — суровые декреты. Седьмого мая 1919 года было постановлено: произвести в Москве и ее окрестностях переосвидетельствование всех медицинских врачей, лекарских помощников, зубных врачей и фармацевтов — как состоящих, так и не состоящих на службе — для немедленного командирования всех признанных годными к военной службе по назначению Народного комиссариата здравоохранения... Вменить в обязанность Главсанупра немедленно привлекать к суду военно-революционного трибунала как за неисполнение боевого приказа всех тех врачей и весь тот персонал (медицинский), которые не исполняют распоряжения об отправке их на фронт вовремя.

Кроме основного фронта, был и другой фронт. Его бойцы — врачи и медсестры — храбро сражались и гибли за революцию. Конечно, были и трусы, но сколько было героев-медиков, отдававших все до последней капли крови делу революции!

А 21 июня 1921 года «ввиду развития эпидемий» было решено ограничить передвижение по стране. Было запрещено всем местным исполкомам выдавать какие бы то ни было разрешения на поездки в Сибирь, на Украину, Северный Кавказ, в Туркестан.

Молодой республике не хватало даже мыла. Вот что написано в декрете от 18 февраля 1919 года:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад о сыпнотифозной эпидемии... постановил:

Поручить Центромылу принять самые энергичные меры к увеличению производства мыла...»

Все эти декреты подписаны Лениным.

Сейчас мы часто говорим о «ленинской деловитости», ленинском стиле в работе, но это лишь слова, а вот наглядное тому подтверждение — письмо В. И. Ленина народному комиссару здравоохранения РСФСР об очистке города Москвы и расходовании средств:

«т. Семашко!

Подписав сегодня решение Малого СНК о двух миллиардах (кажется, так? точно не помню суммы) на чистку Москвы и прочитав «Положение»

Наркомздрава о неделе оздоровления жилищ, я пришел к выводу, что мои подозрения (насчет полной негодности постановки всего этого дела) усиливаются. Миллиарды возмрут, раскрадут и расхитят, а дела не сделают.

В Москве надо добиться образцовой (или хотя бы сносной для начала) чистоты, ибо большего безобразия, чем «советская» грязь в «первых» советских домах, и представить себе нельзя. Что же не в первых домах?

Прошу прислать мне самый краткий, но точный деловой, фактический отчет, что и где вышло из недели оздоровления. Есть ли хоть одна губерния, где что-либо сделано не бестолково?.. Кто отвечает за работу? Только ли «чиновники» с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки? Или есть деловые руководители? Кто именно?.. Тратят деньги на покупку ли ценных вещей (карболка? орудия чистки? сколько куплено?) или на содержание новых чиновных бездельников?

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин).

Трудно переоценить значение таких документов сейчас, в эпоху перестройки.

Новая власть сражалась, боролась с эпидемиями, голодом, саботажем и... устанавливала новые праздничные дни, дни обязательного отдыха трудящихся.

2 декабря 1918 года — «Правила СНК о еженедельном отдыхе и о праздничных днях.

1. Во всех отраслях труда устанавливается день еженедельного отдыха.

...7. Производство работ воспрещается в следующие праздничные дни, посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях.

1 января — Новый год.

22 января — День 9 января 1905 года.

12 марта — низвержение самодержавия.

18 марта — День Парижской коммуны.

1 мая — День Интернационала.

7 ноября — День пролетарской революции».

Пытаюсь представить себе эти первые новые праздники, демонстрации голодных людей, живущих в нетопле-

ных домах, одухотворенные лица, знамена, слова «Интернационала», раздающиеся над колоннами, истинная вера в то, что будет «новый мир построен, кто был никем, тот станет всем!»

Ростки этого нового мира видны в Постановлении СНК от 13 мая 1921 года: «...О домах отдыха, организуемых в целях предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодно очередного отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях»; в декретах о курортах Крыма, Кавказа и других «лечебных местностях», которые берутся под государственный контроль «...в целях создания благоприятных условий для массового курортного лечения трудящихся республики...» (Постановление СНК от 11 мая 1921 года). Первые декреты такого типа были изданы еще в октябре 1918 года.

Я закрываю последнюю страницу книги, где собраны декреты и постановления, которые принимала партия в первые годы советской власти только по одному из вопросов жизни страны — по охране здоровья. А ведь еще была война с интервентами, гражданская война, восстановление разрушенного хозяйства, международные отношения, спекуляция, диверсии... Сколько проблем, сколько мучений, трудностей, испытаний!

В каждом документе

...время гудит

телеграфной струной,

это

сердце

с правдой вдвоем.

Это было

с бойцами

или страной,

или

в сердце

было

моем.

Так документы истории, сливаясь с произведениями литературы, образуют единую поэму — правду о первых днях революции.

Ю. Максимов

КОМИТЕТ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ

В 1921—1922 годах в России под угрозой голодной смерти находилось не менее 25 миллионов человек (по некоторым данным — не менее 40 миллионов). На IX съезде Советов, проходившем в декабре 1921, В. А. Антонов-Овсеенко, представлявший одну из поволжских губерний, требуя увеличения государственной помощи, говорил: «Миллионы людей голодают, и это не просто слово о недоедании, это значит, что они грызут мерзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их бедствия. (...) Есть сведения, что детей сносят в степи и оставляют там на смерть, что обезумевшие матери режут своих детей, чтобы они только не умирали на их глазах».

Вот некоторые из немногих известных нам цифр, характеризующих голод. В Башкирской республике с населением в 1270 тысяч человек к июлю 1922 было зафиксировано девятьсот тридцать случаев трупоедства (у свежих могил пришлось выставлять во избежание подобного военные караулы) и семьдесят случаев людоедства. В 1930 в БСЭ, в статье «Голод», С. Мстиславский назвал цифру погибших — пять миллионов человек.

Несмотря на то, что масштабы несчастья были столь огромны, в советской исторической литературе до сегодняшнего дня не появилось ни одного серьезного исследования о нем. Не публикуются и свидетельства очевидцев. Это и естественно. Малейшее углубление в тему заставило бы задуматься о политике впасти как одной из причин голода, о сложной игре, которая велась вокруг организации помощи голодающим.

Интеллигенция как в России, так и вне ее, объединенная размахом продовольственной катастрофы, совершила попытку помочь голодающим, но эта попытка была пресечена самой властью.

22 июня 1921 года группа общественных деятелей объявила правительству о намерении создать Всероссийский общественный комитет помощи голодающим (ниже — Комитет или ВОКПГ). Власть, не надеявшаяся на успех собственных призывов к «мировой буржуазии» (которые вдобавок поставили бы ее в неловкое положение перед «мировым пролетариатом»), к тому же опасавшаяся в условиях голода рецидивов Кронштадта и Тамбова, согласилась на уникальный в ее истории эксперимент — санкционировать создание независимой общественной организации.

Рассматривая ВОКПГ исключительно как средство получения помощи из-за границы, большевики не собирались допускать развертывания его деятельности внутри страны. Характерна в связи с этим записка Ленина 12 июля 1921 года Н. А. Семашко, который опасался превращения Комитета в реально независимую организацию: «Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка! (...) От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го. Не трудно ей-ей это сделать». Для контроля над Комитетом в него были введены двенадцать представителей высшего партийно-правительственного аппарата, а председателем и заместителем председателя ВОКПГ были назначены соответственно Л. Б. Каменев и А. И. Рыков. Одновременно ЧК было предписано организовать наблюдение за деятельностью Комитета.

В Комитете были представлены практически все слои русской интелли-

генции. Среди наиболее видных имен — писатели М. Горький (вышел за три дня до разгона, — наверное, был предупрежден), Б. Зайцев, М. Осоргин (редактор бюллетеня «Помощь» — орган Комитета); академики С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, Н. И. Курнаков, А. Е. Ферсман, В. Н. Ипатьев; театральные деятели А. И. Сумбатов-Южин, М. Н. Ермопова, К. С. Станиславский; толстовцы П. И. Бирюков, В. Г. Чертков, В. Ф. Булгаков; инженеры П. И. Пальчинский, М. Метт; агрономы, кооператоры, статистики: А. Г. Дояренко, Н. Д. Кондратьев, П. А. Садырин, А. В. Чайнов, М. М. Щелкин; медики Л. А. Тарасевич, В. А. Левицкий и многие другие. Политическое прошлое при вхождении в Комитет, действовавший под знаком Красного Креста, не имело значения. Его членами были бывший народоволец В. Н. Фигнер, товарищ министра внутренних дел в 1905—1906 годах Н. Н. Кутлер, шесть членов последнего состава ЦК партии к.-д. (из них двое — бывшие министры Временного правительства), внепартийные социал-демократы Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович (бывший министр Временного правительства) и такие известные всей стране люди, как дочь Л. Н. Толстого А. Л. Толстая и председатель II Государственной Думы Ф. А. Головин. Почетным председателем был избран В. Г. Короленко, общепризнанным же руководителем стал Н. М. Кишкин, врач-физиотерапевт, в прошлом один из лидеров партии кадетов, бывший министр государственного призрения во Временном правительстве.

Принцип деятельности ВОКПГ был сформулирован в редакционной статье № 1 бюллетеня «Помощь»: «Мы остались верными своим старым знаменам и идеалам, за которые мы разными методами боролись». И далее: «...прежде, чем спорить о формах общественного и государственного устройства России, нужно сохранить живые силы, мы решительно отвергаем лозунг: чем хуже, тем лучше».

Комитет просуществовал чуть больше месяца. Но даже за этот короткий срок удалось создать отделения во многих городах страны, начать сбор средств. По неполным сведениям, имевшимся в распоряжении ВОКПГ, с 28 июля по 13 августа 1921 года было собрано внутри страны около 60 миллионов рублей деньгами и на 300 миллионов рублей одежды, продовольствия и медикаментов. Это была небольшая сумма (цена на пуд ржаной муки в голодающих и частично голодающих губерниях колебалась в это время от 100 до 200 тысяч рублей), но каждый день работы Комитета приносил увеличение пожертвований. (К 25 августа было собрано уже 100 114 678 рублей деньгами.)

Одновременно самый факт существования в Советской России независимого общественного комитета и его обращение к загранице помогли развертыванию широкой кампании помощи на Западе, где ВОКПГ сразу был признан многими частными, общественными и государственными организациями. Некоторые из них единственным условием оказания помощи голодающим в России ставили оказание этой помощи через ВОКПГ.

Власть, встревоженная размахом деятельности Комитета, 27 августа 1921 года распустила его, обвинив в попытке «использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контрреволюции».

Часть арестованных членов ВОКПГ была выслана из Москвы (из ссылки некоторые впоследствии были изгнаны за границу), большинство было быстро освобождено. По некоторым сведениям, Прокоповича, Кускову и Кишкина от смерти спасло лишь заступничество Ф. Хансена, поставившего условием помощи голодающим сохранения жизни основателям ВОКПГ. Тон советской печати по отношению к ВОКПГ на многие годы был определен Лениным: «На сотни ладов высмеивать «Кукиш» [...] Из всех сил высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев».

Решение о разгоне ВОКПГ, на котором особенно настаивал Ленин, было вызвано не только боязнью развития независимой от государства общественной силы, но и тем, что к середине августа уже прояснилась готовность США, а также ряда европейских и международных общественных организаций помогать России, минуя ВОКПГ.

С 1921 по 1923 год Россия получила из-за границы в качестве безвозмездного пособия 42 324 860 пудов разных грузов. Почти все они исходили

от АРА и так называемой Миссии Нансена, то есть организаций, согласившихся на участие в помощи без посредничества ВОКПГ. Не вызывает сомнений, что если бы власти разрешили деятельность ВОКПГ и Церковного комитета, то количество организаций, помогающих голодающим в России, значительно расширилось бы. Соответственно выросли бы и размеры этой помощи.

В. Г. Коропенко назвал отношение властей к деятельности общественности по организации помощи голодающим «худшим из политиканства, правительственным политиканством». Эта характеристика кажется нам вполне справедливой, но все-таки не исчерпывающей. Ответ на многие возникающие вопросы может быть дан только после детального исследования причин голода, его последствий, борьбы с ним — исследования, необходимость которого очевидна.

Публикуемые воспоминания освещают работу одной из секций Комитета — студенческой. Она разделила судьбу Комитета во всем, в том числе и в советской историографии. Фальсификация началась уже в 1922 году, когда в печати появились утверждения, что участие в борьбе с голодом приняли только студенты младших курсов и в основном представители крестьянства и пролетариата, да и то лишь в конце 1921 года.

Воспоминания написаны в начале 1960-х годов.

Начался голод.

При встречах друзей, знакомых, как правило, на вопрос «Как ваше здоровье?» в лучшем случае отвечали: «Ничего, слава Богу, хudeю», а в худшем: «Плохо, начал пухнуть».

Трудно забыть день моего рождения, когда близкие друзья по традиции решили отметить этот день в кафе Филиппова. Соединив несколько столов, мы сели за заказанный скромный обед, но, увы, оказались не одни: за нашими стульями без шума встали люди с худыми и даже опухшими лицами. Даже в это время их трудно было представить без фраков. Когда мы закончили первое, то они попросили разрешить им доесть остатки в тарелках и, получив разрешение, стали вылизывать их. Это было так тяжело, унижительно нам, что мы встали, передав им оставшее заказанное, и ушли из кафе в тревожном состоянии.

Впервые в истории Москвы официально было признано властями, что собачье мясо годно для еды, и тушки собак лежали рядами на столах в Охотничьем ряду, лежали в шкурках, чтобы видели, что продается собачье мясо. Центральные газеты печатали о возможности его потребления.

И снова, как на Руси бывало не раз в годы народных бедствий, нашлись люди, которые объединились,

создав организацию под названием «Комитет помощи голодающим», сокращенно — «Помгол», а в широких народных кругах в шутку называемую «прокукиш» — по первым буквам трех фамилий организаторов этого комитета: Прокопович, Кускова, Кишкин.

Рост организации шел неизмеримыми шагами. Сначала откликнулись Москва и Петроград, а за ними один за другим стали присоединяться другие города, по часам превращаясь в грозную силу — даже против голода.

Студенчество как наиболее молодая и чуткая часть населения не отстало от общего движения и со всей присущей ему энергией создавало по своим вузам комитеты помощи голодающим. В несколько недель мне, бессменному председателю студенческих организаций, удалось объединить студентов более чем сорока вузов разных городов.

С окраин страны, в особенности с Поволжья, поступали все более тревожные сведения о голоде. Чтобы полнее выявить районы, охваченные голодом, узнать, куда быстрее и в каком количестве направлять продукты, президиум Помгола делегировал в районы от Поволжья до Ташкента специальную комиссию. В число членов этой комиссии был включен и я как представитель студенчества. Чем

дальше удалялись мы от Москвы, тем все более и более мы сталкивались на станциях железной дороги с человеческим горем.

Наиболее страшную картину голода мы встретили на станции Сырт Оренбургской железной дороги. Население из близрасположенных деревень вышло и вынесло все свое имущество на станцию. Образовав большой полукруг около остановившегося поезда, люди смотрели голодными, умоляющими глазами, взывая о помощи. Крестьяне в большинстве уже не стояли, а сидели согрившись и даже лежали с опухшими лицами около своих самоваров, подушек и всего, что еще осталось у них из имущества, за что можно получить кусок хлеба. Один из членов нашей комиссии взял в дорогу небольшую черненькую собачку и — весьма не тактично — вышел с ней на прогулку. Когда он опустил ее на землю, то целая толпа опухших бородатых мужчин бросилась, именно бросилась на нее с неожиданной для нас быстротой и тут же разорвала ее на куски, выхватывая друг у друга куски мяса, перемешанные с шерстью и кровью. Они доедали это с такой быстротой, что все происшедшее показалось сном, и лишь на лицах, на руках, на губах еще не смытая кровь собачонки указывала на реальность.

Комиссия отправила телеграмму о срочной посылке сюда продовольствия.

На всех остановках нашего длинного пути мы встречали у вокзалов поленицы голых трупов в самых страшных положениях, хоронить не успевали. На станции Оренбург поленицы трупов в особенности бросались в глаза, поскольку они были расположены по обе стороны вокзала, — администрация железной дороги как будто хотела показать проезжающим всю безысходность, все горе русское, чтобы оно не забывалось. Состав наш без предупреждения двинулся от вокзала на запасной путь, и когда он отошел, то между рельсами увидели труп разрезанного человека. Эта неожиданная смерть не произвела впечатления, даже не собрала кучки зевак, которые в таких случаях всегда появляются, и только два носильщика подошли с носилками к останкам бывшего человека, уложили на носилки, подмели мет-

лой, где была кровь, закрыли носилки брезентом. Все снова стало, как прежде. Через несколько часов я возвращался из города к своему поезду и, когда подходил к вагону, обратил внимание на женщину, хорошо одетую, средних лет, которая как-то странно оглядывалась по сторонам, опасаясь, чтобы ее никто не увидел. Когда она скрылась за вагоном, я прошел за ней, чтобы взглянуть, что заставило ее так насторожиться, скрываться от людей: женщина, наклонившись около уборной, торопливо хватала рукой еще не остывший кал и с жадностью, торопливо глотала его.

Стало стыдно, нет, больно, очень больно за себя, за всех, кто довел до такого состояния человека.

Поезда, двигавшиеся на юг, в Ташкент, брались с бою. Голодающие забирались на крыши вагонов, забивали своими телами буфера, проходы, поэтому на всем пути к хлебу, к теплу валялись трупы, трупы людей, упавших с крыш, раздавленных буферами.

Несчастье людей в стране всколыхнуло, подняло на ноги все общественно ценное, активное, мобилизовало, превратило в грозную силу, которая уже выливалась в такую мощную организацию, что в своем росте она начала пугать правительственную партию.

27 августа было собрано заседание всех членов Помгола для заслушивания доклада заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова о наших продовольственных возможностях. Делегаты, собиравшиеся на днях ехать за границу, явились все в праздничных костюмах, чтобы подчеркнуть важность возложенной на них общественной задачи.

Во время доклада Брюханова, в 23 часа, здание на Собачьей площадке было окружено войсками ВЧК. В комнату заседания вошла группа чекистов, впереди — руководитель этой операции Самсонов, человек небольшого роста, энергичный, с орденом Красного Знамени на груди. Он предложил из комнаты никому не выходить. Брюханов, еще не окончивший своего доклада, уехал на автомашине, отвезены были по своим квартирам В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов и еще некоторые. Остальные были задержаны до выяснения. Среди нас оказался американский журналист,

который, вынув блокнот, засекал время своего ареста, а через сорок минут стал стучать карандашом по столу. К нему подошла секретарь Кишкина, хорошо владевшая английским языком. Она выяснила, что он протестует против задержания его свыше сорока минут без предъявления обвинения, а это по американским законам недопустимо, и передала Самсонову содержание протеста американского журналиста, предложив себя в переводчицы. Самсонов отстранил ее, подошел к журналисту, выслушал его, мило улыбнулся и на отличном английском языке извинился, что не заметил времени задержания. Написал тут же, стоя, пропуск и приказал отвезти журналиста на машине в гостиницу, где тот проживал.

Мы, представители студенчества, втроем находились вместе в стороне, ожидая своей очереди.

Мимо нас проходит раз, другой В. П. Брауде, проводившая операцию вместе с Самсоновым. Брауде, с которой я был хорошо знаком, заметила меня и скрылась в комнате Самсонова. Я предупредил товарищев, что сейчас меня вызовут, поскольку она меня узнала. И действительно, подошедший охранник, спросив мою фамилию, рассеял сомнения. Когда я вошел в соседнюю комнату, там находился Самсонов. Брауде сидела ко мне спиной. Я сделал ей замечание, чтобы она повернулась лицом, ибо я знаю, что это ей я обязан вызовом в кабинет вне очереди. Самсонов предложил мне сесть и спросил, как я попал в это общество и какое отношение имею к манифесту, выпущенному студенческой организацией. Я ответил, что являюсь представителем студенчества в Помголе, как представитель студенческой секции являюсь автором манифеста и первым его подписал.

Самсонов вынул из портфеля газету, в которой был опубликован манифест, призывавший студенчество

организовывать в вузах комитеты помощи голодающим и активно помогать сбору средств. Убедившись, что я сказал правду, он дал сигнал увести меня в комнату арестованных, куда вскоре привели Левина и Головачева.

Вскоре совместно с другими нас доставили в «собачник» внутренней тюрьмы на Лубянке. «Собачник» — самая большая камера в нижнем этаже Внутренней тюрьмы ВЧК. В нее поместили около ста человек, в том числе десять женщин, которым мы сами отделили угол, отгородив его одеялами.

Утром следующего дня Е. П. Пешкова как председатель Политического Красного Креста прислала всем арестованным персональные передачи, в которых было предусмотрено все необходимое для заключенного.

Время в камере было распределено по графику, выработанному и утвержденному всеми находившимися здесь. Читались по программе лекции и доклады, проводилось их обсуждение.

Так началось следствие над людьми, преступление которых состояло единственно в том, что они со всей искренностью, со всей энергией объединялись для оказания помощи голодающим своей родины. Да! Так быстро создать мощную организацию по всей стране, — конечно, это было преступление, этого было уже достаточно, чтобы нас, наиболее активных, посадили в тюрьму.

Ликвидация Комитета, арест его руководителей вызвали на Западе и в Америке большой шум, и наше правительство пошло на уступки: всем заключенным было объявлено, что те, кому не нравится жить в Советском государстве, могут подать заявление о разрешении выехать за границу.

Из нас, троих студентов, лишь один Вадим Головачев выехал за границу, а мы с Левиным остались.

Ж. Уманская, учительница московской школы № 57

Как на яблоне вырос финик

Четыре года в школе растет дерево, породу которого установить никак не удастся. Объясню, почему садовые аналогии: предположим, что мы покупаем саженец. Продавец уверяет — яблоня. Сажаем и ухаживаем так, как велят инструкции и методы по уходу за яблонями, но вдруг замечаем, что крона не та, форма листьев — другая, плодов пока не видно: то ли финик, то ли лимон, то ли бог знает что. Как ухаживать, как поливать? Вроде и хорошо, что экзотика какая-то выросла, но что с ней дальше-то делать?

Итак, в роли яблонь — идея, довольно банальная, что детям должно быть интересно учиться. Откуда тревога в школе, имеющей интеллектуальный имидж? Откуда сквозняк? Из среднего звена! Обычные дети обычных родителей «родного» микрорайона тихо и мирно, а иногда и не очень, сосуществовали (кстати, так приятно писать и говорить это в прошедшем времени), точнее, жили в параллельном мире, в том же здании ныне Знаменского переулка. Единичным счастливым удавалось поступать в спецклассы, а остальные «доживали свой век» в классах «А». Если подбирался коллектив детей из добропорядочных семейств, то «ашники» с удовольствием посещали школу, дабы пообщаться со сверстниками, попеть под гитару песни казспэшного, Б. Г.-шного или иного репертуара. Если класс получался буйный, могли возникать трения со «спецами». Но в общем не обремененные избыточным количеством уроков «А»-классы «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». «Микрорайонные» дети, приписанные крепостным правом (в данном случае в их пользу), обучаются по месту жительства.

И не принципиально, где эта школа расположена, на Покровке или в Митино, педколлектив лишен права выбора: брать или не брать. Если родитель пожелает, то только брать. Ассортимент класса получается богатейший: от, простите, дебила до вундеркинда. Как хотите, так и обучайте их в одном коллективе с первого до девятого класса. В начальной школе контраст сглаживается малым возрастом, а среднее звено — это уже гремучая смесь, мина замедленного действия, безумство темперамента и энергии, которые необходимо обуздывать, иначе этот юный параллельный мир разнесет школу по кирпичику, пока интеллектуалы решают свои задачки и грызут латынь.

Итак, повторю идею, ту, что сажали в местную почву и данный климат: детям должно быть хорошо и интересно, в их портфелях и зюкзачках рядом с трубочками для плеванья, булавками с пластилином и прочими средствами общения должны появиться цветные карандаши, гербарии, магниты и другой учебный мусор. Чтобы шли они на уроки, а не курить в соседний подъезд или «шакалить» на стройку-реставрацию Пушкинского музея и Дома Пашкова.

Если выражаться туманно научно, то четыре года назад в школе начался эксперимент: разработка программы для интегрального преподавательского курса, включающего три направления: естествознание, история, художественное творчество (перечень дан по алфавиту, а не по значимости). Первоначальные требования к результатам проекта весьма просты: у детей должны быть заняты руки, языки и головы; в школе должно стать поспокойнее. Я, конеч-

но, сильно утрирую, но предполагалась обратная пропорциональность между положительной мотивацией учебной деятельности и количеством битых стекол, синяков и прочего.

Основа курса — идея эволюции Вселенной и человека. А посему собралась разношерстная команда учителей различных специальностей: художники, географы, биологи. Всем посаженный дичок понравился — и детям, и педагогам, и даже суровым родителям.

Мы рассказывали, кто что знает, дети задавали вопросы, мы отвечали, придумывали для них новые задания и рисовали свои собственные, «самиздатовские» тетрадки-учебники. Но подвох заключался в том, что пятый класс — это возраст сформулированных и близких к этому состоянию вопросов, на которые требуется немедленный ответ: сейчас или никогда, потом будет уже неинтересно и тебя просто не услышат с твоим запоздалым ответом. Плюс дети приходят из начальной школы от одной-единственной учительницы с готовой установкой: учитель знает все! Они не дифференцируют нас на предметников — учителей французского или физкультуры, постановка вопроса другая: или ты отвечаешь, или нет. Стрельба наоборот: не пуля к мишеням, а мишень вслед за пулей. Иначе вопрос повиснет в воздухе, и не возникнет желание спросить что-нибудь еще. Система снежного кома:

один удачный ответ вызывает десять вопросов, и тогда начинается диалог.

Это тяжелый раунд — объяснять абстрактные понятия доступным языком. Всем преподавателям пришлось сесть за учебники по своей специальности, да и по смежным дисциплинам тоже. Из яблони начал расти финик. Мы собирались просто отгородить дикое племя кочевников красивым забором, дабы они не нарушали покой цивилизованных соседей. В итоге же началось строительство нового города, нового сада.

Системный, интегральный подход развивает учащихся, позволяет сильно расширить программу проекта в седьмых — восьмых классах, но по уровню сложности она будет рассчитана уже не на всех подряд (с чего начинали), а на тех, кто может и хочет учиться. Появляется соблазн уйти от всеядности, всеохватности и других «все-» и «обще-». Программа получилась интересной, насыщенной, глубокой, но... не для всех. Вернулись к тому, с чего начинали: за бортом люди, тонут, надо спасать. Выход есть: раздел параллелей на два потока — сильный и слабый, с разными уровнями сложности заданий и требований. Но это уже следующий эксперимент. А пока — что выросло, то выросло!

Р. С. от редакции: готовим к публикации в ближайших номерах подробный рассказ о проекте.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

А. Пельтцер

Гармония мира

Первые попытки объединить музыку и астрономию были предприняты еще пифагорейцами. Они считали, что расстояния между светилами соответствуют музыкальным интервалам: от Земли до Луны — один тон, от Луны до Меркурия — полутон, от Меркурия до Венеры — полутон, от Венеры до Солнца — полто-

ра тона и далее: тон — полутон — тон до сферы неподвижных звезд, отстоящей от Земли на октаву. Музыкантам этот звукоряд с небольшим изменением известен как дорийский лад. В древности была предложена и мера длины, соответствующая одному тону, — в современных единицах она равна около двадцати тысячам

километров. Считалось, что при вращении каждая сфера издает музыкальный тон, а вся система сфер образует гармонию — «музыку сфер». Люди на Земле не слышат этой небесной симфонии лишь потому, что привыкли к ней с рождения и ее замечают ее...

Известный английский астроном и философ Томас Браун в 1642 году, том самом, в котором родился Ньютон, писал: «Музыка есть повсюду, где есть гармония, порядок, пропорция, и до сих пор мы можем считать, что существует музыка сфер, так как упорядоченные движения и правильные интервалы, хотя и не воспринимаются слухом, но исполнены гармонии для нашего разума». Идеи пифагорейцев о всеобщей мировой гармонии имели большое влияние на творчество Кеплера. Теперь настало время рассказать немного о его жизни.

Иоганн Кеплер родился 27 декабря 1571 года в Вейле, на юге Германии, в семье разорившегося малограмотного дворянина Генриха Кеплера и его жены Катаринны. Грубые ссоры между родителями отравляли детство юного Иоганна. Он был хилым, болезненным и, видимо, нервным ребенком. Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, если бы не помощь и покровительство деда, жившего в городке Леонберге. Здесь же молодой Кеплер начал ходить в школу, научился читать и писать.

После начальной школы любознательный мальчик продолжает учиться при монастыре (1582—1588), где его способности замечают образованные монахи и переводят как «подающего большие надежды» в Тюбингенскую семинарию (1589). По окончании семинарии в 1591 году двадцатилетний Кеплер получает звание учителя и поступает в Тюбингенскую академию (позднее преобразованную в университет).

Поначалу Кеплер стал готовиться к богословской деятельности, но смелость его мыслей в сочинениях на «божественные темы», независимый характер и необычная одаренность привели руководителей академии к выводу, что Кеплер — человек беспокойный и не обладает качествами хорошего богослова. Заметив изменившееся к себе отношение, Кеплер

решил, что лучше расстаться с богословием и «прославлять Бога в Астрономии». К этому же периоду относится его дружба с человеком, о котором позже Кеплер скажет: «Я обязан ему всем...», с профессором астрономии и математики Михаилом Местлином (1550—1631). Местлин познакомил Иоганна Кеплера с теорией Коперника, помог ему в изучении математики и астрономии. Кеплер сохранил любовь и уважение к своему наставнику и другу и очень переживал, что не может достойно отблагодарить его за уроки. В 1593 году он уже преподаватель математики гимназии города Граца, а через год — и астрономии.

Первым научным трудом молодого Кеплера был «Календарь на 1594 год», изданный в Граце. В эти же годы Кеплер приобретает известность и как астролог. Интересно высказывание Кеплера, из которого видно, какую роль он отводил астрологии. Вот оно: «Чтобы ищущий истину мог свободно предаваться этому занятию, для него необходимы, по меньшей мере, пища и помещение. У кого нет ничего — тот раб всего, а кому охота идти в рабы? Лучше издавать альманахи с предсказаниями, чем просить милостыню. Астрология — дочь астрономии, хотя и незаконная, и разве не естественно, чтобы дочь кормила свою мать, которая иначе могла бы умереть с голоду». «Незаконная дочь» давала Кеплеру пропитание и кров. А «мать» — астрономия? В 1597 году выходит в свет первое научное сочинение Иоганна Кеплера под названием «Предвестник космографических исследований, содержащий космографическую тайну об удивительном соотношении пропорциональности небесных кругов, о причине числа небес, их величинах, о периодических их движениях, общих и частных, — объясненную из 5 правильных геометрических тел».

Сочинение Кеплера вызвало сочувствие у таких крупных ученых того времени, как Г. Галилей и Т. Браге. Последний даже пригласил Кеплера в Прагу, в свою обсерваторию, надеясь, что одаренному математику окажется под силу осуществить анализ фактических данных, накопленных за десятилетия наблюдений. К сожалению, через год совместной работы Браге скончался.

Кеплер становится обладателем бесценных астрономических материалов. Среди них и точнейшие данные о планете Марс, анализ которых привел Кеплера к установлению двух важнейших законов природы — первый и второй законы Кеплера. Оба закона были изложены в трактате под названием «Новая астрономия», который вышел в свет в 1609 году. Кроме своих поистине революционных трудов, Кеплеру приходилось заниматься и рутинной работой над заказом императора Рудольфа Второго по составлению так называемых «Рудольфовых таблиц». Эти таблицы служили основой для точных вычислений положений планет, а также использовались в практике для геодезических и навигационных целей.

Более двадцати лет напряженно, титанического труда потратил Кеплер на установление своих великих законов. Когда в 1619 году в книге «Мировая гармония» он опубликовал свой последний, третий закон, ученый не удержался от хвалебного гимна: «Вы, Солнце, Луна и планеты, восславьте Его на своем неизъяснимом языке...». Заканчивая этот краткий набросок биографии Кеплера, следует упомянуть и о том, что он стал предтечей создания интегрального исчисления, зачатки которого были даны в его работе «Стереометрия винных бочек»; занимался Кеплер также и проблемами оптики и механики. Был блестящим популяризатором и едва ли не первым научным фантастом. Ему принадлежит книга под названием «Сон» (1610), в которой он смело предвосхитил путешествие людей на Луну и описал явления, которые откроются наблюдателю, находящемуся на лунной поверхности... Смерть застала великого Кеплера в Регенсбурге 15 ноября 1630 года, куда он прибыл в надежде получить плату за составление императорских таблиц.

В своем знаменитом «Предвестнике...» Кеплер делает попытку связать расстояния между планетами с параметрами платоновых тел, вписанных в сферы соответствующих планет. В книге Кеплера есть чертеж, из которого видно, каким он представлял себе механизм, ведающий размещением планет. Вокруг Солнца описан шар, по которому движется Сатурн. В шар вписан куб, а в куб

этот — снова шар, который определяет собой орбиту Юпитера. Если в этот меньший шар вписать тетраэдр, а в него — опять шар, то получится орбита Марса. Так, по Кеплеру, и надо продолжать вписывать в шары правильные многогранники, а в них — снова шары. Тогда между Марсом и Землей окажется додекаэдр, между Землей и Венерой — икосаэдр, а Венеру и Меркурий разделит октаэдр. Через четверть века Кеплер снова возвращается к анализу планетных расстояний и пишет, как мы уже упоминали, свое выдающееся сочинение «Мировая гармония», в котором он развивает пифагорейскую концепцию «музыки сфер»...

С тех пор, как пифагорейцы предположили, что в движениях планет звучит ни на миг не смолкающая многоголосая музыка, воспринимаемая разумом, а не слухом, многие их последователи, начиная с Платона, пытались строить различные числовые и музыкальные конструкции Вселенной, пытаясь постичь божественный замысел. Платон в диалоге «Государство» писал, что «на каждой из небесных сфер сидит Сирена, издающая особый тон, и все восемь тонов составляют особого рода гармонию». Попутно он подметил и социально-нравственный аспект музыки. Платон считал, что всего более следует опасаться какой-либо перемены в музыке. В государстве нет худшего разрушения нравов, чем постепенный отход от музыки стыдливой и скромной (очень актуальное замечание на сегодняшний день!).

Витрувию, знаменитому архитектору начала христианской эры, было известно сравнение музыкальных интервалов и геометрических пропорций. Так, например, он сравнивал октаву с отношением угла правильного шестиугольника (60:120, или 1:2), квинту — с соотношением угла правильного треугольника к углу правильного четырехугольника (60:90, или 2:3), кварту — с соотношением угла правильного четырехугольника к углу правильного шестиугольника (90:120, или 3:4). Витрувию также принадлежит наблюдение, связанное с пропорциями человеческой фигуры и музыкальными интервалами; отношение 5:8, или большая терция, соответствует верхней и нижней частям туловища в мужской фигуре, а 3:5,

или малая терция, соответствует соотношению верхней и нижней частей туловища в женской фигуре.

Одним из замечательных, но малоизвестных ученых был Ретик, ученик Коперника. Он с восторгом принял эстафету пифагорейского учения о гармонии, в частности о связи числа и музыки, музыки и астрономии. Он писал: «...следовало бы пожелать, чтобы в построении гармонии движений они (ученые) подражали музыкантам, которые, увеличивая или уменьшая натяжение одной струны, с величайшей заботой и тщательностью составляют и настраивают звучание всех остальных до тех пор, пока все они вместе не представят желаемого консонанса и ни в какой из них не будет замечено ничего диссонансирующего». Может быть, и сам Коперник считал, что законы движения планет сродни законам музыкальной гармонии? Возможно, что это действительно так, хотя сам он в своих печатных трудах нигде об этом не упоминает.

У Ретика, этого ближайшего ученика Коперника и издателя его последней и главной книги, мы находим и другую замечательную идею пифагорейцев о том, что в основе мироздания лежат некоторые особенные, «избранные» числа. Главное среди них — число шесть. Недаром же существует шесть планет, ни больше ни меньше — столько было известно в те времена. «И кто же смог бы выбрать другое число, более удобное и достойное, чем шестерка? — восклицает Ретик. — И можно ли было легче убедить смертных, что именно на это число сфер бог, мастер и создатель мира, разделит Вселенную? Ведь это число больше всего прославляется и в священных оракулах бога, и у пифагорейцев и остальных философов. Да и что может быть более подходящим для божественного творения, как не заключить это первое и совершеннейшее создание в это первое и совершеннейшее число?». «К этому нужно прибавить, — продолжает Ретик, — что при помощи шести вышеупомянутых подвижных сфер завершается небесная гармония, где все сферы следуют одна за другой по такому закону, что между каждым двумя сферами не остается громадного промежутка и каждая определенная геометрическая сфе-

ра сохраняет свое место так, что если ты попробуешь какую-нибудь из них сдвинуть с места, то разрушишь и всю систему». Возможно, что устами Ретика здесь говорит Коперник, не рискнувший в силу определенных причин раскрыть свое тайное мировоззрение. Коперник еще раз напоминает грядущим поколениям о том, что «звучание» планет надо настраивать по Солнцу. В этом и заключается музыкальная гармония Вселенной.

По поводу числа планет у Ретика были и оппоненты. Франческо Зиччи — средневековый астроном и астролог, обосновывая Солнце и шесть планет, писал: «В голове животных зияют семь отверстий, или окошек, через которые воздух вступает в хранилища тела, дабы освещать, согревать и питать ее. Эти окна: две ноздри, два глаза, два уха, один рот. Точно так же и в небе сияют две благоприятные звезды — Юпитер и Венера, две светимые — Солнце и Луна и одна неопределенная и посредственная звезда — Меркурий, две немилостивые — Марс и Сатурн. Известно затем, что существуют семь металлов, семь дней недели и т. д. Отсюда, равно как и из множества других явлений природы, исчисление которых было бы обременительно, мы усматриваем, что и планет должно быть непременно семь». Таково в общих чертах было положение в астрономии накануне прихода в нее Кеплера. Схоластические аргументы чередовались ссылками на господа бога, суеверия, приметы и прочее.

Подход Кеплера был несравнимо более глубоким и плодотворным, чем у его предшественников. Он считал, что гармонические созвучия, из которых построена музыка сфер, можно обнаружить при надлежащем «переводе» особенностей движения планет на ноты. Наделяя каждую планету собственным звукорядом и придавая этим музыкальным фразам особый смысл, Кеплер в конечном счете пришел к своему знаменитому третьему закону. Это не помешало ему придавать попутно музыкальным фразам мистический смысл, например: «Земля поет ноты MI, FA, MI, откуда можно догадаться, — пишет он в «Мировой гармонии», — что в нашей юдоли царит МИзерия (бедность) и ФАмес (голод)».

Попытаемся теперь восстановить ход мысли Кеплера при выводе его великого закона. Он попытался сопоставить периоды обращения планет с их расстояниями от Солнца. Если выразить периоды обращения планет вокруг Солнца в относительных величинах, приняв земной год за единицу, то для Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна получится следующий ряд чисел:

0,24; 0,615; 1,00; 1,88; 11,86; 29,457.

Далее, в такой же относительной мере можно записать и расстояния пла-

нет от Солнца, взяв за единицу полуось земной орбиты:

0,387; 0,723; 1,00; 1,524; 5,203; 9,539.

Возведя числа первого ряда в квадрат, а другого — в куб, можно убедиться, что новые ряды совпадают. Квадрат периода обращения:

0,058; 0,378; 1,00; 3,54; 140,7; 867,7;

куб среднего расстояния:

0,058; 0,378; 1,00; 3,54; 140,8; 867,9.

«Ноты» первого ряда совпали с «нотами» второго ряда. Раздались первые аккорды величественной симфонии небесной механики. Мир обрел гармонию!

ВЫПУСКНОЙ КЛАСС

*И. Андрианов,
доктор физико-математических наук,
член-корреспондент АН ТУ Украины*

«Теоретическая» и «строгая» математика: новый раздел родился?

До последнего времени у меня регулярно возникал вопрос: какой, собственно, наукой я занимаюсь? Формально — механикой твердого деформируемого тела, одним из разделов физики. Однако я со школы как-то не очень любил физику, и слова «физический смысл» повергали меня в уныние, а так называемые физические пояснения казались затемняющими истинную суть процесса. То ли дело — выведено уравнение, описывающее данное явление, его надо решить и посмотреть, что же действительно происходит! И в своей профессиональной деятельности я старался следовать этому идеалу.

Значит, я математик? Но математик — это тот, кто доказывает теоремы, а в моих работах таких доказательств нет, да и не лежит у меня к подобным вещам душа (может быть, потому, что по знаку Зодиака я — овен).

Не скажу, что этот вопрос не давал мне спокойно спать, хотя иногда он вставал и в практической плоскости. Например, на защите моей докторской диссертации (по механике деформируемого твердого тела) один из оппо-

нентов проворчал: «Ох уж эти математики, чего им заниматься механикой!» И пришлось срочно доказывать, что нет, здесь не математика, это же чистой воды механика! Вот почему появление статьи Артура Джаффе и Фрэнка Квина «Теоретическая математика»: к культурному синтезу математики и теоретической физики» в «Бюллетене Американского математического общества» стало для меня настоящим праздником, которым я хочу поделиться с читателем, пересказав основные положения этой работы и приведя некоторые собственные соображения.

Первое, что предлагают сделать Джаффе и Квин, — разделить, разумеется условно, современную математику на «теоретическую» и «строгую». К первому разделу относятся, например, работы большей части физиков-теоретиков, которым приходится решать сложные математические задачи, а иногда и создавать новые математические теории; ко второму — работы профессиональных математиков.

Такое разделение выглядит гораздо естественнее, чем разделение на

«чистую» (от чего?) и «прикладную» (к чему?) математики. Аналогично отпадает необходимость в странном словосочетании «математическая физика». Обусловлено же такое разделение не только возрастающей — во всех отраслях человеческой деятельности — специализацией, но и тем обстоятельством, что получение абсолютно строгих, полностью доказанных во всех пунктах математических результатов — процесс долгий, а современные естественные науки развиваются быстро.

До недавнего времени как математические спекуляции, так и их проверка путем доказательств, осуществлялись, как правило, одними и теми же людьми. Подобно этому в физике длительное время не было разделения на теоретиков и экспериментаторов, и считалось само собой разумеющимся, что свои теоретические рассуждения нужно самому же подтверждать опытом. Первая чисто теоретическая работа по физике на соискание степени доктора философии была защищена в США лишь в 1917 году, да и то она содержала экспериментальное приложение, без которого у автора могли возникнуть проблемы при защите.

Сейчас же теоретики и экспериментаторы — два четко очерченных лагеря в физике, и число работающих в пограничной зоне исчезающе мало. Разумеется, теоретики и экспериментаторы не могут существовать друг без друга: хороший эксперимент невозможен без теории, а эксперимент служит для теории верховным судьей. Точно так же строгая математика служит верховным судьей математических спекуляций теоретической математики, поскольку лишь строгое доказательство может обосновать полученные результаты и указать область их применимости, оградив частоклолом из контрпримеров.

Это вполне очевидные вещи, но авторы статьи идут дальше и высказывают очень интересную, на мой взгляд, мысль. Бесспорно, физический эксперимент служит верховным арбитром в конкуренции физических теорий, осуществляя их «естественный отбор». Однако для многих современных физических теорий, — например, о существовании параллельных миров или о возникновении Вселенной — постановку решающего эксперимента

трудно себе представить, по крайней мере в настоящее время. В этих условиях математическое доказательство правильности теоретических спекуляций может играть роль своеобразного экспериментального подтверждения. Иными словами, «строгая», «доказывающая» математика оказывается экспериментальной для математики «теоретической». В этом, кстати, существенное отличие от взглядов многих «прикладных математиков». Последние, как правило, принижают роль доказательств и отводят им место только где-то в обоснованиях математики, не имеющих отношения к работе «практикующего математика».

Конечно, стоя на платформе разделения математики на теоретическую и экспериментальную, приходится опираться на принцип «все математически разумное (то есть доказуемое) существует». Но лично мне этот принцип кажется подтвержденным опытом развития физики, достаточно вспомнить хотя бы работы Дирака только в качестве примера. С этой же точки зрения красота теории должна во многом основываться на возможности ее строгого математического обоснования, а внутреннее обоснование — на доказательствах непротиворечивости математических спекуляций.

«Ну и что из всего этого следует?» — вправе спросить читатель. Не является ли все изложенное выше схоластическими рассуждениями, из которых нельзя извлечь никакой реальной пользы? На взгляд авторов статьи — нет, поскольку практические выводы напрашиваются сами собой. Первое — нужно четко признать существование теоретической математики, причем не как некоей математики второго сорта — такую роль играет сейчас прикладная математика, — а как вполне полноценного раздела математики. Далее, работы данного типа должны быть четко выделены как по разделам, так и по терминологии (например, слово «теорема» следует заменить словом «гипотеза»).

Второе (это уже мое мнение): все вышесказанное лишний раз подтверждает необходимость создания специального курса математики для физиков и инженеров, и именно как теоретической математики (естественно, с упоминанием о наличии строгих доказательств и демонстрацией некоторых простейших дедуктивных

рассуждений). Такой курс должен писаться именно математиком-теоретиком, причем вовсе не обязательно, чтобы предмет представлял собой просто общипанный и урезанный курс математики для математиков. К сожалению, большая часть современных учебников математики для технических вузов именно такова.

В определенном смысле пользователи математики должны знать математику лучше самих математиков. (По крайней мере, в смысле «где что лежит» и чем можно воспользоваться в той или иной ситуации. Подобные знания многим занимающимся какими-либо узкими вопросами математики просто ни к чему.) Поэтому перестройка, скажем, вузовского курса математики не должна идти за счет сокращения каких-либо тем, а за счет радикального изменения самого подхода и в первую очередь отказа от его современного дедуктивного ха-

рактера. Читают же физику теоретикам и экспериментаторам по-разному!

Авторы статьи видят в признании разделения математиков на «теоретических» и «строгих» возможность для естественного включения большей части физиков-теоретиков в отряд теоретических математиков. Это открывает дополнительные возможности для синтеза математики и физики, позволяя преодолеть «двусторонний» снобизм. Я имею в виду отношение так называемых «чистых» математиков к математическим по существу работам физиков и ответный снобизм физиков в части роли дедукции в физике.

«Бифуркация» математики уже идет, и чем раньше это будет осознано, тем лучше для всего физико-математического общества. Ну а я наконец могу теперь с гордостью заявить, что занимаюсь «теоретической математикой».

ПРАКТИКУМ

Компьютерные игры

Goblines

Фирма: C. V. S.

Компьютер: XT и лучше

Оценка: 8

Отличная игра для тех, кто не любит торопиться. Сделана она по типу многочисленных QEUST'ов. На каждом этапе вам необходимо найти или сделать НЕЧТО, что откроет вам путь на следующий уровень и в конечном итоге поможет выполнить поставленную задачу «найти и обезвредить» злого демона, терроризирующего короля гоблинов. В этой игре вас будут представлять три гоблина. Первый может брать, отдавать и использовать вещи. Второй умеет колдовать. И наконец, третий умеет драться и лазать по канатам, столбам и т. п. В дороге вам встретится многое: предатель волшебник, чудовища всех мастей и рангов, деревья, пугала и... многое-многое другое. Игра объясняется на нескольких языках, так что проблем у вас с ней не будет.

Управление:
мышинное.

Goblines 2

Фирма: Sierra on Line

Компьютер: AT и лучше

Оценка: 10

В данной версии у короля гоблинов опять возникли проблемы. Чтобы разрешить их, он с помощью волшебника посылает двух своих подданных — Фингуса-дипломата и Винклашутника. Игра унаследовала от Goblines все лучшее плюс VGA-графику. Появилось несколько нововведений: у друзей есть котомки, в которую можно складывать вещи (естественно, их можно и доставать), то есть вещь, взятая на первом этапе, может понадобиться и на последнем. Теперь уровень считается завершенным после прохождения нескольких подуровней. В общем и целом, если вам нравятся Goblines, то понравится и их продолжение.

Управление:
мышинное или стандартное.

European Championship 1992

Фирма: ТЕСМО

Компьютер: АТ и лучше
Оценка: 10

Непревзойденный симулятор футбола. Оценку 10 этому творению фирмы ТЕСМО принесли фантастическая VGA-графика плюс чрезвычайно высокий уровень реализма. В игре много типов голов, которые можно смотреть бесконечно (благо, есть механизм их (голов) save'a). Да и где еще вы увидите мяч в сетке после удара через себя или после удара головой в падении? «Обычные» голы головой в девятку столь повседневны, что быстро надоедают. А как эффектно смотрятся атаки, начатые вашим вратарем и законченные через три паса ударом через себя в девятку.

На полях сего футбола процветает комбинаторная игра, и сделать что-либо в одиночку очень сложно. Но зато назовите мне такой симулятор, где гол можно забить за четыре секунды. (Мой личный рекорд три гола за двенадцать секунд, при счете 2:4 и за восемнадцать секунд до конца матча). В общем и целом, ENJOY FOOTBALL!

Управление:
назначается играющим.

Winter Olympic Games

Фирма: Accolade
Оценка: 8

Это самый лучший симулятор зимних видов спорта. В игре под эгидой

МОК собраны горные лыжи (два варианта), прыжки с трамплина, бобслей, сани, биатлон, лыжные и конькобежные гонки. Игра отличается от других тем, что здесь отсутствует дух соревновательства. Этот недостаток компенсируется отличной VGA-графикой. Но следующий недостаток компенсировать невозможно. Для начала заметим:

1. В этой игре для увеличения скорости используется клавиша ENTER;

2. В биатлоне и лыжных гонках есть подъемы, но есть и спуски, то есть долбить постоянно по «вводу» не надо;

3. На катках нет ни спуска, ни подъема.

Из этих трех пунктов следует главное: после катка можно смело менять клавишу ENTER, поскольку она полностью продавливается или отлетает (в зависимости от типа клавиатуры). Надо также заметить, что игра фиксирует именно нажатие «ввода», то есть даже если вы положите что-нибудь тяжелое на несчастную клавишу, будет зафиксировано однократное нажатие. Если же исключить из «рациона» каток, то игра становится просто фантастичной.

Управление:
стандартное.
ENTER — для ускорения скорости.

Составил А. АДЖИЕВ

Решения задач по истории. Турнир имени М. В. Ломоносова 1993 года

1. 1893 — заключение «Тройственного соглашения» (Антанты).

1793 — казнь Людовика XVI; победа якобинцев над жирондистами.

1593 — Генрих IV принял католицизм и стал общепризнанным королем Франции.

1293 — «Дюденева рать» на Руси; неудача монгольского флота на Яве.

1193 — умер Саладин, кончились победы мусульман над крестоносцами.

1093 — Снд Кампеадор отвоевал у мавров Валенсию.

893 — Снмеон Просветитель стал царем Болгарии.

793 — первый набег викингов на Англию.

493 — Теодорих убил Одоакра и основал королевство остготов в Италии.

107 до новой эры — первое консульство Гая Мария.

2. Рюрик — Игорь Старый — Святослав Воитель — Владимир Креститель — Ярослав Мудрый — Всеволод I — Владимир Мономах — Юрий Долгорукий — Всеволод Большое Гнездо — Ярослав II — Александр Невский — Даниил Московский — Иван I Калита — Иван II Красный — Дмитрий Донской — Василий I — Василий II Темный — Иван III Собиратель — Василий III —

* Задачи турнира имени М. В. Ломоносова — в «Знание — сила», 1994 год, № 3.

Иван IV Грозный. (В этой цепи первое звено сомнительно: родство киевских князей X века с новгородским Рюриком подтверждается только преданиями.)

3. Н. В. Гоголь в своей повести смешал события разных лет. Но ясно, Тарас Бульба погиб до восстания Богдана Хмельницкого (1648 год). Также ясно, что Россия в это время — великая держава, то есть последствия Смутного времени преодолены; значит, действие происходит не ранее 1630 года.

4. Антипатр — наместник Македонии в отсутствие Александра; умер вскоре после смерти молодого царя.

Парменион — старейший из полководцев в свите Александра; был казнен царем по обвинению в заговоре.

Филота — сын Пармениона, казнен вместе с отцом.

Гефестион — ближайший друг и соратник Александра; он умер от болезни раньше своего царя.

Клит — военный воспитатель Александра; убит им в припадке гнева.

Птолемей Сотер — после смерти Александра стал царем Египта, основал династию Птолемеев.

Селевк Никатор — после смерти Александра основал в Сирии и Персии свое царство и династию Селевкидов.

Неарх Критянин — после смерти Александра унаследовал его флот (в Индийском океане) и пропал без вести у берегов Африки.

Эвмен — грек, секретарь Александра; после смерти царя погиб в борьбе с диадохами.

Антигон Одноглазый — после смерти Александра основал свое царство в Малой Азии; погиб в борьбе с другими диадохами.

Кассандр — сын Антипатра; после смерти отца и царя захватил власть в Македонии, перебил семью Александра и погиб в борьбе с другими диадохами.

5. Бич Божий — Аттила, вождь гуннов. Консул Божий — папа Григорий I. Молот Монахов — Томас Кромвель, министр Генриха VIII Английского. Молот Плантагенетов — Филипп II Август, король Франции. Сын Звезды — Симон Бар Кохба, вождь восстания иудеев против Рима в 133 году. Отец правоверных — Абу Муслим, перс, вождь восстания в Халифате против династии Омайядов

в 750 году. Восстановитель мира (Реститутор Орби) — римский император Аврелиан. Изумление мира (Ступор Мунди) — германский император Фридрих II Штауфен.

6. В Египте: Аменхотеп — (Бог) Амен доволен.

Эхнатон — угодный (Богу Солнца) Атому.

В Ассирии: Ашшурбанапал — (Бог) Ашшур сына родил.

В Вавилоне: Навуходоносор — Набу-кудурри-уцур — (Бог) Набу межевой камень поставил.

7. Центральное звено этой цепи — византийский император Ираклий. Он много раз направлял послов в Рим. Мухаммед в 630 году послал Ираклию требование принять ислам.

8. Кеплер жил в Германии и Чехии на рубеже XVI—XVII веков, умер в 1630 году. Его современниками были: в Италии — Галилей и Джордано Бруно; во Франции — Генрих IV, кардинал Ришелье и молодой Декарт; в Англии — Шекспир, Яков I и участники «Порохового заговора»; в Нидерландах — правитель Мориц Оранский; в Польше — канцлер Ян Сапега и гетман Жолкевский; в России — патриарх Филарет Романов и Кузьма Минин; в Молдавии — правитель Михай Храбрый; в Турции — вазирь Синан; в Грузии — правитель Георгий Саакадзе; в Иране — шах Аббас II; в Индии — император Акбар; в Китае — маньчжурский завоеватель Нурхаци; в Японии — сегун Токугава Иэясу.

9. Кремлевская колокольня, прозванная «Иван Великий», была построена при Василии III, потом надстроена — при Федоре I и Борисе Годунове. Свое название она получила от церкви Иоанна Лествичника, построенной в Кремле при Иване Калите и освященной в честь святого — покровителя этого князя.

10. Автобус — производное от двух латинских слов: «ауто» — «сам» и «омнибус» — «для всех». Богатырь — от тюркского слова «боотур», «герой». Князь, как и норвежское «конунг», — от индоевропейского слова со значением «конник». Констебль — от французского «коннетабль», «заведующий конюшней». Это звание во Франции носил командующий конницей — военный министр. Ломбард — из француз-

ского, где это слово в XIV веке значило «ростовщик», «банкир». После изгнания ростовщиков-евреев из Франции при Луи IX Святом их роль переняли выходцы из Ломбардии. Синус — по-латыни значит «бухта». Это был ошибочный перевод арабского слова «джиба» — «бухта» (вместо слова «джейб» — «тетива», которое означало также «синус угла»). Томагавк — английское глагольное производное от ирокезского слова «могоук», которое значило «людоед» и было прозвищем одного из ирокезских племен. Химия — арабское слово; оно произошло от древнего названия Египта (Кемет), откуда арабы переняли эту науку. Ярмарка — немецкое слово «яр-маркт», «ежегодный рынок».

Комментарии к тексту «Армада»

1. Христиане отвоевали Валенсию у мавров в конце XII века.

2. Родриго Диас эль Сид полководец-авантюрист XII века, не связанный с духовно-рыцарскими орденами.

3. Валенсия — порт на Средиземном море. «Армада» вышла в море из атлантического порта Кадис.

4. Догмат о предопределении — важнейший тезис вероисповедания кальвинистов.

5. Англиканская церковь признавала все догмы католичества, не соглашаясь лишь с тезисом о верховенстве римского папы над национальными церквями.

6. Гийом I (или Вильгельм, Виллем) Оранский был не графом, а выборным президентом (статхудером) Голландии и Зеландии. Он погиб в 1584 году, до похода «Армады».

7. Московия (Россия) никогда не подчинялась католической церкви. Царь Иван Грозный (Хуан Безумный) умер в 1584 году, до похода «Армады».

8. Москву сожгли в 1571 году не турки, а крымские татары (хотя Крым тогда был вассалом Турции).

9. В конце XVI века Смоленск был владением Москвы (с 1510 года). Поляки вновь захватили его в 1611 году — в Смутное время.

10. Герцог Пармский Александр

Фарнезе не был адмиралом; в 1588 году он был наместником Филиппа II в Нидерландах, ему подчинялись девять южных провинций (Фландрия, Брабант и другие). Фарнезе считал экспедицию против Англии вредным делом; она отвлекала его силы от борьбы с протестантами.

11. Герцог Альба не участвовал в руководстве походом «Армады».

12. В 1588 году флот Англии был довольно велик — около шестидесяти боевых судов, — хотя большинство их было невелико и принадлежало частным владельцам («каперам») — таким, как Дрейк и Рэйн.

13. В 1588 году Фландрия подчинялась Александру Фарнезе и поставляла солдат в его армию.

14. Битва при Павии произошла в 1525 году — раньше, чем прославились все участники и противники Нидерландской революции.

15. При Павии сражались только католики; испанцы и немцы против французов. Король Франциск I был разбит и попал в плен.

16. В ночь накануне дня святого Варфоломея (в 1572 году) во Франции католики убивали протестантов, а не наоборот.

17. Генрих IV Бурбон (король Наварры) стал королем Франции в 1594 году, после крушения «Армады» и после гибели Александра Фарнезе (в 1592 году).

18. Мария Стюарт была казнена Елизаветой Тюдор в 1587 году. И это послужило поводом к походу «Армады» на Англию.

19. Англичане разгромили «Армаду» (после того, как ее рассеял шторм) без помощи нидерландских гезов.

20. Королева Елизавета Тюдор никогда официально не была замужем.

21. Филипп II Испанский умер в 1598 году, не отрекаясь от престола. Отрекался в 1556 году его отец — император Карл V (он же — король Испании Карл I).

22. Испанцы вели войны в Европе до середины XVI века: сначала против Республики Нидерланды, потом — Тридцатилетняя война — против коалиции протестантов во главе с Францией.

23. Главные успехи испанцев в освоении Нового Света завершились до похода «Армады» — в первой половине XVI века.

Комментарии к тексту

«Константин»

1. Отцом императора (августа) Константина I был цезарь Констанций Хлор.

2. В персидском плену умер не Галерий, а император Валериан; это было еще до рождения Константина (около 260 года).

3. Капусту в своем поместье выращивал не отец Константина, а император Диоклетиан. Он занимался этим после своего отречения вместе с Галерием в 305 году.

4. Ни один правитель Рима не погиб в бою с гуннами. Но в 378 году в бою с готами при Адрианополе погиб император Валент.

5. Максенций погиб в бою с Константином в 312 году. После этого Константин стал единовластен в империи.

6. Учение Будды было неизвестно в Европе в период античности. Главными соперниками христиан в IV веке были почитатели бога Митры (иранского бога Солнца и Совесть). Ему поклонялся и Константин, пока не предпочел христианство (после 313 года).

7. Император Юлиан правил в 361—363 годах. Он был потомком Константина и почитателем бога Митры. С вандалами он не воевал, но воевал с персами и гуннами и погиб в этой войне от случайной раны.

8. В отличие от христиан и митраистов, иудеи в IV веке не пользовались влиянием в Римской империи.

9. Священник Арий из Александрии (современник Константина) учил, что Иисус Христос ниже своего отца — бога Саваофа (Яхве).

10. Никто из христианских богословов не утверждал, будто Христос существовал до сотворения мира.

11. Никто из христиан не включал Марию в состав Троицы и не объявлял единосущной ее сыну — Христу. Все считали ее смертной женщиной, а не богиней.

12. Несторий был патриархом Константинополя в V веке. Он учил, что Мария родила человека — Христа, а Бог-отец вселился в него после рождения.

13. Богослов Ориген жил в Александрии на рубеже II—III веков, задолго до Константина. Большая часть

его учения принята христианской церковью, хотя часть его тезисов отвергнута (например, о том, что все души людей существуют извечно и будут спасены после конца света).

14. Священник Афанасий из Александрии (современник и противник Ария) предложил учение о двойной природе Христа — человеческой и божеской, — которое стало основой православного богословия.

15. Греческий язык был в IV веке так же хорошо известен образованным людям в Римской империи, как латынь. Перевод Библии на латынь для простого народа (вульгата) был сделан Иеронимом в 360—370 годах, после смерти Константина.

16. Император Аврелиан умер в 275 году.

17. Никея — небольшой город вблизи Константинополя, где в 325 году состоялся первый Собор христианской церкви (с участием Ария и Афанасия). Там Афанасий победил Ария и были приняты основные догматы православия.

18. Тысячелетие Рима отмечалось в 248 году, при императоре Филиппе Арабе.

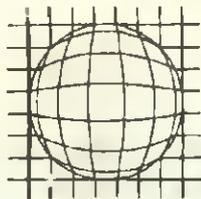
19. Счет от Рождества Христова начался только в VI веке, после того, как Дионисий Малый рассчитал дату этого события по римскому календарю (в 525 году).

20. При открытии Никейского собора Константин был уже императором (а не принцем); он тогда еще не был крещен, но в работе собора участвовал.

21. Решения Никейского собора не вызвали гражданской войны, а столица империи была переименована в переименованный Византий (Константинополь) только в 330 году.

22. Елена была не женой, а матерью императора Константина. Она привезла в Константинополь из Иерусалима не Крест, «обнаруженный» тогда на Голгофе под ее руководством, но оставшийся в Иерусалиме, а гвозди, которыми якобы был распят Христос. Эти гвозди хранились в храме св. Софии.

23. Выражение «Латинская империя» появилось в 1205 году, когда западные крестоносцы захватили Константинополь и учредили там свое государство.

Живые тракторы

Тихий и смирный домашний буйвол произошел от дикого индийского. По оценкам ООН, совсем недавно во всем мире их насчитывалось 126 миллионов. Из них 64 миллиона приходилось на Индию, 20 — на Китай, 13 миллионов — на Пакистан. Значительно меньше домашних буйволов в Африке. Есть они и у нас, и в европейских странах. Недавно к буйволам проявили интерес в Бразилии, где к 2013 году их поголовье планируется довести до пяти миллионов!

Сегодня признано: в качестве рабочего скота буйвол лучше всего подходит для стран третьего мира, где лишь немногие фермеры могут позволить себе приобрести трактор. Вот его-то и заменяет буйвол, которого там так и называют — «живой трактор». Его широко используют на полевых работах, причем в местах, где трудно применить технику. С его помощью осуществляют и перевозки тяжелых грузов. Используют буйволов на молотье, при добычании воды из глубоких колодцев, на мельницах, а также для выжимания масла из кунжута или сока из сахарного тростника. Что же касается корма, то это одно из самых неприхотливых животных.

Немаловажно и то, что буйвол легко поддается обучению. А если учесть, что он поставляет и молоко, к тому же вдвое жирнее коровьего, можно понять пристрастие к нему сельского населения. В ряде стран популярно и его мясо, в котором белка больше, чем в говядине, оно постнее и содержит вдвое меньше холестерина. А из кожи буйвола делают хорошую, прочную кожу. Одним словом, домашний буйвол — замечательное животное.

○ Пусть иллюзия,
○ но уже в полете

○ Как ни хороши иллюзии в самолетном тренажере на Земле, им не заменить истинный полет. Совсем другое дело — воздух. Однако нужно ли поднимать каждый раз для тренировки именно тот самолет, на котором летчику предстоит работать в будущем? А как иначе?

○ Не обязательно, считают западногерманские конструкторы. С помощью тренажера, который они разработали, можно изучать все тонкости полета на любом самолете.

○ Легкая двухмоторная машина набирает высоту, следует несколько переключений на пульте самолета, и он превращается в сверхзвуковой или становится гигантским аэробусом, а то и преобразуется в космический корабль. Разумеется, в тренажере при этом ничего не меняется, кроме способа управления. Эффект превращения зависит от сложного бортового вычислительного комплекса, который контролирует весь полет. В соответствии с заложенной программой компьютер меняет реакцию органов управления. Механизмы поворачивают элероны, закрылки и тому подобное. Причем таким образом, что самолет начинает вести себя в воздухе, как, скажем, тяжелый и неповоротливый аэробус.

○ Вычислительный комплекс необычного самолета-тренажера может моделировать летательные характеристики любого самолета — и существующих, и будущих. Достаточно ввести в программу чертеж и основные параметры машины: вес, скорость, мощность двигателей.

○ Хлеб с водорослями

○ Японская фирма «Юниколоид» начала выпускать из водорослей добавку к хлебу. Она состоит из карагинана (вещества, получаемого из красных водорослей), алгина (соединения, извлекаемого из коричневых водорослей) и экстракта из зеленой водоросли хлореллы.

○ Желеобразные вещества карагинан и алгин позволяют тесту вбирать в себя воды на пять — десять процентов больше. При выпекании она испаряется, и хлеб становится более пухлым. Экстракт из хлореллы заменяет порошковое молоко и улучшает аромат хлеба. Кроме того, эти добавки ускоряют действие дрожжей.

○ Хлеб с водорослями очень понравился покупателям.

○ Чище воздух — ○ длиннее жизнь

○ Загрязненный воздух, — в частности, содержащиеся в нем мельчайшие частицы дыма, копоти, пыли и микроорганизмы, проникающие глубоко в легкие, — может стать причиной ежегодной смерти около шестидесяти тысяч жителей США, в основном людей пожилого возраста и тех, кто уже страдает заболеваниями сердца и легких. К такому неутешительному заключению пришли Джозель Шварц, сотрудник Агентства по охране окружающей среды США, и Дуглас Докери из Гарвардской школы общественного здравоохранения, которые определили, что в Филадельфии, где они проводили свои исследования, количество смертей повышается на 7 процентов при загрязнении воздуха на каждые 100 микрограммов суммарного количества взвешенных частиц в одном кубическом метре.

○ Золото ○ в кратере

○ Группа французских исследователей установила, что в каждой тонне пыли, выброшенной из кратера вулкана Этна, содержится 2,4 килограмма золота и 9 килограммов серебра. Однако это сенсационное открытие вряд ли вызовет «золотую лихорадку», поскольку драгоценные металлические частицы настолько разбросаны, что за один день упорного труда можно извлечь лишь миллиграмм золота.

И. Мильштейн

«ИЗ-ПОД ПЛИТ»

Статьи Виктории Чаликовой, предлагаемые вашему вниманию, впервые были опубликованы в 1981 году в сборнике Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) «Терроризм в современном капиталистическом обществе» (тираж 200 экземпляров).

Веселое все-таки было время. За хранение и распространение различной «крамолы» частный гражданин мог поплатиться не только карьерой, но и свободой. А в недрах КГБ специздательство выпускало томики собрания сочинений Солженицына для начальства. Советский Союз тратил огромные средства на поддержку международного терроризма — об этом теперь известно доподлинно. А в Институте научной информации по общественным наукам выпускались сборники, где давалась объективная (и нелицеприятная) оценка террористам и их покровителям. Нет, о деньгах ЦК КПСС там, конечно, не говорилось, но о левой интеллигенции Запада (потенциальной агентуре влияния советских спецслужб), ее моральной ответственности за террор сказано было прямо.

Есть такой столярный термин — ДСП, древесно-стружечная плита. «Из-под плит» появился и его омоним — государственный самиздат, кинги для ДСП — «Для служебного пользования». В метро не считаешь — стружку снимают. Читать эти статьи сегодня чрезвычайно поучительно. Причин тому немало.

Во-первых, тема для нас куда актуальнее, чем для читателей последних брежневских лет. Проблема терроризма продолжает волновать мир, при этом она стала жуткой реальностью и для граждан бывшего Союза. В том числе и для российских граждан. Платные убийства, похищения с целью выкупа, таинственные взрывы в квартирах — об этом чуть не ежедневно сообщается в газетах и передачах текущих новостей. Прибавим сюда гражданские войны в Грузии и Таджикистане, армяно-азербайджанскую войну, осетинско-ингушский конфликт, политические разборки в Чечне и сразу вспомним серию явных убийств и таинственных смертей, которые сопровождают все эти бесконечные боины. Тайны гибели В. Поляничко или двух чеченцев в Лондоне до сих пор не раскрыты. Беспомощность российских и английских спецслужб только подтверждает серьезность этой проблемы. Напряженное ожидание террористических акций в Москве после подавления октябрьского мятежа (да и сам мятеж, сопровождавшийся взрывами террора) заставляет сегодня совершенно иначе вчитываться в давние тексты В. А. Чаликовой — как будут выглядеть «наши» баадеры и майнхофы?.. Тем более, что причины, которые могут сегодня толкнуть молодых на этот гибельный путь, схожи: презрение к отцам, чувство унижения, национального и личного, отсутствие моральных опор, безверие.

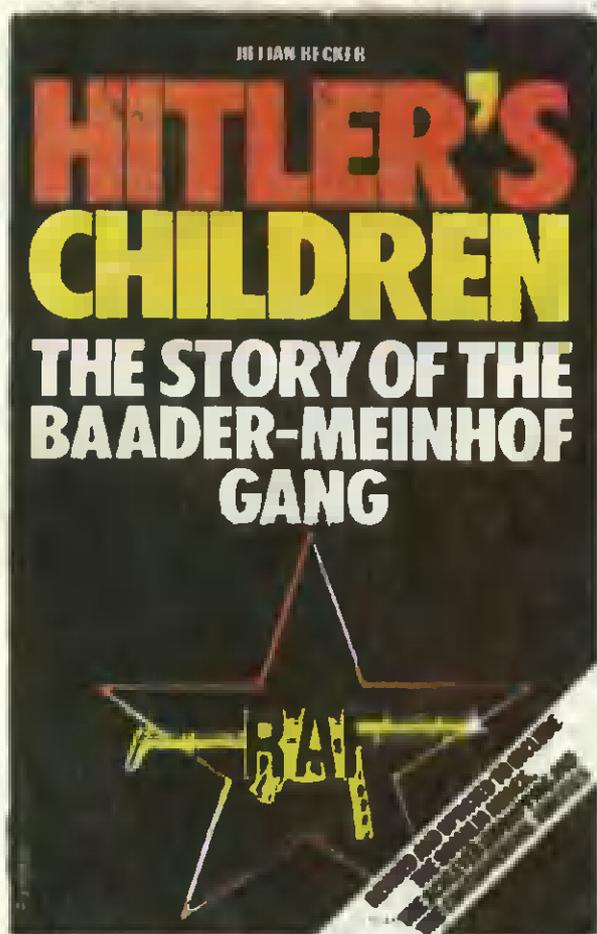
Во-вторых, весьма поучительным представляется рассказ о взаимоотношениях «леваков»-либералов и террористов. Боюсь, что это наш завтрашний день. События 3—4 октября 1993 года вызвали у многих либеральных интеллигентов чувство глубочайшего недоверия и к «демократии», и к власти. Призывы «раздавить коммуно-фашистскую гадину» и бестактные разговоры об «октябрьской победе» привели к тому, что интеллигенция, отшатнувшись от власти, стала с сочувствием поглядывать в сторону коммунистов. Между тем террористических акций следует, по-видимому, ожидать именно от тех, кто был побежден в октябре. Где та грань, за которой вполне объяснимая жалость людей порядочных к людям гонимым перерастает в поддержку и покровительство убийцам?

Эта грань — кровь.

В своих текстах, сухо и внешне беспристрастно исследуя проблему, Виктория Чаликова не скрывает все же личного презрения к зангрывающим с террористами «левакам». Тут важный урок: оппонируя власти, либералам не следует увлекаться этим занятием, поскольку сей путь (и в условиях цивилизованного государства, и в наших тоже) может привести к измене коренному

принципу либерализма — неприятию насилия. Есть и другая опасность — интеллигентская апатия, равнодушие к общественной жизни, притупление гражданских чувств. Традиционно именно интеллигенция в России определяла и определяет нравственный климат в стране. Отшатнувшись от «крови», пролитой у Белого дома, настав «чуму на оба ваши дома» (демократический и национал-патриотический), она создала благоприятную ситуацию для победы людей типа Жириновского, которых, впрочем, если и можно назвать террористами, то в масштабах куда более серьезных, нежели мальчиков и девочек из «красных бригад»...

В-третьих, статьи написаны блистательным профессионалом, который перечитал груды западной литературы, посвященной проблеме терроризма. Книги эти до сих пор не известны российскому читателю, как не известны ему и многие работы самой Виктории Чвлинковой, — массовый сборник лучших ее трудов еще ждет своего издателя. Надеюсь, что они когда-нибудь соберутся под одной обложкой — из архива покойного автора, из разрозненных журнальных публикаций, «из-под плит» официального советского самиздата...

Обложка книги Дж. Беккер «Дети Гитлера».

Андреас Баадер (третий слева) и Гудрун Энслин с друзьями.

В. Чаликова

ПУТЬ В ТЕРРОР

«Дети Гитлера»

Прологом левого терроризма обычно считают события шестидесятых годов в «студенческих столицах» — Париже и Берлине, Бостоне и Гарварде, Тренто и Киото.

В Берлине зловещее чудо перерождения пацифизма в насилие свершилось в майские дни 1967 года, когда официальные власти, легальные студенческие организации, клубы, коммуны — все по-своему — готовились к визиту шаха Ирана. На стенах коммун, кампусов, книжных лавок — портреты шаха, распространяемые венским «Международным фондом свободы» под объявлением: «Разыски-

Последствия террористического акта — разрушенная офицерская столовая в штаб-квартире американской армии. Франкфурт-на-Майне, май 1972 года.

вается преступник», 28 мая студенческий журнал «Конкрет» печатает «Открытое письмо шахине» за подписью известной пацифистки Ульрики Майнхоф. Правительство Баварии временно высылает из Мюнхена сто семь студентов-иранцев. «Вольные художники «Коммуны I» готовят маски шаха и шахини для мирной студенческой демонстрации, назначенной на вечер 2 июня — время визита шаха в сопровождении президента Любке в оперу. Организатор «Коммуны I» Фриц Тайфель сочиняет очередной хэппенинг. Трудно сказать, кто начал драку в этой толпе, где кроме студентов были все четыре полиции Берлина и эмигранты всех стран и континентов, в том числе небольшая, но крайне агрессивная группа правых иранцев, шумно выражавших свою преданность шаху (есть свидетельства, что она и начала). Когда полетели камни и помидоры, многие бросились бежать. Сержант полиции Карл Хэйнц Кирас выстрелил в спину одного из бежавших.

Юноша, скончавшийся вечером в госпитале, оказался студентом-теологом из Ганновера Бено Онезоргом. Ему было 23 года, он недавно женился, в Ганновере его ждала беременная жена. На демонстрации и вообще «в политике», возможно, случайный человек.

Дни и ночи идут траурные митинги в университете, кампусах, коммунах, протестантских церквях и отелях. «Убийство Бено и реакция властей на него уничтожили наши последние иллюзии об этой системе», — скажет позже активист левого движения Вилли Веспер. Гюнтер Грасс пишет о «первом политическом убийстве» в ФРГ...

Короткий опыт лично пережитого насилия, своя капля крови потрясла сильнее тех пролитых за океаном морей крови, о которых рассказывали газеты и экран. В 1970 году эти настроения усилились убийством четырех и ранением десяти студентов во время демонстрации протеста против вторжения в Камбоджу в Кентском университете США. Насилие звало к сопротивлению — резистансу, — они упивались этим словом, юноши и девушки сороковых годов рождения, составившие ядро первого призыва террористов.

В начале шестидесятых годов это

поколение зачитывалось книгами Маркузе. Они не хотели быть «консервативными массами» во времена, когда все только и говорили о личности — «подлинной», «отчужденной», «ускользающей». Личность! Острый соблаз и самый большой дефицит; мистикой личности и подлинности было пронизано все, что они читали.

Их кумир Жан Поль Сартр назвал выдающегося революционера Че Гевару настоящим интеллектуалом и самой подлинной личностью нашего времени. Именно поэтому юные радикалы так охотно отождествляли себя и с бородатым человеком в берете, романтически погибшим в горах Боливии, и с его французским другом Режи Дебре, приговоренным к двадцати шести годам тюремного заключения, и с «черным доктором» Францем Фаномом, мистикой насилия которого они упивались, как стихами любимого этим поколением поэта Рембо: «Насилие очищает нацию, освобождает ее от страха, отчаяния и апатии».

Юные радикалы как-то не заметили, что воспевший насилие Фанон служил революции не пулей и бомбой, а своим открытым домом и госпиталем, что Че Гевара говорил о терроризме: «Он подрывает то, на чем мы держимся, — контакт с массами», и главное — что все это было не только в другом месте, но в другое время.

Но не обладая талантами вождей, они не имели и горького дара рядовых — естественной революционной жизненной позиции. В комплексе их негативизма «аллергия на громкое слово» была самой острой точкой, опасной болезнью, избавления от которой они парадоксально искали в литературе. «Катехизис революционера» Нечаева был уже известен в этой среде, но ему не хватало современного антуража. В 1970 году текст пришел: книга Карлоса Маригеллы «Городская герилья».

У шестидесятилетнего бразильского маоиста они читали: «Умереть под флагом Вьетнама, Венесуэлы, Гвинеи, Боливии равно славно и желанно для американца, азиата, африканца и даже европейца», и это был, действительно, знакомый с детства благородный мотив — мотив гарибальднийский, браунровский, однако там звучала и пошлая детективная песенка: инструктаж грабежей и похищений — их свое-

образная «контркультура», к несчастью, была всеядна.

Маригелла писал о желанной смерти, Рембо — о смерти-освободительнице. «Славная и желанная смерть», а не жизнь — главная парадигма сознания этого течения, которое безо всяких оснований называют иногда утопическим. Как раз утопическая, оптимистическая способность мышления была у них в зачаточном состоянии. Они плохо представляли себе будущее, почти не мечтали о нем, разве что о ближайшем будущем — героическом подвиге.

Однако за европейской «герильей» стояла серьезная «душевная реальность» — духовный голод и нравственная неуверенность детей кризисного времени. Они родились буквально на пепле газовых камер и сразу услышали о еще более страшном завтрашнем пепле — лучевой смерти. Настоящее представлялось нереальным — оно побуждало к визионерству, а не к анализу.

Аполитичная по существу среда юных буржуазных радикалов брезговала договорами и совещаниями, расчетом и компромиссом: из всех исторических соглашений она глумилась над Мюнхеном. Уважение к коммунистическим партиям потому было недолгим «они запятнали себя» разрядкой, большими историческими компромиссами и объединенными программами. От какого бы то ни было участия в демократических институтах, от легальной политики их отвратил 1966 год — год союза социал-демократов с христианскими демократами. Это была последняя капля, переполнившая их не очень-то большое социальное терпение, и романтический протест перелился в асоциальное измерение — террор.

День убийства Бено Онезорга — 2 июня. И «2 июня» мы пишем дважды, потому что это дата взрывов, поджогов, убийств, похищений, ежегодных с 1968 года годовщин мести и название немецкой террористической группы. Тогда же определились и будущие лидеры западногерманского террора, будущие уголовные преступники: Ульрика Майнхоф, Гудрун Энслин, Карл Распе, Фриц Тайфель...

Место зарождения левого террора — Берлин, «этот западный остров в восточном море, где политические интриги... брожение и мятежи, экспе-

рименты альтернативного образа жизни, провоцирующие речи и самовыражение действием затопили университет и коммуны, респектабельные клубы и «аргумент-клуб», студии и пивные, улицы и элегантные дома шили», — пишет английская исследовательница терроризма Дж. Беккер («шили» — шикарные левые).

Пожилым наблюдателям ситуация начинает напоминать Веймарскую республику двадцатых годов, когда «почти ни у кого не было будущего, и не хотелось вспоминать о прошлом. Мы много, очень много читали, много спорили, мы часто были в депрессии. В нас бродил вирус гражданской войны».

ФРГ пережила терроризм первой, и до тех пор, пока Италия и Япония не разделили с ней ответственность, не было недостатка в идеях национальной природы терроризма.

Неомарксистский историк Бен Шваб пишет, что события семидесятых годов закономерны для немецкой истории с ее «тевтонскими ужасами», впервые описанными древними римлянами. «Первая идеологическая катастрофа в Европе — крестьянская война в Германии XVI века, первая катастрофическая по масштабам и последствиям религиозная война — «тридцатилетняя». После 45-го года мы думали, что порвалась цепь насилий, — мы ошиблись».

Когда появилась японская «Красная Армия», много писалось, что современный японский терроризм — возрождение национальной традиции камикадзе в форме мятежа молодежи против низменного духа «та-и-но-ми» (мой дом) и «та-и-ка-а» (мой автомобиль).

Но Италия не знала ни тридцатилетних гражданских войн, ни камикадзе...

В этих странах сотни тысяч участвовали в молодежном движении, в различных формах политического, социального и культурного протеста — немногие из них стали на путь террора.

Для большинства западных ученых и писателей трактовка терроризма как крайней формы социалистического мировоззрения тоже приемлема с очень большими оговорками. Со времен Маслова и позднее Хорхаймера и Адорно они привыкли видеть в идеологии феномен вторичный, отражение

более глубинных психологических потребностей личности, растущих из темных недр подсознания.

Человек или авторитарен, или либерален, и таков он во всем: от выступления на митинге до нюансов интимной жизни, заключил Адорно и другие авторы «Авторитарной личности», подвергнувшие тысячу «средних американцев» различным тестам на «потенциальный фашизм» (и обнаружив его у 60 процентов опрошенных!)

Дж. Беккер, по существу, рассматривает террористов ФРГ сквозь эту же призму. Она только переадресовала обвинение Адорно от обывателя — либеральной элите. По Беккер, сам Адорно, как и вся франкфуртская школа, как и их ученики и последователи, оказались носителями фашистского потенциала, который актуализировала горстка самых горячих голов или самых ущемленных сердец. Оценка Беккер терроризма категорична: «Антифашистское сопротивление, как они назвали свои действия скорее из лукавства, чем по невежеству, было лишь способом удовлетворения их эгоистических порывов». Именно в этом смысле следует понимать название ее художественного исследования о террористической группе Баадера — Майнхоф: «Дети Гитлера».

Автор большого исследования о терроризме «Последнее оружие» Ян Шрейбер на вопрос, кто именно становится террористом, отвечает: «никто именно. По обстоятельствам — любой... Я отвечаю резко, но я отвечаю на все эти пошлые стереотипы, «что арабу, в конце концов, жизнь недорога, что негры — дикари, им убить — пара пустяков, что японцев много и они не могут относиться к жизни всерьез, что ирландцы — пьяницы и хулиганы, а некоторые безумные европейцы принимают их всерьез и подражают им... Как это неумно и опасно — видеть в террористах умственно поврежденную малую группу, которую можно перебить или переловить. Террористы — это не «они», это — мы, это большинство из нас. Способность причинить страдание ближнему свойственна очень многим».

Спектр ответов на вопрос о личности террориста широкий: благородные пацифисты, религиозные фанатики, крайние коммунисты, врожденные преступники, психически больные, социальные эксгибиционисты; ущем-

ленные и пресыщенные, супермены и неудачники.

Но при пестроте спектра в нем есть повторяющийся, превалирующий тон: люди не от мира сего, романтики, не поладившие с действительностью. *Психологически-психоналитическая* трактовка личности террориста в западной литературе, пожалуй, преобладает.

В этом смысле книга Джулиан Беккер «Дети Гитлера» показательна. Она чрезвычайно мозаична: отрывки писем, исповедей, интервью, мемуаров, протоколов, стенограмм.

Тем не менее масштабы добросовестно и профессионально обработанного эмпирического материала позволяют взгляды в то, что действительно важно читателям — современникам и потенциальным жертвам террора — в лица, характеры, биографии, судьбы. Джулиан Беккер знает лично нескольких террористов и без счета очевидцев: родных, друзей, состоявшихся и не состоявшихся супругов, хозяев квартир, университетских профессоров, соседей.

Она изучила фотографии и биографии не только отцов и матерей своих героев, но дедов и прадедов. Ломая хронологию и обрывая биографические нити, автор упорно очерчивает траекторию падения героев. Книга пронизана страстной ненавистью не только к терроризму, но и ко всему, что, с точки зрения автора, порождает его: политической левизне, религиозной экзальтации, культурной элитарности, эстетизму, нравственному идеализму и т. д.

Сразу же в прологе герои появляются уже преступниками, убийцами, потерявшими человеческий облик.

В искусственно освещенной комнате суда на скамье подсудимых сидят четверо вожаков «Фракции Красная армия» в одинаковых голубых джинсах и черных свитерах, прозрачные от бесконечных голодных забастовок. Их лица в глубоких складках, глаза блуждают.

Это май 1975 года.

Одной из них — Ульрике Майнхоф — осталось жить несколько дней. Через год покончат с собой и остальные — Андреас Баадер, Гудрун Энслин и Карл Распе.

Дети проклятой миром фашистской Германии, они хотели быть в глазах мира и мучениками, и спасителями

сразу; в этом романтическом желании автор видит гордыню и изуверство... «Это был отчаянный крик: «Не я, не я виноват!». Это было не приятие вины, а уклонение от нее!»

Сообщая, что Ульрика Майнхоф перечитала в отрочестве гору книг о фашизме, Беккер добавляет: «Жаль, что это не были книги, написанные самими фашистами, может быть, они уберегли бы ее от ложного пути».

— Кто ваш отец? — спросили на суде одного из лидеров «2 июня», Фрица Тайфеля. — «Фашист, разумеется. Ведь он того поколения». Ни отец Тайфеля, ни другие «отцы» не были нацистами; более того, многие находились в молчаливой оппозиции к Гитлеру, составляя скрытый антифашистский потенциал страны. Но за отчаянным криком «Не я виноват!» неизбежно стояло преувеличение чужой вины, суд над отцами — скорый и неправый. Обвинив детей в жестокой несправедливости к родителям, Беккер в свою очередь страстно и дотошно входит в их родословные — до третьего колена, чтобы докопаться до корней, до породившего терроризм «духа» или «дьявола». (В книге охотно обыгрывается фамилия одного из ведущих героев — Тайфель.)

«Пасторская дочь»

Гудрун Энслин

Андреас Баадер и Гудрун Энслин открыли эпоху террора в ФРГ поджогом универмага во Франкфурте и через десять лет покончили с собой в один день и час в Штаммхеймской тюрьме.

Гудрун — дочь пастора, поклонника Карла Барта, известного теолога, отказавшегося от изъявления лояльности Гитлеру и эмигрировавшего в Швейцарию, духовного вождя немецкой конфессиональной церкви, объединившей вскоре после прихода Гитлера к власти двадцать девять протестантских церквей, не примкнувших к гитлеровской «Райхскирхе». Помимо теологии пастор Энслин увлекался портретной живописью в сентиментально-романтическом стиле и изучал семейную генеалогию, которая стоила того — предком Энслинов был Гегель.

Гудрун много и серьезно училась, прежде чем подложила бомбу под ковер франкфуртского универмага: германистике, славистике, англистике,

философии, социологии, педагогике — в двух университетах (Тюбингенском и Берлинском Свободном), в педагогическом колледже, серьезно думала о педагогической карьере, но литературные интересы перетянули. Она трудилась над докторской диссертацией и одновременно активно работала в СДПГ. За успехи и усердие она получила стипендию немецкого образовательного фонда и личную помощь доктора Эрнста Хейнца, ее будущего защитника на франкфуртском процессе, горячего апологета Энслин до конца. «За 52 года работы со студентами, — говорил Хейнец, — я никогда не встречал такой необыкновенной девочки». Разумеется, внешне она очень изменилась: носила джинсы и пела «Интернационал» вместо «Аллилуйя», курила и, изгнанная за это из дома тетки-пуританки, снимала квартиру, зналась с коммунарами и берлинскими хиппи, вышла замуж, родила сына, но, настаивает Беккер, она оставалась «дочерью пастора», жаждущей кровавого мученического подвига, сжигаемой огнем, который могла погасить только священная война за идею.

Писатель Гюнтер Грасс, знавший Энслин в те годы, рисует ее «идеалисткой с врожденной ненавистью к компромиссам, верующей в Абсолют, в совершенное решение».

В 1966 году Энслин вышла из СДПГ. У нее началась «аллергия на слово»: говорить и писать — сколько можно; ее раздражало все: и рафинированное рыцарство мужа, просветителя и книжника, и «мальчишеский праксис» студентов-леваков, их подвиги (отлупить оппонента, бросить яйцо в американское посольство, разорить машину девушки, приехавшей на митинг в дорогом манто).

После убийства Бено Онезорга она почти невменяема. «Мы пытались объяснить ей, что политические события требуют анализа, — рассказывает товарищ Энслин, — но она твердила: «Сопrotивляться насилию можно только борьбой». «По щекам ее текли слезы, — пишет Беккер. — Что это были за слезы? В свете всего, что случилось потом, я думаю: она плакала от досады, что не она стреляла».

В 1968 году, поворотном в судьбах многих террористов, Гудрун Энслин ушла из студенческой партии — в подполье, от литератора Веспера — к

«человеку дела» Андреасу Баадеру: «Потянулась к нему всей своей дикой волей, до поры до времени зажатой моральным давлением ее суровой пие-тистской семьи». Подполье не означает в данном случае какой-то тайной организации — такой в ФРГ еще не было; подпольем были они с Баадером, пригретые художницей Элеонорой Мишель, преданной Баадеру и долгие годы содержавшей его и его подруг в модной мастерской, где спали и кормились беглецы от потребительского террора.

Они составляли планы сокрушения «клубничного рейха» (словечно Гудрун), читали Мао и Маркузе.

Некоторые уже начинали переходить от слов к делу, но «берлинский Марлон Браидо» Баадер и «дочь пастора» оказались самыми решительными. В годовщину убийства Онезорга они решили разбудить обывателя зрелищем горящих аксессуаров потребительского террора — напомнить о Бено, о горящем Вьетнаме и о своих горящих сердцах.

Их судили не только за поджог, но и за попытку убийства: в вечернем универсаме работали художники (случайно уцелевшие), которых террористы (не числившие еще убийство среди методов классово-борьбы) «не предусмотрели».

В тюрьме, как и на воле, Энслин была мотором и нервом группы, фанатически неутомимой и изворотливой в сопротивлении, инициатором голодовок, возможно, и коллективного самоубийства.

Но в центре художественного исследования Беккер — не Энслин. На суперобложке «Детей Гитлера» — выразительный фотопортрет Ульрики Майнхоф с заломленными на фоне тюремной стены руками. И на фото-вкладках — Ульрика: сияющий ребенок, серьезно оживленная девочка-подросток, грустная женщина с мужем и детьми.

Джулиан Беккер ставит Ульрику Майнхоф в центр своего исследования, прекрасно понимая, сколь ничтожна была ее роль в вооруженной борьбе (она до обморока — факт ее биографии — боялась выстрелов; путала адреса и шифры; всего раз участвуя в ограблении банка, от рассеянности и волнения оставила в кассе почти все деньги), потому что именно «случай Ульрики» позволяет вскрыть на-

Гудрун Энслин, 1977 год.

рыв романтического сознания, высказать об элитарном героизме все то, что Беккер недосказала в более скромной биографии Гудрун Энслин.

«Ничего личного»: Ульрика Майнхоф

Пастор Энслин читил в своей генеалогии Гегеля. В родословной Майнхофов тоже горит звезда первой величины: поэт-романтик Фридрих Гёльдерлин.

За Ульрикой Майнхоф — поколения протестантских теологов и священников: из колена в колено ее предки с отцовской стороны проповедовали, учили и служили в Штутгарте и его окрестностях.

Отец не мог оказать непосредственного влияния на Ульрику и ее сестру: он рано умер от рака. Вскоре погибла и мать от этого недуга.

Девочки не знали горького сиротства — их детство было согрето ненавязчивой преданностью младшей подруги матери Ренаты Римек, ученого и педагога, христианской социалистки, председателя Немецкого союза за мир, награжденной медалью Карла Осецкого и званием почетного доктора лютеранской Теологической академии в Будапеште.

Неуверенная в себе, внутренне зависимая, Ульрика остро нуждалась в признании извне. Беда была в том,

что она жаждала любви не всех, а только некоторых — одинокого избранного меньшинства. В Ольденбурге в кругу Ульрики образовался моральный архетип, нравственная привычка на всю жизнь — быть частью посвященной элиты. Вся ее последующая оппозиционность и даже радикализм, согласно Беккер, шли не от критически независимого мышления, но были сначала отражением взглядов, а потом — паролем соединения со «своими», с семьей, которую она потеряла так рано и искала всю жизнь.

В тонком слое первой немецкой послевоенной молодости, в маленьком девичьем кружке уважаемой школы писательница ищет ростки большого социального зла — истоки общественных бед и личных катастроф.

Этот кружок не занимали моды и сердечные тайны, там до глубокой ночи спорили об искусстве, морали, истории, политике, религии, литературе. «Мы были серьезные девочки, девочки в брюках, не просто начитанные, но читающие то, что не читают другие, — все эти вещи, запрещенные при нацизме и вдруг увидевшие свет, — Томас Манн, Сартр, Гессе. Последний был нашим любимцем, романтизм его прозы, как поэзия любимого Гёльдерлина, особенно импонировала нам, разжигая наши и без того пылающие сердца. Он писал о людях инаких, одиноких, страдающих. Степной волк, гений страдания, презирающий всех, кто доволен жизнью, кто буржуазен, вульгарен, толстокож, мелок, скучен, ординарен, короче — «тупой американец», — писала школьная подруга Ульрики.

Эти девочки жили в нарочитом аскетизме, в «потребительском воздержании», не отказывая себе только в одной роскоши — в общении, в «наших бесконечных вечерах». Интимность этих вечеров, теплота и тревожная напряженность отношений, чувство собственной значительности, центральности — под этим «наркомом общения» Ульрика Майнхоф только и могла жить.

«Ульрика, — вспоминает школьная подруга, — была центром нашего кружка, нашим оракулом.

В ней была скрытая мятежность духа, — наверное, в этом была тайна власти над нами вовсе не тще-

славной и очень мягкой девочки, уступчивой во всем, кроме тех идеалов, в которые она верила. Для меня в дружбе с ней был тогда смысл жизни, дуновение чего-то возвышенного и печального; и нюанс запрещенного, и знак подлинности, в «подлинности» была тогда наша гордость, наша главная жизненная мера».

В 1955 году Ульрика поступила в Марбургский университет. Она изучала педагогику и психологию, факультативно — историю искусств, но никогда — социологию, политику, право: эти предметы были ей скучны и давались хуже.

По воспоминаниям сокурсников, ее политическая левизна сводилась тогда к протесту против атомного оружия и сентиментальному предпочтению Восточной Европы — традиционной, романтической, страдающей — преуспевающей Америке.

Подлинной духовной родной Ульрики было в то время мистическое «Братство св. Михаила» — не секта и не орден, а что-то вроде интимного кружка, возродившего лютеровскую литургию и практику духовных упражнений. Одно время она думала о монастыре.

В 1957 году Ульрика оставила Марбург и переехала в Мюнстер — католический город Вестфалии. В Мюнстерском университете она впервые втянулась в политическую активность — кампанию за разоружение, организованную «Комитетом против атомной смерти».

Как представитель мюнстерского студенчества на антивоенной конференции в Бонне, она могла познакомиться с самыми выдающимися людьми страны: например, с членами комитета Генрихом Альбертом и Вилли Брандтом. Одно из знакомств стало для нее роковым: редактор левых студенческого журнала «Конкрет» Клаус Райнер Рёль через несколько лет стал ее мужем. В отличие от Ульрики это был политик.

Оставаясь «в душе» школьницей, мечтающей о романтическом подвиге, Ульрика Майнхоф стала ведущим автором «Конкрета». Жена азартного и умелого политика и журналиста, сама ведущий журналист сенсационного журнала, по мнению некоторых, «первое перо Германии», она — автор дерзких открытых писем иранской шахине и Штраусу.

Ей рукоплещут либералы, радикалы, шили и просто шико; она в моде. Журнал «Штерн», украшающий свою обложку портретами ведущих бизнесменов и их жей, международных плейбоев, звезд кино и спорта, модных

художников и фотографов, предлагает читателям и ее выразительное запоминающееся лицо, приветствуя «отважного журналиста «Конкрета». У нее есть и вполне определенная социальная роль — защитницы всех обиженных: иммигрантов, женщин, девочек в приютах.

Импульс к разрыву со своей средой, по Беккер, шел из личного («Ничего личного» — иронически назвала она посвященную Ульрике Майнхоф главу): предательство мужа и отчаянный побег с детьми в Западный Берлин, куда в это время «стекались беглецы от личных бурь, жертвы великого брачного кризиса 1965—1967 годов, энтузиасты развода и разделения, дегустаторы первых терпких плодов сексуального раскрепощения, — все одинаково гордые собой, каждый ущемленный по-разному», в тот самый котел, «пену и охвостье новых левых».

Она, наконец, реализовала тот выбор, который сделала давно, пишет Беккер, пришла к отверженным, мятежным, кипящим честолюбивыми и мстительными планами.

Именно тогда появилась Гудрун Энслин и попросила: «Спаси!». Это было роковое слово для экзальтированного, меланхолического и затравленного личными несчастьями существа, каким тогда была Ульрика Майн-

хоф. Врожденная и обостренная крушением личной жизни потребность в «слиянии душ» словно бы ждала встречи с Гудрун.

Гудрун была на шесть лет младше, но она стала старшим другом Ульрики: ведь за ней стояли не статьи, а «жизнь»: поджог универмага, тюрьма.

Ульрика не могла не знать, что, похищая Баадера, она становится вне закона, переходит в новое измерение жизни, но она плохо представляла себе, что это значит.

Лицо, которое по «Штерну» знала вся читающая Германия, появилось на листках с надписью «Разыскивается преступник».

Ульрика Майнхоф с мужем и дочерьми, 1964 год.

Ульрика Майнхоф в тюрьме, 1975 год.

Несколько месяцев после похищения Баадера были, несомненно, самыми счастливыми в жизни Майнхоф: она сполна насладились иллюзией самореализации. Всегда мучимая сомнениями в «жизненном смысле» интеллектуальной деятельности, она радостно говорила в «лагере террористов»: «Насколько интереснее пролезать через колючую проволоку или

вскакивать в мчащуюся машину, чем стучать на машинке».

Но оказалось, что она не создана для подполья: ее терзала пролитая кровь, оскорбляла грубость и бездуховность Баадера, приводили в расстройство и отчаяние жизненные неудобства. Несколько ограблений и взрывов слишком жалко имитировали народную войну, а расплата оказалась более скорой и суровой, чем полагали люди, не привыкшие ограничивать свои эмоции.

Она доверилась левой явке и была отдана полиции вместе с двадцатичетырехлетним Герхардом Мюллером, тоже в своем роде «человеком уровня» — круглым отличником в школе, потом люмпеном, судимым за гомосексуализм и мелкую кражу, несколько раз пытавшимся покончить с собой (впоследствии — главный свидетель обвинения на процессе террористов).

При ней было три пистолета, ружье, две ручные гранаты и бомба, но сопротивлялась она в основном руками и истеричными рыданиями.

Распухшее от слез и синяков лицо было не похоже не только на фотографию в «Штерне», но и на полицейские объявления, и личность пришлось устанавливать по операционным шрамам.

В камере она снова села за опостылевшую машинку: печатала длинные послания к Гудрун и Баадеру, которые никто не принимал всерьез.

В ноябре 1974 года она была приговорена к восьми годам за освобождение преступника, через два года еще к двенадцати — за деятельность «Фракции Красная армия».

Она почти не реагировала на приговоры, отказалась от встреч с родными и детьми и перестала даже минимально следить за своей внешностью.

8 мая в 10 часов вечера она оборвала очередное революционное послание и, сделав петлю из полотенца, прикрепила ее к ручке окна.

В субботу 15 мая Ульрика Майнхоф была захоронена на протестантском кладбище церкви св. Троицы в районе Мариендорфа. Ни приемная мать, ни дочери не проводили ее, но за гробом шли четыре тысячи, многие в масках. Проводили ее и студенческие демонстрации — в ФРГ, Франции, Италии: часть молодежи поняла самоубийство как завещанный

им последний протест против несправедливости и бесчеловечности.

«Нет, она не была ни справедливой, ни человеческой, — пишет Беккер. — И не в том корень ее поступка. Не правы и те, кто думает, что, осознав свою вину, она сама покарала себя. Моральный абсолютизм делает человека неспособным к самоанализу.

Это просто последнее, что оставалось ей: мученическая смерть.

*Похороны Ульрики Майнхоф.
Берлин, май 1976 года.*

Не найдя ни интеллектуальной опоры, ни личного счастья, она попала под влияние тех, кто мог на время утолить ее жажду «слияния».

Таков окончательный приговор английской писательницы «детям Гитлера». «Моральный абсолютизм», «догматический моральный идеализм» — вот, по Беккер, общие черты вождя национал-социализма и «королевы бандитов», считавшей себя и своих товарищей «коммунистами в лучшем смысле этого слова». Да, признает Беккер, в Ульрике Майнхоф не было ни властности, ни деспотизма. Но это не существенно. Важна их общая ненависть к действительности, отвлечение ко всему, что укореняет человека в ней: здравому смыслу, компромиссам, практичности, реалистичности; важна органическая неспособность к социальной жизни, компенсируемая абстрактным критическим пафосом.

«Терроризм — это театр»

Помещая это определение в заглавие первой главы своей книги о терроризме, Добсон и Пейн спрашивают: А как еще объяснить убийство людей, стоящих вне той политической игры, в которую столь своеобразно

вошли террористы? Заложников берут ради выкупа, врагов убивают из мести, провокаторов и предателей — в наказание и назидание. Но внезапно, без предупреждения, пролитая невинная кровь? Если проливший — не садист, не наемный убийца, не психопат, — что это значит?

Ответ они находят в словах «одного старого араба» по поводу террористического акта на Олимпийских играх в Мюнхене. «Спорт — вот ваша религия, — заговорил старый араб, лаская прижавшуюся к ногам внучку. — Кто из вас не переключит программу с нашей кровавой драмы на хоккей или бокс? Вот почему нам пришлось принести жертвы вашим спортивно-телевизионным богам, принести их торжественно, на самой священной церемонии вашей религии — Олимпийских играх, — чтобы привлечь к себе внимание. И боги услышали наши молитвы — теперь вы смотрите и на эти зрелища».

Начала — разные, конец — один, — комментирует автор.

А впервые пути хэппенинга и фанатизма сошлись в 1968 году в первой террористической акции ФРГ — поджоге франкфуртского университета 2 июня 1968 года.

Гудрун Энслин и Андреас Баадер осуществили эту «антивьетнамскую операцию» с помощью двух представителей студенческо-художественной богемы — Торвальда Пролла и Губерта Сонлейна.

Идея поджога, очевидно, понравилась им своей пиротехнической стороной: они сами готовили адскую смесь; рецепт ее был беззаботно брошен в машине, на которой они приехали из Мюнхена в состоянии легкого опьянения. В том же состоянии Пролл и его товарищ перед поджогом отправились в парикмахерскую, превратив тут же стрижку в издевательский хэппенинг. Частью игры было обращение к парикмахеру на английском языке, которого тот не понимал: они находили это забавным. Садистическое веселье продолжалось и во время операции (универмаг они не сумели поджечь), и на процессе.

Франкфуртский поджог — священный огонь и крестовый поход за истину для Гудрун, хэппенинг — для Пролла и Сонлейна — был осужден Союзом демократических студентов, но коммунары и некоторые органи-

зации АПО — внепарламентской оппозиции — одобрили его: все-таки ргахis. А шили встретили поджигателей как «очаровательных клоунов».

В первом печатном документе «Красной армии Франкфурта» (РАФ) — «Концепция городской герильи» — осуждается не только убийство, но и нанесение физического ущерба.

В следующем тексте «Коллектив РАФ о вооруженной борьбе в Западной Европе» дана уже четкая формулировка: «Насилне есть высшая форма классово-борьбы».

Наконец, брошюра «Черный сентябрь в Мюнхене» (авторы, видимо, принадлежат ко второму поколению РАФ) разъясняет, что мюнхенское убийство — антифашистская акция, напоминание об Олимпийских играх 1936 года. Агрессивный тон документов оттеняет их психологическую суть — это самооправдание. Но меняется предмет оправдания: от раны одного до смерти одиннадцати (причем убитых другой организацией).

Брошенная 11 мая 1972 года в здание пятого армейского корпуса США бомба ранила 13 человек и убила одного — ветерана и орденосца Вьетнама. (Жертвы причислялись к мученикам Вьетнама: взрыв был произведен в годовщину начала войны.)

12 мая Анжела Лютер и Ингрид Мюллер (позже, в тюрьме, пытавшаяся покончить с собой вместе с лидерами РАФ) взорвали бомбы на стоянке криминалистического бюро в Мюнхене.

15 мая бомба взорвалась в Карлсруэ, в машине федерального судьи Буденберга, подписывавшего ордер на аресты (пострадала его жена). В этом взрыве Мюллер обвиняет Баадера, Распе и Майнца.

24 мая бомба, взорвавшаяся на стоянке около офицерских квартир в Гейдельберге, разорвала на куски двух американских офицеров. Через два дня РАФ объявила, что это протест против геноцида во Вьетнаме.

Были взрывы и в издательстве Шпрингера (19 мая). Говорят о возможном участии Ульрики Майнхоф — старого врага Акселя Шпрингера.

С ужасом ждали традиционной даты — 2 июня.

В канун этого дня кто-то из близких к террористам кругов предупредил полицию, и 1 июня миллионы

телезрителей могли видеть, как полицейские слезоточивыми газами выкуривали из гаража обнаженных Майнца и Баадера, последний был в крови. До них был «выкурен» одетый Распе.

Через неделю была арестована Гудрун Энслин; еще через неделю — Ульрика Майнхоф.

«Майским фейерверком» кончилась история РАФ: два года романтического подполья с угонами, переодеваниями, кличками и явками, несколько ограбленных банков и месяцев убийств. Как действующая группа она просуществовала не более года, потеряв четырнадцать человек. Почти все остальные погибли в тюрьме.

Прошло больше десяти лет со времени первых полутеррористических хэппенингов. Большинства пионеров террора нет в живых, погибли многие и во второй волне. Некоторые пишут мемуары и дают интервью, некоторые делают то же в подполье: их до сих пор «разыскивает полндия».

В семидесятые годы «Театр» терроризма меняется: открытое забрало уступает место маске, фанатизм — расчету. Так, Пейн и Добсон пишут: «Терроризм стал большим бизнесом: в 1974 году его общий национальный доход достиг 120 миллионов долларов. Террористические организации действуют как мультинациональные компании и делают легитимные вклады в акционерные общества. Лидеры террористов — это предприниматели одного из самых выгодных бизнесов. Семидесятый год — эра «жирных» террористов, «купцов от насилья», лично не участвующих в вооруженной борьбе».

Террористы и «симпатизирующие»

В ФРГ в семидесятых годах было, согласно сообщению главного полицейского Министерства внутренних дел земли Баден — Вюртемберг доктора Стамнера, не больше ста человек, способных к насилью, и не больше трехсот активных их помощников, но зато — три тысячи «симпатизирующих», то есть людей, которым чужды лозунги террористов и неприемлема их тактика шантажа, похищений, убийств, но проявлениями личного сочувствия к террористам они в какой-то мере разделяют — в глазах достаточно широких кругов населения — ответственность за сложившуюся ситуацию.

В июне 1967 года, когда справедливый гнев был поднят как знамя над телом убитого Бено Онезорга, из самого неожиданного для студентов источника раздался голос, предупреждавший, что они становятся на страшный путь: профессор Юрген Хабермас, любимец и учитель радикальной молодежи, горячий адепт университетских реформ, заявил в своем выступлении на конгрессе «Университет и демократия»: «Провоцирование скрытого в государственных институтах насилия, превращение потенциального насилия в открытое — это игра в террор, со всеми ее фашистскими последствиями».

Однако именно к либеральной среде принадлежат те, кто укрывал террористов, поддерживал их материально и морально в подполье и тюрьме, защищая их во время следствия.

Осужденные за взрыв с попыткой убийства и отпущенные под «честное слово» на срок апелляции, западногерманские террористы Баадер, Энслин и Пролл после утверждения приговора бегут во Францию. Побег, жизнь в Париже, возвращение на родину — за этим немалые деньги, квартиры, машины, документы.

Источников помощи два: либералы и «пили» — «шикарные левые», фрондирующая элита Европы.

В определение «либералы» Дж. Беккер включает деятелей обеих европейских церквей, католической и протестантской, профессоров университета и в первую очередь — научную и художественную интеллигенцию.

Сразу после утверждения приговора трое террористов оказались под покровительством «известной немецкой писательницы», которая не только помогла им всем, чем могла, но горячо привязалась к Гудрун и позже писала пастору Энслину: «Ваша дочь нашла во мне друга на всю жизнь». До конца был предан Гудрун Вилли Веспер (ее первый муж).

Веспер выступал свидетелем защиты на первом процессе Энслин во Франкфурте, его речь замечательна чисто личностной оценкой террора: «Если такой человек, как Гудрун, в которой нет ничего плохого, мог совершить этот антисистемный акт — значит плоха ваша система». В течение трех последующих лет он пытался, чем мог, облегчить ее подпольную

жизнь, глубоко переживая, по словам друзей, усиливающуюся жестокость террористических актов. 14 мая 1971 года он принял смертельную дозу снотворного.

Пастор Энслин — евангелист и поклонник Барта — приютил в своем приходе в Штутгарте и блудную дочь и ее нового друга, ни во что не верующего Баадера.

Действительное сочувствие либералов перешагнуло даже через пролитую кровь. Двадцать объявленных вне закона террористов, юношей и девушек, два года находили сочувственный кров. Во Франкфурте им отдал свою квартиру «один известный писатель»; в Нюрнберге они жили у «политолога-экономиста». В Париже франкфуртские поджигатели жили в великолепных апартаментах на Иль де ля Сите, принадлежащих Режи Дебре: хозяин отбывал тюремное заключение в Боливии, однако, полагает Беккер, в его гостеприимстве можно не сомневаться. Самое надежное укрытие, бунгало под Оберхаузенем, принадлежало чете из Франкфурта: он — редактор немецкого пресс-агентства, она — журналистка. После нападения на бунгало террористы жили во Франкфурте у Зейфертов — старых друзей Ульрики Майнхоф, отдавших ей потом ключи от своего частного санатория.

Все эти люди впоследствии утверждали, что не знали ничего конкретного о деятельности своих гостей, что у них «просто открытый дом». Но в деревне Фюрц, под Дармштадтом, Ульрика прямо попросила у «одного писателя» убежища для группы Баадера — Майнхоф и получила его. В 1971 году арестованный и приговоренный к двум неделям тюремного заключения «за помощь террористам», он описал своих гостей следующим образом: «Энслин наивна, Петр Шелм — совершенный ребенок, Карл Распе — прекрасный человек, благородный и очень чувствительный. Он иногда пил пиво, остальные — только фруктовые соки... Все они слушали только классическую музыку... много читали, но нашлн, что в моей библиотеке мало левой литературы»... Мы приводим этот отзыв, потому что он очень характерен: ни слова об идеологии, тем более — о бомбах и пистолетах.

Между тем квартира «одного по-

пулярного певца» в Гамбурге оказалась арсеналом горючих материалов, пистолетов, патронов, радиопередатчиков, полицейских форм. Полиция обнаружила там «Книгу черной церкви»: адреса и краткие характеристики «32 прогрессивных пасторов». Среди них профессор Хейнц, преподаватель и друг Гудрун Энслин, государственный защитник на ее первом процессе, до конца стоявший на том, что она «талантлива, открыта и добра». Пастор, профессор Голвицен. Он отпевал невинную жертву мирной студенческой демонстрации Бено Онезорга в 1968 году. Через девять лет он же совершил погребальную церемонию на нелегальных похоронах Ульрики Майнхоф, назвав ее «самой значительной женщиной в нашей политике после Розы Люксембург».

«Не стреляйте — мы ваши дети», — назвал в 1971 году свою книгу о терроризме венгерский философ Д. Лукач.

Даже японская «Красная Армия» — самая безжалостная из левозэкстремистских групп (притом авторитарная и иерархическая, с жесткой бюрократической инфраструктурой) в пору формирования была связана с японской интеллигенцией, с японскими либералами и шили в Токио, Киото, но больше — в Берлине и Париже.

Известно, что план одного из самых громких дел «Красной Армии» обсуждался на квартире японского профессора в Париже. По этому делу, сообщают Пейн и Добсон, в японской общине Парижа арестовано сто человек, восемь из них признаны соучастниками: профессор социологии, несколько кинокритиков и продавщица универмага. В ее записной книжке адреса пятидесяти «домов спасения» в городах Европы.

В Италии, где «Красные бригады» убили за девять лет (1966—1975) не десять, а триста человек, — та же картина: жалели, кормили, прятали, перевозили, защищали. После убийства Моро многие отшатнулись от террористов.

«Красные бригады» прямо рассчитывают на эту помощь. В боевые задачи их строго дисциплинированных ячеек входит налаживание связи с радикальными интеллектуалами контролируемого района и через них со студенчеством.

Между тем итальянские террористы

не церемонятся с либералами: они («Группа 63») дважды, например, покушались на жизнь Альберто Моравиа, нападали на его дом; не раз печатно обвиняли его в буржуазности. Тем не менее до середины семидесятых годов Моравиа упорно защищает экстремистов, сбитый с толку, по-видимому, их революционной «марксистской» фразеологией.

Интервью Моравиа итальянскому публицисту Айелло, может быть, раскрывает что-то в загадке «симпатизирования»:

«Был во мне какой-то элемент, который бессознательно становился политикой: это был мой морализм, что-то развивавшееся властно и инстинктивно, как физиологическая потребность... Я испытываю по отношению к коммунизму симпатию — как бы это сказать — в какой-то мере эстетическую... Я декадент с европейскими корнями... Я марксист, как и все».

Трудно сказать, что понимает Моравиа под марксизмом и коммунизмом, скорее всего — некий склад художественной культуры, стиль. «У коммунизма более широкое видение мира, чем у провинциальной итальянской культуры».

А насилие? Нет. Моравиа не восхищается им. Но, говорит он, «ведь оно рождается из нетерпеливого желания переделать мир, сделать его лучше».

Другими словами, у Моравиа, как сейчас говорят, «комплекс перед террористами», и эстетический элемент в этом комплексе — ведущий.

В той игре с жизнью, которую ведут либералы и шили, английская исследовательница Дж. Беккер видит опасность для общества, но не столь роковую, поскольку и пока им не изменил инстинкт самосохранения — основа общественного покоя.

Опасность потери этого инстинкта иллюстрируют, по мысли автора, судьбы еще одной категории шили — радикалов-юристов.

Речь идет о той исключительной роли, которую сыграли адвокаты подсудимых, в большинстве очень богатые люди не только в судебном расследовании, но и в самой деятельности террористических групп. В бригаду защитников входили известный либеральный деятель Ганс Хенц Хельдман; «левак» Отто Шили — личный друг лидеров РАФ; Луиза Беккер, муж

которой разыскивался полицией как участник террора; Руперт фон Плотниц (как позже выяснилось, член РАФ); наследник миллионера Курт Грюнвальд и его близкие друзья — Ганс Христиан Кребель и Хельмут Гейдель; известный юрист Клаус Круассан.

Офисы защитников, увешанные плакатами и воззваниями в пользу подсудимых, были скорее похожи на штабы помощи, чем на адвокатские конторы. Адвокаты сумели организовать не только общественную и международную солидарность, но и добились смены тюремных врачей независимыми докторами. (Один из независимых настоял на переводе Астрид Пролл в клиннический санаторий, откуда она немедленно сбежала.)

Когда выяснилось, что юристы фактически состоят связными при своих подопечных, Клаус Круассан, Хельмут Рейдель и Курт Грюнвальд были выведены из состава суда «за вступление в преступную связь» с заключенными. (Террористы ответили на это очередной голодной забастовкой.)

А 9 февраля 1973 года голодную забастовку объявили семеро защитников — в знак протеста против нарушения законности.

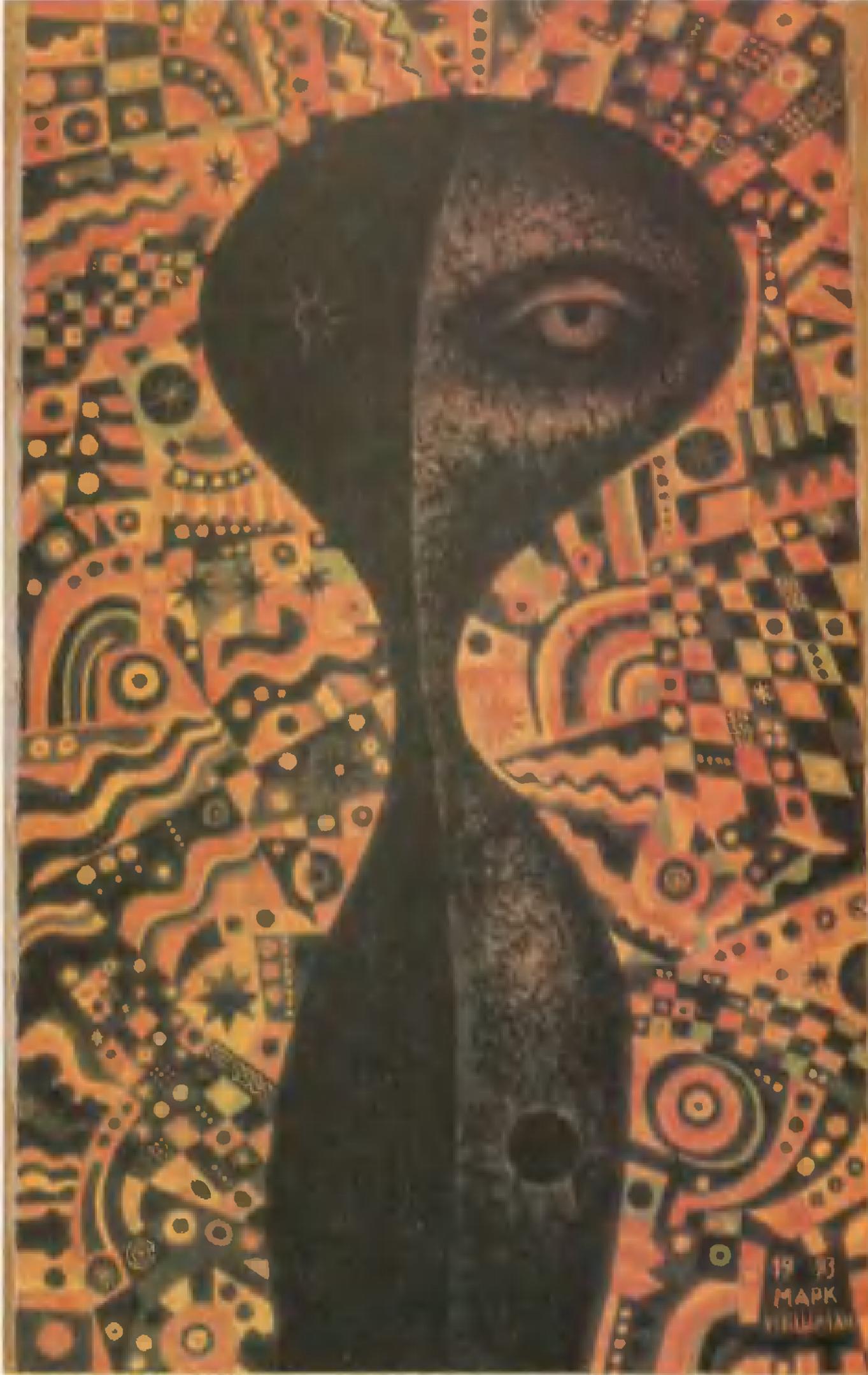
В традиционных мантиях (на суд они ходили в джинсах) они маршировали перед зданием федерального суда в Карлсруэ с плакатом «Верховный федеральный суд — коричневая нацистская банда».

Их юридическая карьера кончилась после показаний подсудимого Мюллера, террориста, арестованного вместе с Майнхоф, главного свидетеля обвинения. По словам Мюллера, некоторые адвокаты были главным ферментом «Красной армии», поддерживали дух послушания лидерам, а после ареста последних фактически заняли их места.

Трое дисквалифицированных адвокатов ушли в подполье.

Последней легальной акцией этих модных адвокатов, игравших в революцию и доигравшихся до действительных преступлений, было обвинение судебных и тюремных властей в изнасиловании и убийстве Ульрики Майнхоф. Созванная по их требованию судебно-медицинская экспертиза подтвердила самоубийство. ●

Москва, 1981 год

Марк Ишман. Адам, 1993 год.

Б. Берман

День делания

В Третий День Творения образованы суша, воздух и вода. В Пятый День Творения вода и воздух заселяются живыми существами.

И сказал Бог: да воскишат воды (йишрэцу Ёа маим) кишшащими живыми душами (шерец нефеш хая) и птица полетит по лицу небосвода (Бытие, 1:20).

Что такое «шерец нефеш хая»?

Хая — та особая энергия, которая заряжает жизнью тело, делает его живым существом, то есть тем, кто обладает чувством жизни, кто знает жизнь в себе и способен переживать ее напряженную динамику. Хая — жизненное движение и жизненаполнение, способное избирательно воспринимать и отталкивать, различая, что хорошо для жизни того или иного существа, а что дурно. Хая — само по себе динамическое побуждение жить, властительное желание обладать жизнью как таковой, стремление к большему обретению и сохранению этого блага.

Нефеш — душа, то самое, что каждое живое существо знает в себе как центр себя, то, благодаря чему оно сознает себя единым со своим телом, целостным и выделенным из всего остального. Нефеш содержит сознание единичности существования и его отграниченности от другого и других. Слово «нефеш» связано со словом «нафац» — вырваться, отделиться, оторваться. В отличие от растения, корнями и крепко связанного с почвой, живое существо оторвано от земли и обладает большей свободой проживания. В нефеш есть это сознание оторванности, отделенности — составная часть сознания «я».

Нефеш хая — живая душа. И растение живет, но только жизнью плоти. Живое существо живет еще и душевной жизнью, то есть, переживая чувство-сознание «я», желает и не может не желать блага «я», стремится к увеличению наслаждения жизнью в «я» и избегает страданий жизни. В этом основополагающем желании и стремлении «я» живого существа — движущий мотив его жизни в каждое мгновение ее.

Шерец — своего рода наименьшая частица, обладающая нефеш хая. Это всякая мелкая кишшащая тварь, которая бежит («рац»), обладает независимым движением: мухи, муравьи, жуки, рыбы и рыбешки.

В следующем стихе (Б., 1:21) второй раз в Торе звучит слово «бара», творение. Творение живых существ, как и творение небесного и земного, есть творение из «ничего». Напомню, что «бара» и «йивра» (сотворим) — это еще не делание («асня») и не создание, формирование («йецира»), а порождение Замысла Творения.

Элоким породил в замысле всевозможные виды живых душ, долженствующих обитать по родам их в водах и в воздухе. Воплотить этот замысел — работа Земли.

Но кроме нефеш хая Элоким сотворил в замысле еще какие-то загадочные существа — *эт Ёа таниним Ёа гдолим*. Слово «гдолим» (огромные или великие) звучало в стихе 16, где оно понадобилось для характеристики великих светил Земли — Солнца и Луны.

Танин (от корня «нун» — производить потомство) — слово загадочное, в значение которого веками пытаются вникнуть мистики. Это не какое-либо отдельное существо, а то, что существует на уровне Бриа и оттуда управляет всем царством живых существ, — тот, от кого в мистическом смысле производятся (как потомство — «нун») это царство.

И благословил их Элоким, сказав: плодитесь и множьтесь и наполняйте воды в морях, и птицы да множатся на земле (Б., 1:22).

Благословить (*йиварэх*) их — положить в них закон и соответствующее

* Продолжение. Начало — в №№ 3, 4 за этот год.

ему влечение жизни. Это влечение «плодиться и множиться», несомненно, включающее в себя и половое производительное влечение, присущее существам, обладающим нефеш хая. Либи́до включено в животную душу на Пятый День: И все же это не голое и самодостаточное стремление к удовлетворению. «Множьтесь» («рву») предписывает заботу о потомстве, без чего, разумеется, нет увеличения числа, умножения.

Слово «лemor» (сказав) единственный раз употребляется в описании Творения. Слово это имеет особый оттенок и предусматривает необходимость незамедлительного и безоговорочного исполнения данного благословенным законом и влечения. Животная душа не смеет ослушаться этого слова.

В Пятый День заселялись воды и воздух. В Шестой День Творения заселяется Земля.

Пусть выведет Земля из себя: душу живую по роду (нефеш хая лемино), существа, которые называются бегема, пресмыкающихся и зверей земных по их роду (Б., 1:24).

Бегема — важное и интересное слово. Это не зверь («хайто эрец»), а совершенно другое животное, приписанное к человеку по самой природе своей; оно для человека «бама» — то подножие, на которое он в своей повседневной жизни и работе может надежно опереться. Оказывается, среди животных есть такие особые виды — не важно, в диком ли они состоянии или одомашнены, — заранее предназначенные быть человеку «бама», поддержкой. Бегема призваны освободить человека от природного тягла, облегчать его труд, давать ему досуг для духовной жизни. В известном смысле человек становится человеком, опираясь на бегема, которые подключены к человеку не в результате умелой дрессировки, а своей нефеш хая.

В этой связи становится понятно, что имеется в виду под *нефеш хая лемино* Шестого Дня. Животная душа как таковая создана на Пятый День. Здесь же, в Шестой День Творения делается уже животная душа человека, к которой подключены души животных — друзей человека (нефеш бегема).

С этого момента и началось создание человека.

Эти (эле) порождения (толдо́т) неба и земли (на шамаим ве на арец) в сотворении их (бе-хибарам) в День Делания (бе-йом асот) Га-Шем Элоким земли и неба (эрец ве-шаманм) (Б., 2:4).

Кажется, во всех переводах Торы на русский язык слова «эле толдо́т» переводятся: «вот происхождение», или «вот родословие». В таком переводе получается, что этот стих подытоживает Творение. Но здесь нет слова «вот» (хине). Слово же «эле» всегда обозначает то, что нацелено вперед: «эти» — не те, которые были, а те, которые будут. Под словами «эле толдо́т» подразумевается начало нового, новое порождение. Попробуем разобратся, что нам здесь сказано.

Начнем с глагола *бе-хибарам* — в (при) сотворении их. Это пассивный инфинитив, указывающий на пассивность производящего действие. Грамматически на пассивный залог указывает стоящая тут буква «хей», «h» маленькая. Без этой буквы *бе-хибарам* превратилось бы в «бе-браам» — «при творении их». Различие существенное. Во втором случае небо и земля творят свои порождения сами; в первом — их творят вместе с небесным и земным.

«Порождения неба и земли» в стихе четвертом не есть то, что творится небом и землею. Нет божеств под названием «небо» и «земля», которые творят. Небо и земля участвуют в этих порождениях пассивно — теми законами, которые заложены «в сотворении их» Творцом.

Есть люди, видящие в мире только *толдо́т*, только те произведения, которые мир производит сам; глядя на мир, люди эти не видят в нем Творца его, не замечают букву «хей» в слове «бе-хибарам». Мудрецы несколько перестраивают это слово и говорят: с помощью «хей» Он сотворил их. Авраам (Авраам), у которого впервые открылись глаза, который первый, сам узрел в мире Творца, обрел тем самым в своем имени букву «хей», сделавшую Авраама Авраамом.

В некотором глубинном смысле буква «хей» — символ этого мира. «Хей» в языке — специфически женская буква. Она обозначает женский род.

2. Марк Ишман. Сотворение рыб, 1993 год.

Мир, который Он сотворил, все Им сотворенное — женское, оно женственно. Потому-то мир (небесное и земное) порождает пассивно и порождает то, что в него вложено при сотворении. Мир, который мы воспринимаем и сознаем, это мир, в котором что-то рождается. На это и указывает слово «толдог», порождения.

Смысл разбираемого стиха в том, что грядут порождения, которые предусмотрены в самом сотворении неба и земли. Земля, природа, весь животный мир уже сотворены в Дни Творения. Пришла пора нового нарощдения неба и земли — человека, адама, людей. Про них и сказано: «эле толдог», эти порождения.

Заметьте, что в создании человека участвуют вместе и Небо и Земля, и «верхнее» и «нижнее». Человек — их совместное, хотя и пассивное, произведение. Восьмое Речение Бога, о котором столько разговоров и в котором Он предлагает: «сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» (Б., 1:26), обращено к небу и земле, к женской природе мира, которой предлагается по образу Нашему — то есть и мужского начала Всевышнего и женского начала мира — создать человека. Человек порожден и несет в себе и Всевышнего, и Небо и Землю.

Чрезвычайно важно, что именно в этом месте впервые в Книге Бытия вместе с именем Элоким поставлено произносимое Имя Всевышнего. На русский язык оно переводится словом Господь. Евреи же говорят — «*Это Имя*» (ha-Шем-, или Гашем). В отличие от всего ранее созданного, созданного Элоким, человек порожден Гашем Элоким.

Из употребления в Торе Этого Имени видно, что оно есть собственное имя Всевышнего. Как всякое собственное имя в иврите имя Гашем не может употребляться с определенным артиклем; а имя Элоким — может.

Корень этого имени в сущности означает не столько «бытие», как часто понимается, сколько «становление». Слово это поставлено в особой языковой модели, указывающей на интенсивное переходное действие. Это глагол, который стоит в будущем времени, но в таком, которое обозначает переход к будущему. В первом приближении значение четырехбуквенного имени: осуществляющий и дающий новое Бытие. Гашем — становящийся Бытие — Тот, кто приходит не продолжать, а обновлять мир, даже и тогда, когда в предыдущем нет для этого оснований.

До создания человека Творение велось только Элоким. Теперь в Творение вводится новый фактор — свобода человека, который сам свободно

решает, созидать ему или уничтожить созданное. Так вот, работа Всевышнего со свободой человека всегда делается и для рождения, для того, чтобы состоялся замысел нового рождения в Творении. Человек способен идти против этой задачи Бога, срывать ее исполнение. В результате его действий Творение могло бы потерять смысл. Но Гашем в ответ ему производит такое обновление существующего, которое направляет и исправляет содеянное свободой человека. Элоким ведет и управляет как закон; Гашем — ведет Творение дальше по назначенному Им пути, выправляет, обновляя его, когда нужно. Гашем может аннулировать поступки и дела, которые свершились своевольно, не по Его воле, против Его воли. И в этом смысле Он являет «милость» рожающего.

Гашем Элоким, Господь Бог — Тот, Кто осуществляет специальный присмотр за тем, что происходит на боевом участке Его дела в Творении. Гашем Элоким осуществляет Божественный присмотр за работой Творения.

Элоким действует в днях Творения. Гашем Элоким действует в День Делания (*йом асот*), на который указывает разбираемый стих. Нам предстоит много говорить о Дне Делания, в котором мы и живем. Сейчас отметим одно обстоятельство, по которому День Делания отличается от дней Творения.

Сказано: *в День Делания Господом Богом Земли и Неба*. И в первом стихе Книги Бытия, и в первой части этого стиха было сказано о сотворении неба и земли; здесь же, в День Делания — наоборот: земли и неба. К тому же небо и земля в днях Творения с определенным артиклем — наше Небо и наша Земля. В День Делания Земля и Небо без определенного артикля. Речь идет тут не об этой Земле и не об этом Небе, а о том, про что сказано у пророка: «Я делаю новую Землю и новое Небо» — другую Землю и другое Небо. С возникновением человека начинается процесс перетворения небесного и земного. Творение идет от неба к земле (арец), перетворение или становление идет от земли (эрец) к небу. Что это? Обратный процесс? Нет, это две половины одной дуги — первая, нисходящая половина от неба к земле, вторая, восходящая половина от земли к новому небу. Теперь небо начинает зависеть от земли.

В Днях Творения строился престол Всевышнего. В Дне Делания начинается строительство Его дома. Престол Всевышнего религиозно переживается в чувстве благоговения, в чувстве экзистенциальной пропасти, лежащей между человеком и его Создателем. По этому чувству человеку невозможно обратиться к Творцу, обратиться с молитвой, с просьбой, обратиться «на ты». Дом Всевышнего, который воздвигается в День Делания, предполагает совершенно другое религиозное отношение к Нему. Тут доминирует не религиозное ощущение Кого-то предельно (запредельно) величественного и недоступного, но (агава) любовь, любовь к Богу.

Итак, идет описание Дня Делания. Читаем дальше, стих пятый главы второй:

И всякое (ве-холь) произрастание (снах) поля (сацэ) еще не (тэрем) будет (иһъе — будущее время) на земле (арец) и всякая трава поля еще не (тэрем) выросла, потому что не пролил дождем (һнмтир) Господь Бог на землю (һа арец), и человека нет работать землю (һа адама).

О каком дожде идет тут речь? Не о природном дожде-пешем, идущем от нижних вод, а о дожде-матар (от слова «мата», вниз, спускаться) — идущем от верхних вод. Мудрецы говорят, что ключи от дождя, как и ключи от рождения, не переданы посредникам, а находятся в руках Всевышнего. Дождь-матар — не просто вода с неба, этот дождь связан с действиями человека и зависит от того, что в духовном смысле происходит с ним.

Нет человека (адам) работать (лаавод) землю (һа адама) — нет и дождя-матар от Него на Землю (һа арец). Авода — не труд, а работа, в которой человек отказывается от себя и служит другому — Земле ли, Хозяину ли, который дает ему работу. Авода — работать, служить. Нет рабочей службы человека на земле — нет и дождя от Всевышнего, а потому «еще не будет» (тэрем иһъе) произрастать трава поля.

Растительность выведена землей на Третий День Творения, но вот наступает День Делания, и сам по себе ее рост уже не нужен, пока «еще не будет» человека работать землю.

Слово «*сиах*» — плотское произрастание — употребляется и в другом значении. В духовном смысле «*сиах*» — это определенный род обращения человека к Богу. Иногда это слово переводят словом «медитация», но не в восточном смысле самопогруженности сознания, а как та сосредоточенность и отрешенность, с которой Исаак выходит работать в поле (*садэ*). Земля, чтобы окончательно пробудиться в мире, должна проявиться в поле — стать почвой. Поле для Исаака — там, где он сеет, где он молится, где беседует с Богом. Жизнь в поле земли есть для него религиозное действие и духовный опыт.

Садэ (поле) — та часть кормилицы-земли, которая потому-то и называется «полем», что она питает человека только при условии, что он ее обрабатывает.

Слова «авода» (рабочая служба), «*сиах*» (обращение к Богу в духе) и «*садэ*» (поле, питающее от работы на нем) вместе заключают в себе глубинный смысл Дня Делания.

Господь Бог готовится создать существо, с которым можно общаться и которое способно обращаться к Нему с тем, что по-еврейски называется «тфила» и что на старославянский язык точно переведено словом «молвить», совершать молитву. Молитва — это не просьба, а определенное рабочее состояние души, в котором человек выносит Богу свое сознание и — вместе — свое служение Ему.

Не может быть (в духовном смысле «еще не будет») произрастания поля (*сиах садэ*), и ничто не вырастет на земле в День Делания, пока нет человека, нет его духовной работы и его работы на земле, благословенной от высших вод.

Следующий стих, шестой, продолжает предыдущий, но как бы раскладывается на две части:

И пар (эд) поднимется (йаале — будущее время) от земли (на арц) — вот первая часть;

и вторая часть: и напоил (нишака — прошедшее время) все лицо земли (на адама).

Строение первой части фразы указывает на то, что слово «эд» мало понимать как «материальный пар». В духовном значении «эд» — это опять-таки молитва, вернее, особый ее аспект — молитвенное «разбивание сердца» человека, отказывающегося от себя в общении с Богом. Такое «эд» и будет подниматься от земли к небу. Тут дано направление всей работы Дня Делания: от земли, то есть от земли к небу, — по второй половине дуги, о которой мы выше говорили.

Другая часть стиха шестого указывает на естественный природный процесс, орошающий почву (*адамá*), место природной работы человека (*адама*).

Есть распространенное заблуждение, по которому слово «адам», человек, образовано от слова «адама», земля. Это не так и лингвистически, и по смыслу. *Адамá* — это именно та земля, на которой адам призван работать. Другое дело, что человек, *адам*, взят от земли и она присутствует в нем в качестве его плотского начала, покрова души. *Адамá* — есть сфера жизни и работа *адама*.

Слово «адам» явно родственно слову «адам», что значит «красный». Красный — цвет, то есть вид света: свет преломленный и цвет огня. Мистики говорят о «темном огне» — изначальной Тьме. В красном свете (в котором и пленку проявлять можно) свет и тьма как бы вместе. Это то, что называется «Свет во тьме светит», — одно из самых пронзительных определений сущности человека.

Слово «адам» родственно слову *на дом* — нечто подставленное вместо. В этом мире человек — вместо Бога, назначен делать Его дело, для Него и вместо Него.

Наконец, адам родственно слову «домá», что значит «уподобление». В задачу человека входит уподобление Богу. Человек — тот, кто делает Его подобие в этом мире. ●

Публикация И. Мардова

Продолжение — в следующем номере

МОЯ ЖИЗНЬ

Часть вторая

В тылу войны бывают «окна» свободного времени. Тут я стал писать «Киркенесскую этику», потому что война перед каждым человеком ставит вопрос о добре и зле.

Не могу сказать, чтобы это была христианская этника. Кстати говоря, под христианской этникой мы чаще всего имеем в виду Десять заповедей. Но они — не христианские, а унаследованы от иудаизма. Однако и эта привязка не обязательна. Заповеди буддизма, конфуцианства — по сути одни и те же.

Биологией в нашей природе заложено, что если ты хочешь есть и перед тобой лежит кусок хлеба, ты его съешь. Но если это необходимо для выживания вида, то можно и нужно воспитать себя так, что ты хлеб не съешь.

Один главный тезис этники состоит в том, что вид важнее индивида; причина тут в биологии, потому что вид без индивида проживет, а индивид без вида — нет. Всякий «я» — это индивид, всякий ближний — это представитель вида, и в споре со «мною» он должен иметь преимущество.

Второй же тезис — в том, что не следует умножать мировое зло. Он тоже имеет биологическую основу: если зло будет множиться бесконечно — мир погнбнет.

Демобилизовался я в декабре 1945 года, а весной 1946 защитил кандидатскую диссертацию «Развитие земельных отношений в Ассирии», в основу которой лег мой студенческий доклад. В этой работе была заложена основа моей концепции истории Древнего Востока как общества, основанного на общественном землевладении. Концепция эта шла вразрез с общепринятыми марксистско-ленинскими постулатами.

В университете нашу кафедру вскоре закрыли «за сионизм» (там преподавался древнееврейский язык), и после войны я вернулся в Эрмитаж, но на эрмитажную зарплату было не прожить с семьей, и я подрядился написать для Азербайджана «Историю Мидии». Все нцут предков познатнее и по древнее, и азербайджанцы надеялись, что мидяне — их древние предки. Я этого доказать не смог, потому что это не так, но историю написал.

В 1949 году в Туркмении при раскопках древней столицы Парфии Нисы было найдено множество черепков с надписями на непонятном языке. Начальник археологической экспедиции разослал фотографии с них разным ученым, надеясь, что те их прочтут. В числе их был мой брат Миша, в то время уже известный иранист. Он пригласил на помощь меня. Я определил, что письмо было арамейское, но текст записан гетерографически, то есть основные слова были написаны по-арамейски, а служебные — на каком-то иранском языке; арамейский текст был как бы шифром, и при его расшифровке весь текст должен был читаться на иранском языке, судя по месту находки — на парфянском. Миша знал только литературный новоперсидский (таджикско-персидский), а для расшифровки нам нужен был специалист по древним иранским языкам. Незадолго перед этим я участвовал в государственном экзамене у студентов-востоковедов и заметил одного очень знающего и толкового молодого человека — Владимира Лившица (тогда еще принимали евреев в студенты востфака). Я нашел его, и мы засели за расшифровку текстов втроем. Дешифровка нам удалась, и мы выпустили небольшую книгу о ней. Впоследствии были найдены тысячи документов в Нисе, и мы с Лившицем опубликовали их в международном издании *Corpus Inscriptionum Iranicarum*.

* Окончание. Начало — в № 4 за 1994 год.

«История Мидии» и расшифровка парфянских документов невольно сделали меня как бы иранистом, даже (после моей поездки в Англию) постоянным членом комитета «Корпуса» и позже — почетным членом Британской Академии.

Мой младший брат Алексей погиб в армии, а мама вернулась из эвакуации тяжело больной, долго не могла получить свою комнату в нашей бывшей квартире, доставшейся какой-то кооператорше. Протянула она недолго и умерла еще в 1949 году. Вскоре и старший брат мой, Миша, уехавший в Москву деканом факультета, тяжело заболел и умер.

Уже не помню, после каких перипетий я был переведен из Института истории в Институт востоковедения; вернее, в его остатки — он был разгромлен после выступления коммунистического лидера А. И. Микояна, сказавшего на партсъезде, что институт не дает правительству материалов для ориентировки нашей политике в странах Азии (но институт был, конечно, создан совсем не для того). Вместо него возник новый Институт востоковедения в Москве, но так как нельзя было сразу перевести в Москву огромное хранилище рукописей и библиотеку Ленинградского института, то уволили не всех ленинградских сотрудников, оставив человек двенадцать, по возможности наиболее политически проверенных. Все они сидели в одном зале. Туда-то попал и я. Но через некоторое время было решено восстановить ленинградский институт в виде филиала московского. Возглавить его было поручено академику И. А. Орбели, которого сняли до этого с должности директора Эрмитажа.

Придя в Институт востоковедения, И. А. Орбели составил список сотрудников, которых он желал получить; список должен был утверждаться в Москве. Благодаря его энергии с большим трудом, но список все-таки утвердили. А выбор, сделанный И. А. Орбели, был превосходен; с тех пор прошло сорок лет, а институт живет практически без сслок и выдает огромную научную продукцию.

На Международном конгрессе в Кембридже в 1954 году в составе делегации наших ученых за рубежом я делал доклад о документах из Нисы. Позже участвовал в различных международных конгрессах; в том числе в Мюнхене докладывал о родстве урартского языка с хурритским, что положило начало целому циклу моих работ по древним языкам Передней Азии (так, в 1967 году я выпустил большую книгу «Языки древней Передней Азии», содержащую десять кратких грамматик — шумерскую, хурритскую, урартскую, эламскую, хаттскую, аккадскую — новоассирийскую и вавилонскую, — угаритскую, финикийскую, древнееврейскую, староарамейскую), потом вышли «Семито-хамитские языки» и «Афразийские языки» по-русски и по-английски, «Hurrisch und Urartäisch» — по-немецки, и, вместе со С. А. Старостиным, «Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language» — по-английски. Кроме того, я написал ряд глав для многотомников «Языки Азии и Африки», «Языки народов мира». Много писал я и для энциклопедий.

Мы все, три брата Дьяконовы, были поэтами и участвовали в работе отца как переводчика. Свои лирические стихи я хранил в столе, но решил предстать перед публикой в качестве стихотворного переводчика. В 1966 году я издал стихотворный перевод «Эпоса о Гильгамеше» с аккадского, а впоследствии (публикации 1973, 1984, 1985 годов) и стихотворные переводы с древнееврейского («Экклесиаст», «Песнь песней») и другие. Мне кажется, эти переводы удалась и поэтически, и по точности передачи оригинала.

Но я продолжал работать и по истории. В 1959 году я выпустил книгу «Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер» (резюме напечатал в США). Но еще до этого я попытался защитить диссертацию на степень доктора исторических наук — отнес рукопись академику В. В. Струве и договорился с двумя оппонентами. Но после двух разговоров со Струве я отказался это продолжать и решил: не буду доктором наук. Гнев В. В. был понятен. Хотя я никогда и нигде с ним не полемизировал, но моя идея о том, что общество древней Месопотамии делилось на два сектора, из которых один был частно-общинным (то есть представлял частные хозяйства членов общины), а другой — царско-храмовым, работники которого при этом рисовались мне не совсем как рабы, — концепция древ-

него общества противоречила созданной В. В. Струве и канонизированной Сталиным в «Кратком курсе ВКП(б)».

В 1959 году мне было поручено организовать международный конгресс востоковедов, и я переехал на целый год в Москву. Как-то раз незадолго до начала конгресса я бежал из своей конторы на другой конец Института востоковедения. В это время с улицы по ступеням поднимался академик В. В. Струве, а сверху навстречу ему спускался директор института, член ЦК партии Б. Г. Гафуров; он остановил меня и подвел к В. В., к которому обратился, говоря со своим обычным таджикским акцентом:

— Васильев Васильевич, почему вы возражаете против диссертации Игоря Михайловича? Игорь Михайлович — секретарь конгресса востоковедов, и нам очень важно, чтобы он имел докторскую степень.

Василий Васильевич не стал спорить с начальством, тем более с членом ЦК, не такой это был человек. Он немедленно взялся за дело — тут же вызвал меня на разговор, были назначены оппоненты. До конгресса оставалось немного дней, я был страшно занят, когда меня вдруг позвали в актовЫй зал, где и состоялась моя докторская защита.

Конгресс прошел прекрасно, однако я почти ничего не видел и не слышал — сначала был страшно занят, а в середине свалился с тяжелым аппендицитом. Конгресс окончился без меня.

В 1963 году я поехал в США и три месяца работал в Восточном институте в Чикаго, где составлялся многотомный словарь аккадского языка; завязал научные и дружеские отношения с американскими древневосточниками — И. Е. Гельбом, Э. Рейнер, С. Н. Крамером и многими другими.

Приглашение в Чикаго исходило от И. Е. Гельба, который очень интересовался проблемами социальной истории. Сразу по приезде мне предложили вести семинар для наиболее одаренных студентов по шумерским текстам Урукагны. Я должен был показать, как подобный текст можно анализировать с точки зрения социально-экономической истории. К моему ужасу, наряду с пятью студентами на моих занятиях сидели и профессора — Гельб, Шёберг, Гютербок и Рейнер.

Позже я смог посетить Нью-Йоркский университет (где сблизился с Э. Бикерманом), Пенсильванский, Анн-Арборский, Гарвардский университеты и женский Университет Брин Мор. И всюду заводил дружеские отношения. Я опубликовал свои наблюдения относительно двух общественных секторов древнего мира в кратком английском резюме в США и еще ряд статей и книг на социально-экономические темы по-русски и по-английски. И. Е. Гельб долгое время был не готов со мной согласиться, но в конце концов, кажется, признал мою точку зрения, с некоторыми оговорками, правда.

Отношение к моим работам за рубежом всегда было заинтересованным, они были написаны профессионально, содержали новые идеи (это позволяла моя некоторая универсальность в специализации); наличие или отсутствие в них марксистской теории формационного развития общества не казалось решающим обстоятельством. А это жаль, потому что понимание истории как процесса — важно, и между тем постепенно развивались у нас, в частности у меня, определенные новые теоретические взгляды на этот процесс, которые могут иметь универсальное значение.

К началу шестидесятых годов я был уже довольно известен в зарубежном востоковедении, и в сущности мне стоило бы теперь писать работы по-английски, что не составляло никакого труда. Уже теперь, когда жизнь кончается, я могу наблюдать, что даже самые мои лучшие работы не входят в международную науку, если написаны по-русски: правило «*Rossica non leguntur*» продолжает действовать непреложно.

Поколение наших востоковедов начала века строго стояло на том, что нам следует писать только по-русски, и тогда весомость русского вклада в науку преодолет это злосчастное правило. Этого, однако, не произошло: написанное по-русски, по крайней мере в области востоковедения, остается мировой науке неизвестным. Если я тем не менее продолжал писать по-русски, то это объясняется лишь административными рогами, которые стояли на пути публикации на иностранных языках; чтобы получить разрешение на такую публикацию, к ней в любом случае должен был прилагаться

русский текст для цензуры, то есть всякую работу нужно было делать два раза. И все-таки около четверти моих работ вышло по-английски.

С течением времени меня выбрали почетным членом Американской Академии искусств и наук, почетным членом Британской Академии, Французского Азиатского общества, Британского Королевского Азиатского общества и ученых обществ Италии и Венгрии.

Меня не раз спрашивали, как это получилось, что за рубежом я признан и избран в академии, а дома — нет? Тут, конечно, дело в отечественной системе избрания. В иностранные академии и общества меня избирали по моим общеизвестным научным работам, только испросив мое согласие. У нас же для вступления в нашу академию надо писать прошение, к которому я должен приложить характеристику, фотокарточки (а вдруг у меня только один глаз, и тогда меня нельзя избрать в академию?). Я должен заполнить анкету, где меня спрашивают про партийность, про национальность и чуть ли не анализ мочи. Кроме того, уж очень часто в Академию наук избирают не за науку, а за административную работу. Академия у нас — это заведение в высшей степени бюрократическое, и никакая перестройка его не берет... Однако недавно и у нас меня выбрали академиком. Только естественных наук, как я ни отговаривался, что всю жизнь занимался не естественными, даже противоестественными науками. И никаких анкет — вручили «корочку», и все.

Когда строгость запрета общаться с иностранцами стала ослабевать, нас два раза посещал и жил у нас дома замечательный, светлый человек, лингвист и путешественник Георг Моргенштерне, а в 1970 году мы с женой ездили к нему в гости в Норвегию. Я встретил старых друзей по киркенескому году и даже еще по двадцатым годам. Завязалась дружба с дочерью Моргенштерне и ее мужем.

Семидесятые и восьмидесятые годы были периодом моей наиболее активной научной работы. Я работал теперь не один, а возглавлял целую группу древневосточной филологии. Наша группа была связана с параллельной группой древневосточной истории, которую по смерти В. В. Струве и Ю. Я. Перепелкина возглавил блестящий историк М. А. Дандамаев (новоавилонская история и история ахеменидского Ирана). Таким образом в Ленинграде воссоздался большой коллектив историков, литературоведов и языковедов, а также искусствоведов и археологов, изучающих Древний Восток, но хотя этот центр не уступает любому научному центру на Западе или Востоке, работы его относительно редко публикуются за рубежом и поэтому в значительной части остаются неизвестными зарубежным коллегам, хотя во многом мы продвинулись дальше Запада. Обратный поток зарубежных работ в Россию очень слаб, многое до нас вовсе не доходит, и в этом наша слабость: если бы не она, мы были бы «впереди планеты всей», ведь русские ученые свободно читают зарубежные работы и наши лучшие научно-исследовательские институты не имеют себе равных за границей.

Моя работа в это время проходила в двух направлениях. В области истории, кроме целого ряда теоретических и других статей, мы создали обобщающую работу — «Историю древнего мира» в трех томах под редакцией И. М. Дьяконова (Ленинград), В. Д. Нероновой (Пермь) и И. С. Свейцицкой (Москва); книга вышла тремя изданиями — в 1982, 1984, 1989 годах, каждый раз с обновленным текстом (в 1991 году первый том вышел в США на английском); еще вышло два тома подробной «Истории Древнего Востока»; кроме того, я выпустил очень обстоятельное исследование «Люди города Ура», где на основании клинописных текстов и археологических находок восстанавливалась повседневная жизнь вавилонян начала II тысячелетия новой эры.

Пожалуй, помимо большой конкретной исторической и социальной картины, которую удалось нарисовать, для дальнейшего было особенно важно, что я понял роль социально-психологического фактора в развитии исторического процесса. Переход от одной социально-исторической ступени к другой происходит не путем смены производственных отношений, но только в силу перемен ценностной ориентации и мотивации действий. Это заставило меня в дальнейшем заняться социальной психологией, которая в древности про-

является главным образом в мифологизированной форме («Архаические мифы Востока и Запада», Москва, 1990 год, сейчас переведена на английский язык и находится в печати).

В области языкознания мной предпринята довольно крупная работа — создание сравнительного этимологического словаря афразийских языков (то есть семитских, египетского, берберо-ливийских, кушитских, чадских). Сначала в этом труде приняло участие множество ученых, но постепенно выявились главные авторы — кроме меня, это были А. Г. Белова, А. Ю. Милитарев, В. Я. Порхомовский, О. В. Столбова. Вышли уже три выпуска с 1981 года по 1986 крошечным тиражом, не попавшим за границу, — предполагалось, что потом все это будет объединено в общий том и издано в английском варианте, но в конце восьмидесятых годов выяснилось, что у всех моих соавторов появились свои, особые интересы, свои подходы к проблемам, и работа над словарем прекратилась. Я очень тяжело перенес это — у меня началась депрессия. Сейчас, в середине девяностых годов, мои соавторы как будто решили издать по крайней мере уже вышедшие выпуски по-английски, а может быть, и продолжить издание, но боюсь, что моих сил на это уже не хватит.

В 1990 году мы с женой получили приглашение приехать в Осло и в Киркенес, где старожилы еще помнили меня и все, что я сделал для них. Нас трогательно чествовали.

Начиная с 1990-х годов я почувствовал, что работать по специальности больше не могу, — мозг устал и не работает на уровне детального анализа. Однако я пустился на большую авантюру: написал популярную историю человечества от питекантропа до подступов к XXI веку; здесь я предложил новую периодизацию исторического процесса, опирающуюся не только на изменения в характере производства и социальных отношений, но и на изменения в мотивации социальной деятельности (в области социальной психологии). Вместо четырех или пяти марксистских формаций я предложил делить человеческую историю на восемь фаз. Тоталитаризм — нацистский и коммунистический — я отнес к разновидностям седьмой («капиталистической») фазы, оканчивающейся тем, что рушатся все империи. Далее я постулировал восьмую — «посткапиталистическую» фазу (поэтому считаю, что попытка вернуться к капитализму у нас не осуществима). К посткапиталистической фазе я отнес современную Швецию, Норвегию, Данию, США, Новую Зеландию; в переходе к ней — почти вся Европа. Книга еще не напечатана, но надеюсь, что она выйдет.

Я приближаюсь к восьмидесяти годам. Век мой прошел, идет век моих сыновей — математический, а не гуманитарный. Все, что мог, я сделал; если в чем согрешил — согрешил.

Меня как-то спросил один журналист, устраивает ли меня время, в которое живу. Я сказал, что устраивает: мне интересно. Я рассматриваю себя как пережиток русской интеллигенции. Петербургской.

Интеллигенция наша страшно поредела. Настоящей живой интеллигенции почти нет. Истребляли ее в гражданскую войну, выселяли в Казахстан в 1934, уничтожали в 1937—1938 годах (да и раньше, и позже); многих «съело» ополчение, война, эмиграция двадцатых и шестидесятых годов. Многие ленинградские интеллигенты мигрировали в Москву, не вернувшись в разрушенный Ленинград. В Петербурге почти нет старого типа интеллигентов. Только стены старые здесь стоят, обветшавшие. Да и по стране нас мало осталось.

Когда расстреливали интеллигента, убивали не только его, но и детей его, внуков. Поэтому и оказалась у нас интеллигенция такой малочисленной и такого низкого «качества» по сравнению с прежней. Нашей интеллигенции нанесен невосполнимый урон. Впрочем, точно так же уничтожали и рабочих, и особенно крестьян — тоже главным образом лучших, тех, кто выделялся из среднего уровня.

Еще не бывало империи, которая была бы построена на возможно более полном уничтожении наиболее ценного генофонда своей же нации. Теперь мы можем найти остаток настоящих русских интеллигентов в... Казахстане или в Норильске.

От интеллигенции естественный переход к национальному вопросу. В традиции некоторых обществ — натравливать одну группу населения на другую. Натравливают по принципу этнической обособленности или по признакусловия, в котором случайно родился. В 1943 году по нашей армии был издан секретный приказ о том, чтобы «евреев и других националов» не продвигать, хотя (пока) и не задвигать. Одновременно с улиц Ленинграда были сняты таблички с еврейскими фамилиями. По ошибке сняли и «Либкнехта». Это было только начало.

В таком государстве нельзя, чтобы все были хорошие, — какая-то группа населения, какая-то нация должна быть плохой, чтобы ее можно было «тащить и не пущать». Это и есть фашизм.

Национальность — это самосознание. Но желание найти вокруг себя людей лучше тебя или хуже тебя по национальному признаку — это симптом комплекса неполноценности и следствие дурного воспитания.

Современный национализм — это нечто вроде раннего гитлеровского нацизма. Люди объединяются на почве ненависти к другой нации, толкуются там, где действуют неподвластные разуму законы толпы и где они чувствуют себя силой, а поодиночке ощущают свою незащищенность.

У нас не будет правового государства, пока сохранится «пятый пункт» и не восстановится суд присяжных. У нас неправильно представляют, что такое суд присяжных. Предполагается, что вместо двух «кивал» к судье приставят шесть или двенадцать — что за разница? Только дороже! Между тем суд присяжных принципиально иной. Решение о вине принимает не судья, а набранные случайно, по жребию, средние граждане, исходя из среднего понимания добра и зла. Дело судьи — назначить меру наказания.

Подводя итоги своей жизни, несколько слов — о моем мировоззрении. И об этике.

Наука пока не может объяснить убедительно, почему, например, бабочка красива, почему красив цветок. Как началась первая жизнь, биология объяснить пока убедительно тоже не смогла. С другой стороны, мы очень точно знаем время сотворения всего невообразимо громадного мироздания.

Вселенная настолько велика, что происходящее на нашей планете никакого отношения не может иметь к творению триллионов солнц Вселенной. Творец не станет заниматься такой малостью, так же, как человек не может руководить отдельно жизнедеятельностью каждой клетки своего тела. Лишь благодаря редчайшему стечению обстоятельств на одной нашей планете и, похоже, больше нигде, возникла жизнь.

Может быть, и на нашей Земле кто-то заведует всем, что здесь происходит, на нашем крохотном шарике, который и на карте звездного неба самого большого масштаба не передать даже мельчайшей точкой. Если я допускаю творца, как некое вселенское начало, это не значит, что я верую в Бога местного, земного, который будто наказует и милует нас. Моя этника базируется не на вере в Бога, а на законах биологии и социальной психологии. Если для кого-то более убедительна гипотеза Бога, я не стану спорить.

Наша планета — это что-то вроде чулана в самом дальнем углу дома: «Ein Kerichtfass und eine Rumpelkammer», как сказал Гёте, — «Ведро с объедками и чулан хлама». Наш частный планетный Бог, если он и существует, как видно, не все может, в том числе и в отношениях с человеком, потому что, если бы он мог все, на Земле было бы только добро. Но существование бытия божьего не доказано, а тем более — бытия доброго Бога.

На место Бога я ставлю врожденную у каждого человека совесть. Это тоже биология: вид, где есть совестливые, выживает; вид, где каждый друг другу ненавистник и враг, непременно погибнет.

Меня очень раздражают рассуждения о прогрессе. Если здесь у нас прогресс, значит, откуда-то мы берем материал для его создания. Если тут насыпана гора, значит, где-то увеличилась яма. Если что-то — к лучшему, то что-то и к худшему. Прогресса без потерь не может быть.

Что бы я сказал человечеству, если бы оно меня об этом попросило?

— Не умножайте мирового зла. ●

1 июня 1993 года

«Знание — сила».
Май 1994

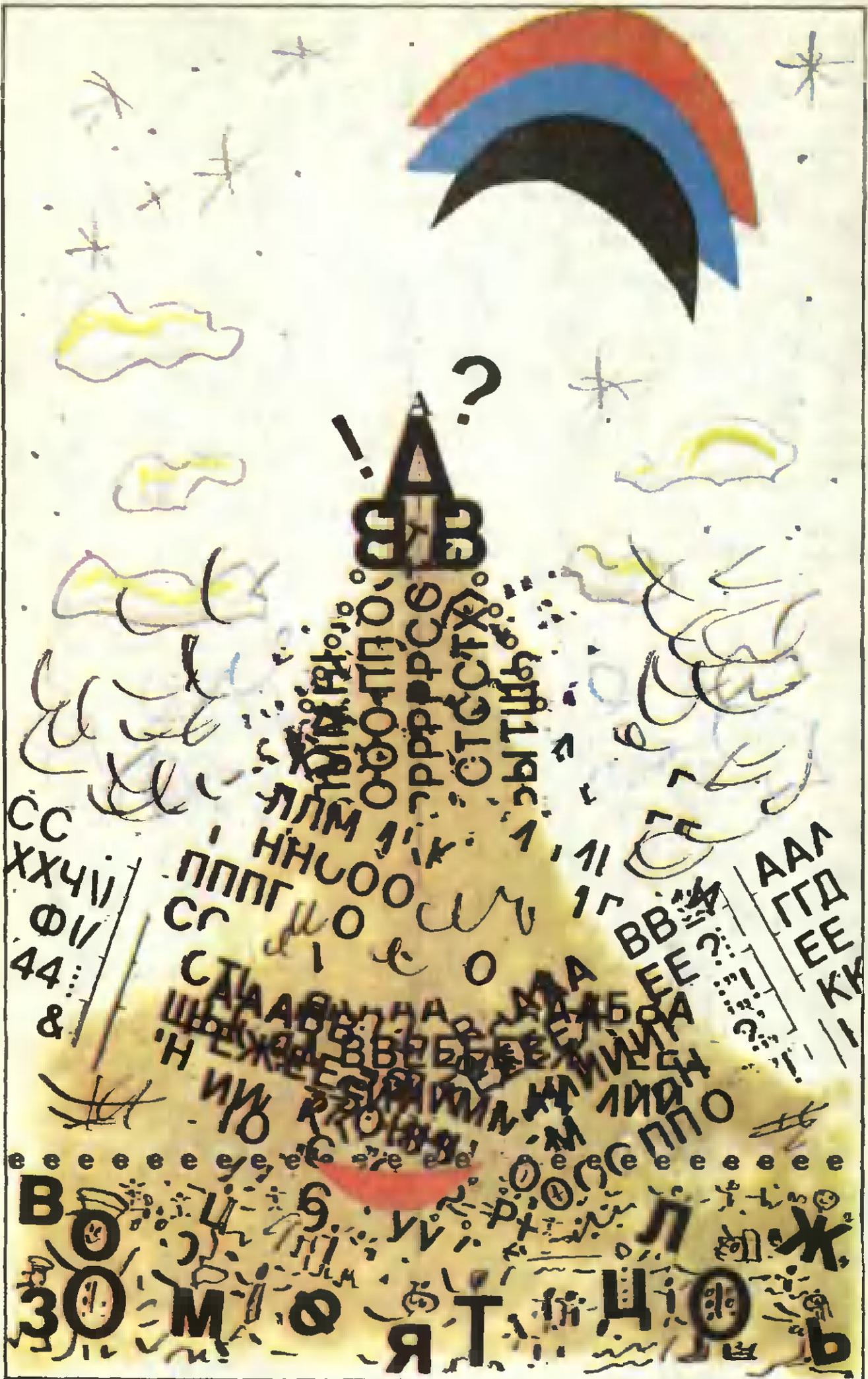

Иллюстрация Ю. Сарафанова

Р. Кац

«История советской фантастики»

Извлечение из главы

IV. Враги внутренние, враги внешние (1937—1945)

17 февраля 1937 года произошло сразу несколько событий, на первый взгляд, между собой почти не связанных.

В Москве в Колонном зале Дома Союзов начало свою работу Совещание писателей, работающих над произведениями, посвященными оборонной теме. Председательствовали Ставский и Кургузов. В президиуме оказались как члены бывшего ЛОКАФ (Литературного объединения Красной Армии и Флота) Н. Асеев, Я. Купала, Ю. Либединский и другие, так и представители кургузовской секции С. Шпаньрь, А. Зайцев, В. Понятовский и Ник. Шпаковский. С докладом выступил нарком обороны Климент Ворошилов. Речь его была еще более невнятна, чем обычно. Климент Ефремович много жесткнулировал, говорил на повышенных тонах, и из его слов выходило, что писатели-«оборонщики», с одной стороны, должны еще всемернее и активнее направлять свои усилия на создание произведений, отражающих возросшую боеготовность Красной Армии и ее возможности в скором времени использовать лунный плацдарм; с другой — те же писатели обязаны были крепить революционную бдительность и не давать нашим классовым врагам за рубежами СССР ни малейшего намека на реальные достижения нашей военно-научной мысли, дабы не допустить разглашения военных тайн, «либо сведений, могущих в исторически обозримом будущем стать таковыми». При этом Ворошилов с похвалой отозвался о работе кургузовской Секции фантастики, «...члены которой не тратят драгоценное время и

народные деньги на всевозможные поездки по гарнизонам, отвлекающие бойцов и дезориентирующие командиров РККА так называемым «сбором материала», а умеют создавать свои нужные книги, руководствуясь прежде всего теми сведениями, которые всегда можно получить у уполномоченных на местах, а также пониманием насущных требований жизни...»

Авторы-«оборонщики» испытали легкий шок: по сути дела им предписывалось отныне творить, не выходя из своего кабинета и подстигая свое вдохновение только тщательно отобранными Политуправлением РККА сводками. И если поэты смогли бы еще вдохновлять свою музу газетами (некоторые уже так и делали), то прозаики и тем более очеркнсты оказались в положении крайне сомнительном. Выиграл, как всегда, один только Степан Кургузов, который мгновенно понял, что новая директива способствует очередному укреплению и без того сильных позиций практикующих писателей-фантастов (ведь и раньше почти все из них прекрасно обходились без командировок куда бы то ни было...). В своем коротком ответном слове Кургузов пообещал от имени секции крепить боеготовность, зорко охранять рубежи и секреты и «обеспечить население самыми лучшими научно-фантастическими романами, какие только способны создать наши отважные бойцы литературной передовой...»

В тот же день был официально упразднен ГИРД. В коротком сообщении «Правды» говорилось, что «...ликвидация одной из неперспективных отраслей современного авиастроения дает возможность шире развивать все остальные отрасли». (Получив по каналам ТАСС такую информацию, редактор «Правды» Поспелов на всякий случай счел своим долгом еще раз уточнить в Наркомате обороны, действительно ли это сообщение пред-

* Продолжение. Начало — в № 4 за этот год

назначено для открытой печати, нет ли здесь ошибки. Как вспоминает Игорь Сапунов, бывший тогда заместителем ответственного секретаря газеты, из наркомата ответил сам Тимошенко: немедленно печатать и не задавать лишних вопросов!) Одновременно с ликвидацией ГИРДа тут же был образован — и вот об этом-то нигде не сообщалось ни слова! — второй Наркомат авиационной промышленности. В отличие от первого он подчинялся непосредственно Сталину, и до 1954 года даже Ильюшин и Лавочкин не подозревали, чем же именно занимается наркомат-«дублер».

В тот же день были арестованы два ведущих сотрудника ГИРДа — Сергей Королев и Вадим Бармин. Внешне процедура ареста проходила, как обычно. Только много лет спустя писатель Виктор Ильенков, живший в тридцатые годы на одной лестничной площадке с Барминым, в интервью газете «Московские новости» рассказал о некоторых странных подробностях того давнего события: против своего обыкновения, сотрудники НКВД явились не ночью, а утром, часов около восьми. Вместо того чтобы «нзъять» свою жертву незаметно и тихо, агенты наделали много шума, разве что только не стреляли в потолок. (Примерно через неделю после ареста стали распространяться упорные слухи, будто и Королев, и Бармин расстреляны в тот же день; это было довольно странно, поскольку обычно НКВД в те годы даже настоящие расстрелы предпочитал скрывать под псевдонимом «десять лет без права переписки».)

В тот же день в нескольких десятках километров от столицы Украинской ССР Киева, на речке Припять, был огорожен колючей проволокой обширный участок под совершенно секретное строительство. Для рабочей силы начали строиться бараки, напоминающие лагерные.

Это был будущий «объект» под кодовым названием «Киев-17». Именно здесь и должен был начаться первый этап практической реализации так называемого «Проекта-К». Только Сталин, Ворошилов и еще считанное число высших армейских чинов знали, откуда взялась эта буква «К», — она означала сокращение от «Катапульта», любимого Сталиным романа Степана Кургузова...

Немалая часть западных советологов, исследовавших в шестидесятые — семидесятые годы феномен Большого террора, склонна была считать его явлением и типично иррациональным. Его «политическая целесообразность» казалась несоизмеримой с количеством жертв, а «экономическая рентабельность» («выгода» дармового труда заключенных) почти аннулировалась тем, что одновременно оголялись важные участки промышленности и науки — как результат массовых репрессий против квалифицированной части рабочего класса и интеллигенции. Пожалуй, только некоторые детали рассекреченного в начале девяностых злополучного «Проекта-К» кое-что проясняют в глобальных намерениях Иосифа Сталина, чья гигантомания, видимо, все-таки была разновидностью политической шизофрении; хотя, конечно, следует согласиться с видным исследователем тоталитарной культуры Игорем Голомштоком: и в СССР, и в Третьем рейхе идеологическая гигантомания была чрезвычайно заразительна на всех уровнях и уже к концу тридцатых приняла характер явной пандемии. «Лунная» утопия Сталина прекрасно вписывалась в эту картину. Идеей заполучить в свое распоряжение естественный спутник планеты и таким образом «держать под контролем любую территорию», оставаясь невидимым и практически безнаказанным, Сталин был одержим до конца своих дней и сумел заразить ею даже более трезвых своих преемников и последователей.

Любые попытки самых сведущих военачальников хоть что-то объяснить Сталину, доказать, что в данный момент германская угроза поважнее будущего освоения спутника Земли (доклад Эйхе, рапорт Уборевича, служебная записка Тухачевского — последняя, кстати, сохранилась в архиве ЦК, первая страница перечеркнута красным и сталинской рукой выведено «Сволочь!»), приводили только к известным трагическим последствиям для самих военных. Горькая шуточка комкора Примакова, оброненная им в кулуарах Академии генерального штаба, — о том, что нарком Ворошилов по своему невежеству наверняка считает, будто до Луны можно доскакать на тачанках, — стоила трибунала и самому Примако-

ву, и всем тем, кто его слушал и не донес.

Как это ни странно, только случайность не позволила заранее обезопасить Британские острова от налетов гитлеровских реактивных снарядов «ФАУ», унесших впоследствии так много человеческих жизней. Дело в том, что первоначально агентурные данные и аэрофотосъемка секретного немецкого полигона в Пенемюнде очень насторожили Сталина. Он вообразил, что Гитлер разрабатывает свой собственный лунный проект. Было уже завербовано двое рабочих и один инженер в Пенемюнде, были уже определены места, куда будут заложены радиоуправляемые фугасы, продумано прикрытие. Лишь в марте 1939 года радист группы Шульце — Бойзена в Германии передал в Центр подтверждение, что в Пенемюнде готовится не космический проект, а только оборудуются площадки для запуска малых реактивных снарядов, нацеленных на Англию. Информация была тщательно перепроверена, подтвердилась, после чего Сталин мгновенно потерял интерес к этому объекту.

Так случилось, что через два года взрывать все-таки пришлось, только уже наш собственный «объект»: тот самый грандиозный «аэродром-бис», что начали строить в феврале 1937 года и должны были окончательно завершить к июлю 1941 года. Под угрозой быстрого немецкого наступления Сталин вынужден был отдать приказ уничтожить Киев-17 полностью — военный городок, все технические постройки, взлетно-посадочные полосы для транспортной авиации, корпуса всех восьми заводов, главную стартовую площадку, склады... буквально все. Взрыв был так силен, что на огромной территории произошло смещение грунта и возникла трещина базальтовой плиты на глубине. В апреле 1986 года, когда на этом месте уже располагалась АЭС, давние события сыграли свою роковую роль...

Однако не будем пока забегать вперед. Вернемся вновь к 17 февраля 1937 года, к еще одному небольшому событию.

Во второй половине дня, после закрытия пленарного заседания Совещания писателей-«оборонщиков», из секретариата СП Кургузову передали почтовую бандероль. Пакет был отправлен из Свердловска и адресо-

ван Кургузову лично. Внутри него Степан Петрович обнаружил рукопись романа «Границы неба».

Вероятнее всего, произведение очень устроило С. Кургузова потому, что было, казалось бы, специально создано в ответ на только что высказанную просьбу Климента Ефремовича. Публикация «Границ неба» сразу же после оборонно-литературного совещания стала бы важным тактическим шагом руководителя секции. Буквально в тот же день Степан Петрович связался с директором издательства «Молодая гвардия» и настоятельно предложил опубликовать «Границы...» вне очереди.

Через три недели — очень короткий срок для «Молодой гвардии»! — сигнальный экземпляр был готов. Кургузов, зная пристрастия генсека, почти не волновался, посылая ему экземпляр «Границ...». Но все-таки он не без волнения вскрыл три дня спустя конверт, доставленный в Союз писателей спецпочтой. Письмо было довольно лаконичным. Сталин писал (цитирую по Собранию сочинений И. В. Сталина, том 32): «Кто автор? Надо поощрить, тов. Кургузов! Книга хорошая, нам нужны такие. Распорядитесь, чтобы роман попал в библиотеки воинских частей и особенно погранзастав. Как только этот автор напишет еще что-нибудь, дайте мне знать. С удовольствием прочту. С комприветом — Сталин. 13 апр. 37».

Первый вопрос сталинской записки интересовал и самого Кургузова. Он распорядился направить автору «Границ...» официальное приглашение переехать в Москву. («Вам будет оказано всяческое содействие», — говорилось в том приглашении.) После чего Кургузову оставалось только ждать, когда новая надежда советской фантастики прибудет в столицу.

Если бы Степан Кургузов хоть немного был знаком с этим человеком, его ожидание, вероятнее всего, было бы отнюдь не радостным, а даже очень тревожным.

Ибо роман «Границы неба» написал не кто иной, как Вячеслав Курицын.

Personalia: Курицын

Вячеслав Михайлович Курицын родился в 1896 году в Екатеринбурге в семье горюго инженера. Окончил реальное училище и затем два курса Санкт-Петербургского горюго института. После чего был изгнан

из учебного заведения «за проступки, нарушающие Устав института» (хитроумное устройство, сконструированное Курицыным и подброшенное в плевательницу туалета для господ преподавателей, стало возвращать каждый плевком в физиономию тому, кто решался воспользоваться «замнированным» сосудом).

Вячеслав не стал задерживаться в столице и возвратился на Урал. Призыва на войну 1914 года сумел избежать, в гражданской войне тоже не участвовал ни на одной из сторон, умело ускользнув и от красных, и от колчаковских вербовщиков, — оба раза обе полевые призывные комиссии вручали ему освобождение от службы с одной и той же, почти швейковской формулировкой: «Призыву не подлежит. Страдает врожденным слабоумием». Перед колчаковцами Курицын вдобавок еще мастерски разыграл приступ «пляски святого Витта» и получил не только право не служить в армии, но и право беспешинно торговать всякой мелочью на городской толкучке (последнее, кстати, помогло ему в годы войны содержать родных — отца и младшего брата-гимназиста). Литературой Вячеслав увлекся в двадцатилетнем возрасте, отдавая предпочтение «серебряному веку»: писал стихи, последовательно пройдя через Бальмонта, Северянина, Гумилева и раннего Маяковского. В 1923 году, в пику столичному рапповскому журналу «На посту», основал свой журнал, который принципиально назвал «Пост Модерна». Вышло два номера, причем оба были заполнены одними собственными произведениями Курицына — стихами, прозой, эссеистикой. В своем журнале автор выступал, естественно, под разными псевдонимами: «Владимир Сорокин», «Михаил Эпштейн», «Игорь Преображенский» и даже какой-то «Ролан Барт». Под именем Барта Курицын и написал несколько умопомрачительных эссе, что способствовало в конце концов прекращению выхода журнала: в свердловском наркомпросе, чьим попечением издавался «Пост Модерна», сообразили вдруг, что журнал вовсе не «культурно-просветительный ежемесячник для молодежи», как аттестовал свое издание молодой редактор. «Дураки! Мы опережали время!» — сказал на прощание наркомпросовцам Курицын и сделал стойку на голове, после чего прозвучавшее было со стороны местных деятелей народного образования предложение занять вакансию директора одной из вспомогательных школ отпало само собой.

До середины тридцатых Вячеслав Курицын работает хроникером в свердловской комсомольской газете «На смену!», причем дважды был на грани увольнения и передачи дела в суд: первый раз — после статьи «По следам бородатой женщины» (за последнюю он, два месяца мороча местных естествоиспытателей — не говоря уж об обычных совгражданах! — выдавал

своего приятеля, бородатого художника Шмидта). Второй раз — после информации о том, что бывший вице-губернатор Екатеринбургa будто бы не умер от апоплексического удара в 1918 году, а заснул летаргическим сном, был складирован в подвале местного почтамта и через пятнадцать лет начал проявлять признаки жизни. Допрошенный в НКВД, Курицын клялся, что самолично обнаружил тело вице-губернатора, когда разыскивал в подвале затерявшуюся посылку, а в качестве доказательства своей правоты то и дело предъявлял старенькую справку о врожденном слабоумии. Шутка едва не кончилась арестом и политической статьей, поскольку Курицын по ошибке показал сначала колчаковскую бумажку, подписанную адъютантом Военно-медицинской академии ротмистром фон Рашке. К счастью, в последний момент ему удалось подменить этот опасный документ аналогичным, только уже за подписью старшего фельдшера Федотова, военврача призывкома РККА.

Есть самые серьезные подозрения, что и роман «Границы неба» был написан автором как пародийный, а послан именно С. Кургузову с откровенно оскорбительными намерениями — как литературное возмездие за убогую и многократно тиражируемую «Катапульту». Вероятнее всего, Курицын и на этот раз ожидал скандала и уже заготовил впрок свое вечное медицинское алиби. Каково же было его изумление, когда через два месяца он получил пачку свежих авторских экземпляров «Границы...» с одобрительным предисловием Кургузова и с почти что ультимативным требованием переехать в Москву, поближе к секции фантастов.

Вячеслав Курицын погиб в апреле 1940 года, будучи в сильном подпитии, выпав неосторожно (или намеренно?) из кабины военного вертолета системы «стрекоза», на котором возвращался в Москву после встречи с пограничниками на Памире...

В числе миллионов безымянных жертв сталинского «луинового проекта» трагикомическая судьба и гибель писателя Вячеслава Курицына может на первый взгляд показаться нетипичной, каким-то анекдотом со скверным финалом. Однако в этой судьбе как в капле воды видны все перипетии «Проекта-К», отраженного в зеркале изящной словесности. Даже видимость делового партнерства, которую в свое время предлагал властям Алексей Лежнев, для Сталина уже становилась излишней: с конца тридцатых Союз писателей и его «серый кардинал» С. Кургузов уже не нуждались ни в какой идеологической «накачке». Первичный импульс был столь силен, что на многие годы вперед отечест-

венная фантастика была обеспечена четким и ясным направлением и летела вперед без остановки. Генсек мог только пожинать плоды, поощрять наиболее отличившихся или — изредка — снимать с шахматной доски отыгранные фигуры. Романы «Границы неба» Вячеслава Курицына в этом смысле оказались переломными, и Кургузов не случайно воспринял произведение всерьез: система подмяла под себя даже полуиздевательский сюжет, поставив его на службу сталинской космической утопии.

Извлечение из главы

V. Борьба за первенство мира со смертельным исходом (1945—1953)

Скандалные слухи о помешательстве Генерального секретаря Иосифа Сталина просочились в американские бульварные газеты в августе 1945 года и были немедленно пресечены Госдепартаментом. Впрочем, эти сенсационные сведения не получили бы никакого резонанса в любом случае: авторитет СССР и его лидера после победы над германским фашизмом был настолько высок, что скандал едва бы смог разгореться в такой атмосфере. Поводом же к несостоявшейся сенсации, очевидно, послужила утечка информации из кулуаров Потсдамской конференции, проходившей близ Берлина с 17 июля по 2 августа. Дело в том, что под занавес встречи Сталин, беседуя с Трумэн, в свойственной ему лаконичной манере предложил обсудить все проблемы, связанные с разделом Луны между державами-победительницами и, может быть, подписать еще одно четырехстороннее соглашение «с учетом несомненного приоритета СССР в этой сфере и с правом решающего голоса у его руководителей». Американский историк и политолог Роберт Майлин, бывший в ту пору переводчиком Трумэна, много позднее в своей книге «Перед Хиросимой был Потсдам» (1966) так описывал и комментировал этот в высшей степени странный разговор: «Трумэну вначале показалось, что он ослышался или слова «Дяди Джо» ему неверно перевели. «Простите, господин Сталин, Вы имеете в виду, конечно, раздел Германии?» — переспросил он. Сталин затянулся своею знаменитой трубкой и очень четко повторил: «Луны. О Германии ведь мы уже договорились. Я имею в виду именно Луну. И учтите, господин президент,

у Советского Союза есть достаточно сил и технических возможностей, чтобы доказать наш приоритет самым серьезным образом». Гарри Трумэн заметно встревожился. Ему вдруг показалось, будто «Дядя Джо» таким вот необычным образом дает понять американскому президенту, что ему уже все известно о «Толстяке» и «Малышке» — двух ядерных устройствах, которыми как раз в эти дни снаряжали в Лос-Аламосе бомбовые отсеки двух специально оборудованных бомбардировщиков типа «Летающая крепость». Президент США первоначально намеревался уведомить Сталина о предстоящем авиационном налете на Хиросиму и Нагасаки только накануне события, 5 августа. Однако теперь он неожиданно изменил свое решение и поспешил сделать признание немедленно, невольно проигнорировав сам вопрос о Луне. Это не укрылось от внимания Сталина. Он выслушал краткое сообщение о новой бомбе с непроницаемым выражением лица и, тщательно подбирая слова, сказал: «Мы об этом знали, господин Трумэн. Однако даже ваша атомная бомба не сможет помешать нам добиться своей цели. Запомните, от Луны мы никогда не отступимся!» — после чего дал понять, что разговор окончен. Сразу после конференции вашингтонские эксперты тщательно проанализировали этот диалог и окончательно отбросили версию о якобы спонтанном помешательстве Сталина. «Лунная» тема была признана аналитиками хитрым дипломатическим маневром. Сам Гарри Трумэн был уверен, что все посторонние разговоры о Луне — есть всего лишь проявление азнатского коварства Сталина, который хотел, обескуражив собеседника, заставить его проговориться о весьма интересующих советскую сторону подробностях американского атомного проекта...»

Сталин же сделал из короткого разговора с президентом собственные выводы. Растерянность Трумэна и его непонятно легкое признание факта появления у США новой сверхмощной бомбы Сталин расценил как самое убедительное доказательство его подозрений: Штаты действительно имеют свои виды на историческую мечту советского народа Луну и не собираются от них отказываться. (Забавно, но Сталин в тот раз перехитрил сам себя и невольно спровоци-

ровал реальное создание «Лунного проекта» США. Тема Луны, до тех пор не возникавшая в Конгрессе, после отчета экспертов неожиданно всплыла, и часть оборонных ассигнований была на всякий случай отпущена закрытому институту Вернера фон Брауна, который ныне работал на американцев и которому до того случая практически не выделяли средств на полноценные исследования такого масштаба.)

С этого момента и началась первая фаза изнурительной «холодной войны» бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Между тем угрожающие фразы Сталина насчет «иаших сил и технических возможностей» были блефом чистой воды.

Пожалуй, один только Степан Кургузов деятельно выполнял и перевыполнял свои обязательства перед «Проектом-К». Благодаря Кургузову и его Секции население уже готовилось к тому, что задача освоения спутника Земли будет не сегодня завтра просто вписана в планы текущего дня, станет рядовым техническим фактом пятилетки. К концу сороковых многие читатели в СССР искренне полагали, что наша лунная программа давным-давно начата, идет полным ходом и граждан пока не информируют лишь из соображений секретности. Эти умонастроения в обществе хорошо отразил, например, тогдашний роман А. Полещука «Падает вверх»: в нем гражданам советской страны в один прекрасный день просто объявляли, как о чем-то само собой разумеющемся, что наши космонавты не первый год летают на Луну и что у нас там выстроено уже несколько баз.

И А. Полещук, и прочие члены кургузовской Секции своими книгами старались укрепить читателя в сознании, что их фантастика правдива в этом главном, — вполне возможно, некоторые из авторов постепенно и сами уверились в этом. На такого рода идеологической «базе» и была начата в конце сороковых годов так называемая «борьба за приоритеты» — шумная пропагандистская кампания, в которой фантасты, увы, не могли не оказаться в первых рядах. В печально знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 года) указанные издания обвинялись в «низ-

копклонстве перед Западом». Официальной причиной разгрома этих журналов считалась публикация в них произведений «хулигана и пошляка Зоценко» и стихов Ахматовой, «типичной представительницы чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии». Истинная же причина была совсем в другом. По сути постановление от 14 августа было первым серьезным предупреждением ленинградским писателям, которые в отличие от москвичей и множества провинциалов еще недостаточно активно включались в «идейную борьбу» и недостаточно часто обращались к «лунному» жанру в научной фантастике.

Обратим особое внимание на образ интеллигента-вредителя: в эти годы он был достаточно распространен в отечественной литературе. Блестящая работа молодого Николая Гриценко в фильме «Конец «Аризоны», экранизации романа Марка Рутберга (1950, «Мосфильм», режиссер К. Чиаурели), подкрепила этот типаж чисто визуально. Отныне образ изменника и космополита в массовом сознании начинал связываться с двумя-тремя внешними приметами — очками, шляпой, грамотной речью, легким грассированием. Ношение галстука опять делалось подозрительным; утвердительное «да» на вопрос анкеты «Владеете ли иностранными языками?» сразу заставляло отделы кадров настораживаться. «Положительные» герои тогдашней советской фантастики обязаны были ходить размашисто, одеваться бедно, говорить в основном междометиями или пословицами. В романе «Далькое — близкое» Ильи Садофьева молодые конструкторы-ракетчики Каширин, Жерегин и Степанков в точности соответствовали новому стереотипу, а потому казались ярмарочными ряжеными. Диалог в экспериментальном цехе, долженствующий передать их обмен мнениями, производил прекомичное впечатление. («— Скажу тебе прямо, Миша, титановое, значит, покрытие тут в аккурат сгодится!» (...) «— Ну, нет, Алексей Фомич, вольфрам — самое милое дело. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей...») Между тем герои романа И. Садофьева, готовя корабль «Молния» к очередному полету на Луну, вступали в непримиримую схватку с консерваторами на производстве. При чем по ходу действия выяснялось, что

«консерватор» замдиректора Трубин — еще и низкопоклонник перед Западом и чуть ли не молится на их буржуазные технологии. Такой сюжетный оксюморон в ту пору отнюдь не считался самоубийственно нелепым: раз наша пропаганда выставляла Запад все более технически отсталым от нас, то низкопоклонник, естественно, был ретроградом, врагом всего нового. Само название произведения, «Далекое — близкое», должно было подчеркнуть преемственность дел старых русских умельцев и их современных коллег. Потому-то забытый некогда секрет сварочного шва, разработанный мастерами еще при Петре и случайно найденный нашими героями, помогал им досрочно закончить первую линию сборки и выиграть соцсоревнование. Роман заканчивался рапортом товарищу Сталину и новыми социалистическими обязательствами. «А в небе победно светилась полная Луна, обещая нашим друзьям только хорошее впереди», — так выглядела последняя фраза произведения. О том, чем же именно занимались сварщики на Руси во времена Петра, автор так ничего и не рассказывал...

Ленинградские усилия Кургузова были высоко оценены в ЦК, но руководитель Секции фантастов понимал, что в его силах сейчас сделать большее. К тому же в конце февраля 1947 года Степан Кургузов получил из Кремля личную сталинскую депешу, где были только два слова — «Усильте отпор!» — и характерный росчерк подписи. Директива эта могла быть истолкована как угодно широко. Кургузов не стал медлить. В марте на проходившем в Москве I Всесоюзном совещании молодых писателей по заданию руководителя Секции выступил Николай Шпаковский, текст выступления которого теперь был подготовлен опытными референтами СП и просмотрен лично Молотовым. «Есть два мира и две идеологии, — говорил Шпаковский. — Мир насилия, эксплуатации и капитала, этот приземленный мир наживы, неспособный преодолеть земное притяжение. И мир свободы и труда, который тянется ввысь — к лунным горизонтам, к победе коммунизма. Кто-то за океаном полагает, что новое бесчеловечное орудие убийства — атомная бомба — может спасти от вырож-

дения отмирающий общественный строй. Какое заблуждение! Недалек тот день, когда нога советского человека ступит на Луну, и это будет означать окончательное торжество нашего правого дела на все времена!..»

Молодые писатели получили на этом совещании «творческое задание» от своих старших коллег, и уже к осени 1947 года в число новинок попали повесть «Время не ждет» ярославского писателя Андрея Минина и роман саратовца Александра Егорова «Пик Победы». Оба произведения доказывали преимущество советской техники перед зарубежной. Зарубежная на глазах у читателя ломалась (с последующей гибелью людей); наша — выстоявала, несмотря на диверсии. На Луне вырастали как грибы наши промышленные городки, а на самом Пике Победы, высшей точке лунной поверхности, воздвигалась огромная статуя Вождя и Учителя. И все это происходило под бодрую музыку маршей, которую сменяли иногда задушевные народные мелодии.

Эта идиллия не могла, конечно, по-настоящему заменить Сталину реальные космические достижения (группа Королева по-прежнему билась над загадкой увеличения ходовых ресурсов двигателя). Но такая фантастика почему-то немного успокаивала его самолюбие. Царство иллюзий, выстроенное на песке современной фантастической литературой в содружестве с почти такой же фантастической пропагандой, во всех отношениях было приятнее постылой «правды жизни». В жизни были разруха, хлебные карточки, дедовские технологии и отправка первых «добровольцев» на войну в Корею. Научная фантастика, напротив, становилась надежным успокаивающим средством, своего рода духовным трайквилизатором.

В апреле 1947 года вышел в свет двухтомный роман Семена Шпаныря «Черный вихрь», посвященный борьбе американских безработных за свои права. По ходу сюжета Советское правительство предлагало всем американцам, нуждающимся в работе, приехать трудиться на строительстве космодрома на Кольском полуострове. (Первоначально автор предполагал разместить свое гипотетическое строительство в более живописных местах — на озере Селигер, но чиновни-

ки из Главлита потребовали немедленно изменить место действия. Вообще, настоящим шпионам в СССР в ту пору следовало быть писателями-фантастами: по характеру купюр и цензурных изменений в их текстах легко можно было бы догадаться, где и что у нас тщательно скрывается от постороннего глаза. В данном случае совершенно секретный объект располагался действительно на Городомле, острове в озере Селигер. Иногда же можно было «вычислить» не только вид засекреченной продукции, но даже и название. К примеру, двумя годами раньше, при переиздании повести Сергея Беляева «Истребитель 2-У», Главлит неожиданно распорядился заменить прежний заголовок хотя бы на «Истребитель 2-Z»; автор и не узнал тогда, что неволью посягнул на краешек тайны турбореактивного двигателя У-2, впрочем, до серийного производства так и не дошедшего...) В романе С. Шпаняря среди безработных, само собой, оказывалась парочка шпионов, которых разоблачали к середине второго тома сами трудяги-американцы.

29 июля в Московском театре имени Ленинского комсомола состоялась премьера спектакля по пьесе драматурга Константина Булычева «Лунный вопрос» (режиссер Вал. Стеценко). Спектакль получил огромный резонанс в прессе, пьеса была удостоена многих премий (в том числе и Сталинской, первой степени), автор был назван «лицом советской драматургии», «надеждой советской драматургии», «настоящим писателем-патриотом» и тому подобное. Пьеса, в самом деле, кое в чем выгодно отличалась от литературных поделок Софронова и Сурова, заполонивших сцены столичных драматических театров. «Лунный вопрос» привлекал крепко сколоченным сюжетом, неплохим языком и известным чувством юмора, которые немного смягчали безусловную, выпяченную официозность содержания. Сюжет «Лунного вопроса» был самым фантастическим. Сводился он к следующему.

Американская сторона обращается в Организацию Объединенных Наций с предложением всем странам — членам ООН подписать декларацию «О неприсоединении Луны ни к каким военным блокам». По Булычеву, все попытки самих янки достичь

лунной поверхности и устроить на спутнике Земли свою военную базу потерпели крах. Теперь, если миролюбивая с виду декларация будет принята, Советский Союз обязан будет ликвидировать на Луне только свои собственные базы. Предложение США, разумеется, есть натуральная провокация, ибо все наши базы на Луне имеют исключительно мирный и научный характер. Американцы знают о невоенном статусе наших лунных поселений, но тем не менее продолжают обманывать мировое общественное мнение, идут на прямой подлог. Для этого на территорию Франции с борта стратегического бомбардировщика «Б-29» сброшена загадочная конструкция, начиненная взрывчаткой. При падении происходят большие разрушения, имеются жертвы. На обломках же видна четкая надпись: «Луна-16. Сделано в СССР». Возмущенные французы обращаются с запросом в ООН, американцы делают «квалифицированную экспертизу» и утверждают, будто это — обломок советской космической капсулы, потерпевшей аварию и не долетевшей до Луны. Таким образом, появляется еще одно «веское основание» принять столь необходимую для престижа США декларацию. Советский Союз, разумеется, через своего представителя в ООН отвергает эти провокации. Однако «доказательства» выглядят так убедительно, что даже страны Восточной Европы едва не склоняются к тому, чтобы признать их подлинными. К счастью, подробности обмана становятся известными прогрессивной американской журналистке Джоанне Бакли. Вместе со своими друзьями-коммунистами из Вашингтона, Парижа и Лондона она проводит тщательное расследование и собирает неопровержимые улики. Дальше начинается детектив: американские спецслужбы пытаются ликвидировать храбрую журналистку и отнять улики. Они даже переманивают на свою сторону мужа Джоанны, журналиста Айвора... И все же героине удается к сроку добраться до Нью-Йорка и выступить на сессии Генеральной Ассамблеи ООН...

Конец сороковых и начало пятидесятых — время лихорадочного цветения всевозможной «патриотической» фантастики, время тупиков в отечественном ракетостроении и

время медленной агонии Сталина. В 1948 году прогремели разоблачения «театральных критиков-космополитов», которые рискнули высказать несколько очень осторожных претензий к пьесам Бульчева, Софронова и Радченко. В начале пятидесятых было инспирировано провокационное «дело врачей». Причиной его послужило то обстоятельство, что Сталин в эти годы начал медленно слепнуть и вообразил, что придворные медики Виноградов, Гинзбург, Щербаков и другие специально лишают его зрения, дабы он не мог смотреть на «воплощенную мечту советского человека — Луну». Очень вовремя подоспело письмо бдительного врача Тимашук, доказывавшей, будто перед смертью и Горький, и Жданов потеряли зрение. Дело «окулистов-вредителей», которые, естественно, тут же оказались агентами американской разведки и еврейского международного центра «Джойнт», должно было кончиться обвинительным приговором и показательным расстрелом. Владислав Понятовский даже успел в феврале 1953 года выпустить книжечку «Чужие глаза», где вражеские врачи-агенты пытались сделать инвалидом нашего космонавта, но вовремя разоблачались: книжечка тут же была признана очередным достижением советской фантастики и включена в список претендентов на Сталинскую премию.

Смерть Сталина в марте 1953 года подо всем подвела черту. Врачи были оправданы, Тимашук лишилась награды. Понятовский получил выговор с занесением в учетную карточку — «за проявленное легковерие», а его новенькая книжечка — та часть тиража, которая еще осталась нераспроданной, — была торжественно сожжена во дворе Дома писателей на улице Воровского.

Извлечения из главы

VI. «Вышел месяц из тумана...» (1954—1968)

В октябре 1953 года Борис Кузин, главный референт Булганина, записывал в своем домашнем дневнике: «Что-то тренькнуло и надломилось в нашем часовом механизме...»

Что-то действительно надломилось. Внешне все было, как всегда. После торжественных проводов Великого Вождя и Учителя товарища Сталина жизнь вошла как будто в свое при-

вычное русло: враги народа успешно разоблачались (главным оказался английский шпион Берня), лагеря еще стояли, космодромы строились, цены на хлеб и водку остались прежними, в «шарашках» двигали проект «Катапульта», в каждой газете присутствовали «лунная» тема, научная фантастика выходила в тех же количествах (летом, например, увидел свет очередной «кирпич» Анатолия Спирина «Первая орбита»). Казалось бы, Степану Кургузову — руководителю могущественной секции, заместителю быстро спивающегося генсека Союза писателей Александра Фадеева и только формально «второму человеку» (а фактически первому) в литературной иерархии — беспокоиться решительно нечего. И тем не менее каждое утро Кургузов с тревогой разворачивал «Правду»: не началось ли?

Кургузов имел известные основания для беспокойства. Прежней ясности отныне не существовало. Вынужденный по долгу службы поддерживать «линию» Хрущева, шеф Секции фантастов делал это без большого энтузиазма и без той истовости, с которой он служил Хозяину. Видимо, новых руководителей страны Кургузов считал классическими неудачниками, не сумевшими правильно воспользоваться двумя крупными козырями, которые были подарены им самой судьбой. Массовая реабилитация осужденных по «политическим» статьям могла бы сделать Хрущева национальным героем, однако она была проведена так по-русски бездарно, что вызвала, в конце концов, только раздражение по адресу секретаря-освободителя. Помимо этого, тут же начал крениться миф о нашем оборонно-космическом могуществе: после XX съезда КПСС (1956) зэки, вернувшиеся со «строек века» в Байконуре, Плесецке, Капустином Яре, Городомле и Томске-8, рассказывали — не взирая на все строжайшие запреты и подписки «о неразглашении» — о гнусной изнанке «лунныхстроек». Люди узнавали, что каждый будущий плацдарм для «шага в небо» обходился в три-четыре сотни тысяч жизней — обмороженных, больных, «доходяг», расстрелянных «по акту» (недаром Александр Солженицын чуть позже сделал своего героя — зэка Ивана Денисовича Шухова строителем именно на таком «объекте»).

Как ни печально, Хрущеву не помогли даже очевидные успехи в осуществлении «Проекта-К», которые пришлось на середину пятидесятых — начало шестидесятых. Группой Королева в конце концов был спроектирован мощный ракетный двигатель, достаточный для вывода на орбиту небольшого груза; в октябре 1957 года был запущен искусственный спутник, двумя годами позже — капсулы с собаками Лайкой и Стрелкой. Успех советской космонавтики имел большой резонанс на Западе и подстегнул США к еще более ускоренным работам по проекту «Мооп» (позднее он стал называться «Аполлон»). У нас же реальные победы, о которых с утомительным задором твердили газеты, вызвали, напротив, новый приступ недовольства. Сталнская мифология в очередной раз сработала против Хрущева. В российской глубинке, например, многие были твердо убеждены, что запуск спутника — для СССР явный шаг назад, свидетельство бездарности «кукурузника». В дневниковых материалах к известной статье Федора Абрамова «Вокруг да около», опубликованных уже после смерти писателя, середине восьмидесятых, есть любопытная запись разговора со старым колхозником из Верколы, очень точно иллюстрирующего эту точку зрения. «При товарище Сталине, — говорил старик, — мы на Луну летали и держали там гарнизон. А лысый наш дурак теперь только рогатые шарик в небо запускает да дворняжек...»

Другая, полярная, но еще более скептическая, точка зрения распространилась в среде столичной интеллигенции и сводилась к тому, что, поскольку и при Сталине газеты вралли о космосе, теперь тем более врут и что ни спутников, ни полета Гагарина в 1961 году на самом деле просто не было, — мол, все это не более, чем пропаганда. Отголосок таких настроений можно найти в написанном в начале шестидесятых романе А. Солженицына «В круге первом», в разговоре Рубина с Нержиным. («Какая-то такая Луна? — приметливо усмехнулся в бороду Рубин. — Вечно ты выдумываешь, Глебушка. Как, скажи на милость, можно к Луне слетать, если нет в природе никакой Луны, да и не было никогда?» «А что же нам, Лева, в окошко светит?» — с любопытством

спросил Нержин. «А тарелка жестяная с лампочкой нам светит, — тотчас же с готовностью отозвался Рубин, словно ждал этого вопроса. — Подвешенная в небе по приказу товарища Абакумова лично. Чтобы сексоту с кумом по ночам встречаться веселее было...»).

В новой, непривычной атмосфере видные «официальные» фантасты из кургузовской Секции чувствовали себя тоже не очень уютно. Зато уже с середины пятидесятых, вне всяких согласований с Кургузовым, появились вдруг иные фантасты, с Секцией совершенно не связанные и не изъявляющие особого желания в нее поскорее вступить. Для подопечных Кургузова самой распространенной формой давно стал многотомный роман-эпопея (в двух, трех, а еще лучше — в пяти томах). Новички вступали в фантастику с иными формами — коротким романом, повестью, рассказом или даже небольшой двухактной пьесой.

К концу пятидесятых «фантастическая» реальность в Союзе писателей оказалась не лишена некоторых сюрреалистических черт. Как бы параллельно существовали две фантастики: привычная, за которую отвечала кургузовская Секция и которую исправно издавали центральные и региональные издательства, а также добросовестно печатали многие «толстые» и «тонкие» журналы. И как бы не вполне официальная, подвергаемая постоянно критике, но не умирающая поросль, которая упорно ломала асфальт привычного и пробивалась то в «Новом мире», то в катаевской «Юности», то в каком-нибудь сборнике. Кургузов быстро понял, что по каждому случаю собирать секцию или, по крайней мере, ее президиум — просто глупо: на каждый вздорный рассказ Первому секретарю ЦК КПСС не пожалуешься, а только сделаешь конкуренту дополнительную рекламу. Оставалось только демонстративно игнорировать выскочек, пытающихся превратить научную фантастику — «самую партийную из всех литератур!» — в литературный повод для дешевого фрондерства. К сожалению для Кургузова, читатель конца пятидесятых и начала шестидесятых все больше тяготел к фантастике такого, «второго» направления. Это подтверждает хотя бы судьба двух пуб-

ликаций, появившихся практически одновременно: романа стойкого «кургузовца» и к тому времени уже председателя ленинградского отделения Секции фантастов Олега Хрусталева «Под куполом» (журнал «Звезда», 1957, №№ 10—12) и пьесы Виктора Розова «В поисках радости» (журнал «Театр», 1957, № 12).

В своем новом романе О. Хрусталев по существу развивал сюжет своей же «Битой карты». Раскладывался обычный шпионский пасьянс, только действие на сей раз было перенесено с борта космического корабля на поверхность Луны, под самый купол исследовательской станции «Надежда». Тот, кто позднее прочел рассказ американского фантаста Джона Кемпбелла «Кто ты?», мог убедиться, что Олег Хрусталев был, как всегда, подражателем. Правда, ему не хватило духу сделать инопланетного агента, скрывающегося на станции под видом человека, каким-то жутким чудовищем в духе сегодняшних хорроров: враг был все-таки человеком, просто внеземного подданства. Соответственно, обнаружить агента можно было, только найдя при нем какие-нибудь инопланетные документы (о неизъяснимая ментальность советского человека!). Как только самый юный житель купола, ангелоподобный веснушчатый Володя Сергачев случайно обнаруживал в оранжерее компрометирующие бумаги, роман заканчивался триумфом советской науки и госбезопасности...

По нынешним временам «трагедия-фарс» (авторское определение жанра) Виктора Розова выглядит очень наивным, едва ли не примитивным произведением. Однако в ту пору пьеса воспринималась как благотворный знак, как шаг к освобождению от прежней заскорузлости и к отказу нести в будущее «пошлый опыт — ум глупцов». Действие пьесы разворачивалось, как и у Хрусталева, под куполом Лунной базы, но главный герой — пятнадцатилетний Олег Савин — был совершенно не похож на малолетнего стукача из романа ленинградского фантаста. Автор нашел несколько метафор, которые режиссер «Современника» не замедлил использовать. Толстое стекло купола отделяет мальчика от безжизненного и безвоздушного мира Луны. Здесь, на станции, под купол накачивается свежий воздух, од-

нако юноша буквально задыхается в мешанской атмосфере, которую своими поступками создает на станции Елена, жена его брата Федора. Маленькую территорию общего «жизненного пространства» Елена медленно заставляя дорогой и бесполезной мебелью — тумбочками, пузатыми буфетами, столовыми горками, этажерками и прочим (где она достает все это на Луне, автора справедливо не волнует: такие все везде раздобудут!). Мальчика постепенно загоняют в угол, тихо, но твердо тесня его тяжелыми деревянными конструкциями. Олег (его очень эмоционально сыграл молодой Олег Табаков) в финальных картинах спектакля уже, как диковинный жук, распят на ампирном буфете. Последний его поступок красив и самоубийствен: дедовской шашкой он рубит защитное стекло купола, чтобы выйти наконец туда, где нет жизни, но, по крайней мере, есть свобода...

Разумеется, многими чертами сюжета пьесы В. Розова дерзко противоречила математически выверенным канонам жанра научной фантастики (и мебель на Луне, и разгерметизация станции, в результате которой погиб бы не только мальчик, но и все обитатели купола...) Это и было одной из целей автора: в недрах официального жанра и официально приоритетной «лунной» тематики необходимо было создавать принципиально новые произведения, которые бы ломали стереотипы. Впервые читателю предлагался настоящий выбор — между трафаретной «Лунной дорогой» Александра Казанцева и раскованным, ироничным «Билетом на Луну» Андрея Измайлова (повесть напечатана в «Юности» в 1959 году), между примитивно агитационной «Проданной Луной» Абрама Кнопина и веселым гротеском Владимира Тендрякова «Тройка, семерка, туз» («Новый мир», 1960 год), где действие происходило параллельно — на космическом корабле «Стремительный» и в глухом сибирском селе Нижние Дергачи. Даже Степан Кургузов, взявши было себе за правило не реагировать ни на какие вражеские вылазки, и тот не выдержал, ударил по Тендрякову большим «подвалом» в «Литгазете», написанным В. Ермиловым. ●

Окончание следует

Без ошибок невозможно

В библиотеке Оксфордского университета хранится томик стихов Горация на латинском языке. С ним связана занимательная история. В 1774 году один лондонский издатель объявил, что выплатит большую премию тому, кто найдет хотя бы одну ошибку в сборнике стихов, выпускаемом им в одном экземпляре. Каждую полосу корректуры вычитывали пять корректоров по сто раз. В готовой книге ошибок никто не обнаружил. Издатель подарил ее университету. Но спустя несколько лет профессор-латинист, читая текст, нашел целых шесть ошибок, причем одну в первой строке первой страницы.

Ругайте досадный будильник!

«Ладно, замолчи!» Должно быть, каждому случалось ворчать нечто подобное пробуждающему вас от сна безжалостному будильнику. Однако слов он не понимает. Может быть, и это когда-нибудь произойдет, но пока он научился понимать лишь язык жестов. В Италии выпущен будильник с встроенным излучателем и приемником инфракрасных лучей. Эти лучи, отражаясь от стен и предметов в комнате, запоминаются встроенной памятью. Если махнуть рукой перед будильником, инфракрасная картина изменится, и досадный звон прекратится. Однако если минуты через четыре вы не встанете с постели и не выключите звонок, будильник вновь поднимет тревогу.

- Картежный семафор
- Французской полиции удалось раскрыть систему общения, которой пользуются в игре профессиональные картежники. Они передают друг другу информацию при помощи дыма сигарет. Такой системой пользовались еще древние индейцы. Здесь все имеет значение: из какого уголка рта выпускается дым, как держат сигарету, как кладут ее на пепельницу. Детективы даже составили таблицу таких сигналов.

- Хм...
- Первые регулировщики уличного движения появились в Париже в 1899 году. Причина — невероятная нагрузка на городской транспорт. По Елисейским полям — центральной городской улице — в сутки тогда проезжало в среднем 20 автомобилей, 42 мотоцикла и 152 велосипеда.

- Пепельница — против курения
- Тайваньский изобретатель Ван Чун предлагает миру еще одно средство борьбы с курением. Это пепельница, у которой сбоку углубление для спичечного коробка. Когда курильщик вынимает его, обижается светочувствительный элемент, и луч света изменяет электрическое сопротивление элемента.

Это немедленно замыкает крошечную сеть, та посылает сигнал, и заранее наговоренный на микрочип звук вырывается из миниатюрного громкоговорителя. Сперва

- довольно долго звучит надрывный кашель застарелого курильщика. А уж затем — все известные сведения о том, как вреден Никотин, одна капля которого... и так далее.
- Британское патентное ведомство отнеслось к делу серьезно и заявку, поступившую с далекого Тайваня, зарегистрировало под номером 2251542. Дело за изготовителем.

Что значит «дать на чай»

Начнем с себя, россиян. До того, как в старой России-матушке с ввозом китайского чая укоренилось выражение «дать на чай», располагающее к добровольному вознаграждению за выполненную просьбу подвезти, поднести, встретить, проводить — вообще обслужить и тому подобное, в российском обиходе было принято другое: начиная с купцов, но не кончая ими, «давать на водку» сверх таксы. Этот обычай, как и следовало ожидать, распространен у многих народов, но везде на свой лад. Так, в Марокко доплата за услугу зовется «дать на мясо», — видимо, потому, что жители этой солнечной страны обожают жаркое. Турки, большие любители кофе, естественно, получают «на кофе». Испанцы и португальцы, еще со времен открытия Америки Колумбом приобившиеся к табаку, ждут подношения «на курево». Что касается немцев, скандинавов и, конечно же, французов, то все они берут только «на выпивку». Не за рулем, впрочем, а так, для красного словца, как повелось и на святой Руси. Несколько изящнее изъясняются итальянцы, предпочитая выражение «положить на лапу».

Рисунки В. и Ю. Сарафановых

Дж. Хэрриот

Олли и Жулька

(Продолжение)

Как поклонника кошек меня больно уязвляло, что мои собственные кошки шарахаются от одного моего вида.

Жулька и Олли были теперь членами нашей семьи. Мы их преданно любили и, когда уезжали на день, Хелен, едва вернувшись, бежала к задней двери, чтобы покормить их. Они прекрасно это знали и либо уже сидели на стенке, либо сразу бежали на ее зов из дровяного сарая, где прочно обосновались.

Вот и на этот раз, когда мы приехали из Бртоиа и Хелен вынесла им миски с кормом и молоком, они встретили ее на стенке.

— Олли, Жулька, — приговаривала она, поглаживая пушистые спины. Давно прошли те дни, когда они не позволяли ей дотронуться до себя. Теперь они радостно терлись о ее ладонь, выгибали спины и мурлыкали, а когда принялись за еду, она продолжала их ласкать. Они были такими в сущности кроткими созданиями, и их дикость выражалась только в пугливости. А Хелен они больше не боялись. Мои дети и кое-кто в деревне тоже сумели завоевать их доверие, и они позволяли им погладить себя. Но только не Хэрриоту.

Вот, как теперь, когда я тихонько вышел следом за Хелен и направился к стенке, они тут же отпрянули от мисок и отступили на безопасное расстояние, все еще выгибая спины, но недостижимые для моей руки. На меня они вроде бы смотрели вполне мирно, но стоило мне шевельнуть рукой, как они снова пятились.

— Ты только посмотри! Эти дураш-

ки не желают иметь со мной ничего общего! — сказал я.

Мне было тем более обидно, что все годы моей ветеринарной практики кошки меня всегда особенно интересовали и, мне казалось, чувствовали это, а потому моя задача упрощалась. Я считал, что мне легче справиться с ними, чем большинству людей, оттого, что они мне нравятся и откликаются на мою симпатию. Я немножко гордился своим умением находить к ним подход и не сомневался, что между мной и всем кошачьим племенем существует особое взаимопонимание, что все они платят мне такой же симпатией. А эти двое меня чурались — по иронии судьбы именно те, к кому я особенно привязался.

Довольно-таки бессердечно с их стороны, думал я, раз они лечились у меня и, возможно, обязаны мне жизнью. Как-никак кошачий грипп — штука опасная. Наверное, позабыли. А если и помнят, то не считают, что это дает мне право прикоснуться к ним хоть пальцем. Нет, конечно, в первую очередь они помнят, как я накрыл их сачком и засунул в клетку перед операцией. У меня возникло ощущение, что, глядя на меня, они видят именно сачок и клетку.

Оставалось лишь надеяться, что время все изгладит. Но, как выяснилось, судьба продолжала подстраивать мне каверзы. Ну, например, шкурка Олли. В отличие от сестры шерсть у него была очень длинной и постоянно спутывалась, образуя колтуны. Будь он нормальным домашним котом, я бы регулярно его расчесывал, но при таком его отношении ко мне об этом и речи быть не могло. Года через два Хелен

* Начало — в № 3 за этот год.

однажды позвала меня на кухню.

— Ты только взгляни на него! — воскликнула она. — Смотреть жутко.

Я осторожно подошел к окну. Да, Олли, бесспорно, выглядел весьма незелегантно: взлохмаченный, весь в колтунах, он являл разительный и жалкий контраст со своей гладенькой красивой сестрицей.

— Знаю, знаю, но что я могу поделать? — Я уже хотел отвернуться от окна и вдруг застыл на месте.

— У него на шее болтаются просто чудовищные комки шерсти. Возьми-ка ножницы, чик — и все в порядке.

Хелен страдальчески вздохнула.

— Но ведь мы это уже пробовали! Я же не ветеринар, да и он мне этого не позволит. Гладить пожалуйста, а тут вдруг ножницы!

— Знаю, но все-таки попытайся. Это же сущий пустяк. — Я вложил ей в руку кривые ножницы и принялся давать ей инструкции в окно. — Сначала заведи пальцы за самый большой колтун. Вот так, отлично! А теперь раскрой ножницы и...

Но едва сверкнула сталь, как Олли умчался вверх по склону. Хелен в отчаянии обернулась ко мне.

— Безнадежно, Джим! Он даже один колтун выстричь не дает, а их же десятки!

Я посмотрел на всклокоченного беглеца и сказал:

— Да, ты права. Надо придумать что-нибудь еще.

Но все другое требовало усыпить Олли, чтобы я мог наложить на него руки, и, естественно, мне на ум пришли мои верные капсулы нембутала. Они выручали меня в неисчислимых случаях, когда к пациенту по той или иной причине нельзя было приблизиться, но при иных обстоятельствах. Те мои пациенты находились в четырех стенах, за закрытой дверью, а Олли перед тем, как заснуть, мог забрести куда угодно. Что если к нему тогда подберется лисица или другой хищник? Нет, он должен все время находиться под моим наблюдением.

Одиако надо было на что-то решиться, и я расправил плечи.

— Займусь им в воскресенье, — объявил я Хелен. — День обычно спокойный, а на случай чего-нибудь непредвиденного попрошу, чтобы меня подменил Зигфрид.

В воскресенье Хелен поставила на

стенке две миски с рыбным фаршем. Одна была обильно слобрена содержимым нембуталовой капсулы. Я скорчился над подоконником и, затаив дыхание, следил, как Хелен подтолкнула Олли к нужной миске, а он вдруг начал подозрительно обнюхивать фарш. Впрочем, голод скоро взял верх над опаской, и вскоре он уже вылизывал пустую миску с очень довольным видом.

Теперь начиналось самое сложное. Если он отправится бродить по лугам, как бывало часто, мне иадо будет следовать за ним по пятам. Когда он неторопливо поднялся по склону, я, крадучись, вышел из дому, но, к моему великому облегчению, он расположился в своем личном углублении среди соломы и начал умываться.

Притаившись за кустами, я с радостью заметил, что с мордочкой у него никак не задается: оближет заднюю лапу, потянется к щеке и перекувыркнется.

Я про себя хихикнул. Чудесно! Еще две-три минуты — и он готов!

Так оно и вышло. Олли как будто надоело валиться через голову, и он решил, что не худо бы вздремнуть. Пьяно посмотрел вокруг и свернулся на соломе.

Немного выждав, я подобрался к сараю с бесшумностью индийского воина на тропе войны. Олли вырубился не полностью — дать ему полную дозу снотворного я все же не рискнул, а вдруг бы он успел от меня улизнуть? Однако он был достаточно обездвижен, и я мог делать с ним, что хотел.

Когда я опустил на колени и принялся орудовать ножницами, он открыл глаза и начал слабо вырываться. Но у него ничего не получилось, и я продолжал свои парикмахерские подвиги. Стрижка получалась не очень фасонной, так как он все время чуть-чуть изворачивался, но я состриг все безобразные колтуны, которые все время зацеплялись за ветки, причиняя ему, вероятно, сильную боль. И вскоре у меня под рукой уже выросла порядочная горка черной шерсти.

Я заметил, что Олли не только дергается, но и следит за мной. Даже в сонной одуре он меня узнал, и его взгляд сказал мне все: «Опять ты! Я мог бы и догадаться!»

Закончив, я положил его в кошачью клетку, а клетку поставил на солому.

— Ты уж извини, старина,— сказал я,— но пока ты окончательно не очнулся, выпускать тебя на свободу никак нельзя.

Олли посмотрел на меня очень сонно, но выразительно: «Еще раз засадил меня сюда? Другого от тебя и не жди!»

Часам к пяти снотворное перестало действовать, и я освободил Олли. Без колтунов он выглядел много лучше, но это оставило его равнодушным. Когда я открыл клетку, он бросил на меня полный отвращения взгляд и молнией скрылся в траве.

Хелен пришла в восторг от моей работы. На следующее утро она не спускала глаз с кошек и восклицала:

— Каким красавчиком он стал, правда? Я так рада, что ты сумел его подстричь! Меня это очень мучило. И он, конечно, чувствует себя гораздо лучше!

Я не без самодовольства разглядывал Олли через окошко. Вчерашнее лохматое пугало действительно неузнаваемо преобразилось, и, бесспорно, я заметно облегчил ему жизнь, избавив от больших неудобств. Однако мыльный пузырь восхищения собой разлетелся едкими брызгами, едва я высунул голову из задней двери. Олли только что с аппетитом приступил к завтраку, но при виде меня унесся прочь даже стремительней, чем когда-либо прежде, и скрылся вдали. Я грустно поплелся назад на кухню. Во мнении Олли я упал еще ниже, если это было возможно. Печально я налил себе чая. Жизнь полна разочарований!..

Шли месяцы, а в моих отношениях с двумя нашими дикими кошками никакого потепления не наступало, и я с нарастающим душевным трепетом следил, как длинная шерсть Олли вновь начинает сбиваться в страшные колтуны. К концу года он вновь выглядел более чем непрезентабельно. С каждым днем становилось все яснее, что пора принимать меры. Но удастся ли мне еще раз его провести? Оставалось попробовать.

Я опять приготовил рыбу с нембуталом, и Хелен поставила миску на

стенку, но Олли понюхал, лизнул и ушел. Мы попробовали повторить, и опять Олли исследовал миску с глубоким подозрением, а есть не стал. Он явно почувствовал: что-то назревает.

Постояв у окна, как обычно, я обернулся к Хелен.

— Попытаюсь его поймать.

— Поймать? Сачком?

— Нет-нет. Он ведь уже не котенок и не подпустит меня к себе.

— Так как же?

Я посмотрел на взлохмаченное черное чучело на стенке.

— Ну а что, если я спрячусь за тобой, когда ты выйдешь их кормить, цапаю его и засуну в клетку? Потом отнесу в операционную и постригу под общим наркозом?

— Цапаешь? Засунешь в клетку? — с сомнением повторила Хелен. — По-моему, у тебя ничего не выйдет.

— Однако за свою жизнь я цапал не так уж мало кошек и умею быстро двигаться. Мне бы только подойти к нему незаметно. Давай попробуем завтра.

Моя жена только поглядела на меня. Мой план как будто доверия ей не внушил.

Утром она поставила на стену миски с восхитительной свежей треской. Их любимое блюдо. К вареной рыбе они относительно равнодушны, но перед сырой устоять не могли. Открытая клетка была спрятана рядом. Кошки прошествовали по стене. Хелен, как обычно, приласкала обоих, а когда они радостно припали к мискам, вернулась на кухню, где притаился я.

— Тсперь,— сказал я,— снова иди к ним, очень медленно. Олли так увлечен рыбой, что, возможно, не заметит меня.

Хелен промолчала, а я плотно прижался к ее спине.

— Двинулись! — Я подтолкнул ее под левым коленом моим левым коленом, и мы медленно вышли за дверь, шагая в едином ритме.

— Это же нелепо! — простонала Хелен. — Какой-то комический эстрадный номер!

— Ш-ш-ш,— прошипел я, уткнувшись носом ей в затылок над ухом. — Не останавливайся.

Когда мы добрались до стены, Хелен протянула руку и поглади-

ла его по голове, но он был так увлечен треской, что и не посмотрел на нее. Вот он — на уровне моей груди, в каком-то шаге от меня. Лучшего шанса представиться не могло. Молниеносно просунув кисть из-за Хелен, я схватил его за шкуру, удержал свивающийся клубок черных ног и водворил его в клетку. Захлопывая крышку, я успел заметить, что из нее высовывается отчаянно когтящая лапа, столкнул ее и вдвинул в петлю стальной прут. Путь к спасению был отрезан.

Я поставил клетку на стенку и даже вздрогнул, встретив сквозь прутья его укоризненный взгляд. «Нет, неужели опять! — говорил он. — Значит, твоим низким предательствам нет конца!»

На душе у меня было скверно. Злополучный кот, ошеломленный моим нападением, даже не пытался царапаться или кусаться. Как и в предыдущих случаях, он думал только о том, как убежать. И у меня не было права обижаться на его низкое мнение обо мне.

Но зато, сказал я себе, он снова станет красавцем.

— Сам себя не узиаешь, старина, — сообщил я перепуганному коту за решеткой, прильнувшему к полу клетки на сиденье машины рядом со мной. — На этот раз я приведу тебя в полный порядок. Будешь и выглядеть, и чувствовать себя великолепно.

Зигфрид предложил помочь мне, и бедный дрожащий Олли, когда мы водрузили его на стол, покорно подчинился и тому, что его держат, и внутривенной инъекции наркотика. Когда он мирно уснул, я со свирепой яростью принялся за свалывшуюся шерсть: выстригал, подправлял, подравнивал, а потом прошелся по нему электрической машинкой и долго расчесывал, пока не убрал последний крохотный колтун. В первый раз я только привел его в более или менее божеский вид, а это была истинно художественная стрижка.

Кончив, я с торжеством поднял его, и Зигфрид расхохотался.

— Готовый победитель любой кошачьей выставки, — сказал он.

Я вспомнил его слова, когда на следующее утро кошки прошли по стенке к мискам. Жулька всегда была красавицей, но и она стусевыва-

лась рядом с братом, чей глянцевый расчесанный мех сиял в солнечных лучах.

Хелен пришла в восторг и все время его поглаживала, точно не могла поверить такому преображению. Я, естественно, прятался у кухонного окна, украдкой поглядывая на дело своих рук. И прятаться от Олли мне предстояло еще долго.

Вскоре стало ясно, что мои акции упали еще ниже: стоило мне просто показаться в дверях, как Олли удирал в луга. Такое положение вещей начало меня угнетать.

— Хелен, — сказал я однажды утром, — мои отношения с Олли действуют мне на нервы. Но не представляю, что я мог бы сделать.

— Знаешь, Джим, — ответила она, — тебе просто надо узнать его поближе, и чтобы он тебя узнал.

Я бросил на нее мрачный взгляд.

— Боюсь, если ты спросишь у него, он тебе ответит, что знает меня слишком даже хорошо.

— Да-да. Но вспомни: ведь все эти годы кошки почти тебя не видели, кроме экстренных случаев. А я кормила их, разговаривала с ними; гладила каждый день. Они меня знают и доверяют мне.

— Ты права, но у меня просто нет времени.

— Верно. Ты всегда куда-то мчишься. Не успеешь вернуться домой и снова уезжаешь.

Я кивнул и задумался. Она была абсолютно права. Я привязался к нашим диким кошкам, любовался, когда они сбегали со склона на стену к мискам или играли в высокой луковой траве, или позволяли Хелен гладить себя, но все эти годы я оставался для них почти незнакомым человеком. И с горечью подумал о том, как стремительно пролетело это время.

— Уже поздно, иаверное. Но мог бы я, по-твоему, что-то изменить?

— Да, — ответила Хелен. — Начни их кормить. Выкорми для этого время. Нет, конечно, каждый день у тебя не получится, но при любой возможности ставь им миски.

— Значит, ты считаешь, что их привязанность чисто желудочная?

— Вовсе нет! Ты же видел, как они не притрагиваются к еде, пока я их не приласкаю, как следует. Они ищут внимания и дружбы.

— Только не моих. Они видеть меня не могут.

— Просто прояви настойчивость. Мне понадобилось много времени, чтобы приобрести их доверие. И особенно Жульки. Она ведь очень робкая. Даже теперь, стоит мне сделать резкое движение, как она убегает. Вопреки всему, я считаю, что твоя надежда — Олли. Он ведь необыкновенно дружелюбный.

— Договорились,— сказал я.— Давай миски. Начнем немедленно.

Так началась одна из моих маленьких эпопей. При всякой возможности звал их завтракать я, ставил миски на стенку и стоял там в ожидании. Сначала в тщетном. Я видел, как они следят за мной из сарая — черно-белая и золотисто-белая мордочки выглядывали из соломы, но спуститься они рисковали, только когда я возвращался в дом. Мои нерегулярные рабочие часы мешали соблюдать новый распорядок, и порой, когда меня вызывали рано поутру, кошки не получали свой завтрак вовремя. Но как раз когда их завтрак однажды опоздал на час, голод взял верх над страхом, и они осторожно спустились, а я застыл у стенки в каменной неподвижности. Они быстро глотали, нервно на меня поглядывая, и сразу убежали. А я удовлетворенно улыбнулся. Первый шаг был сделан!

Затем наступил длительный период, когда я просто стоял там, пока они ели, и постепенно превратился в неотъемлемую часть пейзажа. Затем я попробовал осторожно протянуть руку. Вначале они от нее пятились. Но шли дни, и я замечал, что моя рука перестает быть угрозой. Во мне вспыхнула надежда. Как и предсказывала Хелен, Жулька шарахалась от меня при малейшем движении, но Олли мало-помалу, отступив, начал поглядывать на меня оценивающе, словно решал, изменить ли ему свое мнение обо мне. С бесконечным терпением изо дня в день я все ближе протягивал к нему руку, и наступил знаменательный миг, когда он не попятился и позволил мне коснуться указательным пальцем его спины. Я осторожно погладил шерсть, а Олли, прежде чем отойти, ответил бесспорно дружеским взглядом.

— Хелен! — Я оглянулся на кухонное окно.— Ура! Наконец-то мы ста-

нем друзьями. Теперь только вопрос времени, и он позволит мне ласкать его, как ласкаешь ты.

Меня переполняла иррациональная радость и ощущение победы,— казалось бы, неоправданная реакция со стороны человека, который каждый день имеет дело с животными. Но я предвкушал годы дружбы именно с этим котом.

И обманулся в своих ожиданиях. В ту минуту я не мог знать, что через двое суток Олли не станет.

На следующее утро Хелен позвала меня из сада, в ее голосе звучало отчаяние:

— Джим, Джим! Скорее! Что-то с Олли!

Я бросился к ней. Она стояла на склоне возле сарая. Рядом была Жулька, но Олли казался просто темным пятном в траве.

Я нагнулся, и Хелен вцепилась мне в плечо.

— Что с ним?

Он лежал неподвижно, ноги торчали палками, спина изогнулась в смертной судороге, глаза остекленели.

— Боюсь... Боюсь, он мертв. Похоже на отравление стрихнином...

И тут Олли шевельнулся.

— погоди! — воскликнул я.— Он еще жив, но едва-едва.

Я заметил, что судорога ослабела, и сумел согнуть ему ноги и поднять его, а она не повторилась.

— Нет, это не стрихнин. Похоже, но что-то другое. Мозговое. Возможно, кровоизлияние.

У меня пересохло в горле. Я унес его в дом. Он лежал неподвижно, дыша еле заметно.

— Ты можешь помочь? — спросила Хелен сквозь слезы.

— Сейчас же отвезу его в операционную. Мы сделаем все, что в наших силах.— Я поцеловал ее в щеку и побежал к машине.

Мы с Зигфридом дали ему снотворное, потому что он начал делать лапами педалирующие движения, сделали инъекцию стероидов и антибиотиков, а потом положили под капельницу. Я смотрел, как он лежит в большой реанимационной клетке и слабо перебирает лапами.

— И больше мы ничего сделать не можем?

Зигфрид покачал головой. Он согласился с моим диагнозом — инсульт, церебральное кровоизлияние — назы-

вайте, как хотите, но, безусловно, мозговое поражение. Я видел, что мой партнер ощущает такую же беспомощность, как и я.

Весь день мы занимались Олли, и днем мне было почудилось некоторое улучшение, но к вечеру он снова впал в кому и ночью умер.

Я привез его домой и, вынимая из машины, почувствовал под руками пушистую шерсть без единого колтуна. Теперь, когда жизнь Олли оборвалась, это казалось насмешкой. Я похоронил его за сараем, в нескольких шагах от соломенной подстилки, на которой он спал столько лет.

Ветеринары, когда теряют любимую кошку или собаку, ничем не отличаются от остальных людей, и мы с Хелен очень горевали. Время, конечно, должно было притупить нашу боль, но у нас было одно болезненное напоминание — Жулька. Что делать с ней?

Они с Олли образовывали единое целое в нашей жизни, и мы не воспринимали их по отдельности. Было ясно, что без Олли мир Жульки рухнул. Несколько дней она ничего не ела. Мы звали ее, но она отходила от сарая лишь на несколько шагов, недоуменно озиравшись и возвращаясь на солому. Ведь за все эти годы она ни разу не сбежала оттуда одна, и просто душа надрывалась смотреть, с какой растерянностью она смотрела по сторонам, ища своего верного спутника.

Хелен несколько дней кормила ее в сарае, но потом сумела заманить ее на стенку, однако Жулька не начала есть, не взглянув вокруг в ожидании, что Олли все-таки придет позавтракать вместе с ней.

— Ей так одиноко! — сказала Хелен. — Надо будет уделять ей больше времени. Я буду дольше гладить ее и разговаривать с ней. Но если бы нам удалось взять ее к нам в дом! Это все решило бы. Однако я знаю — надежды нет никакой.

Я поглядел на кошечку, чувствуя, что никогда не привыкну видеть ее на стене одну. Но представить себе, что Жулька сидит у камина или на коленях у Хелен, я тоже не мог.

— Да, ты права. Но, может быть, мне что-нибудь удастся сделать. Я только-только сумел подружиться с Олли, ну а теперь попробую поладить с Жулькой.

Я знал, что берусь за непосильную задачу — пестрая кошечка всегда робела больше брата, но продолжал упрямо добиваться своей цели. Когда она ела и при всяком другом удобном случае я выходил из задней двери, ласково что-то приговаривал, подманивал ее рукой. В течение долгого времени она, хотя и принимала от меня корм, к себе все равно не подпускала. И все же настал день, когда тоска настолько ее одолела, что она, возможно, почувствовала — я все же лучше, чем ничего, и не попяtilась, а, как прежде Олли, позволила мне прикоснуться пальцем к ее мордочке.

После этого наши отношения начали налаживаться медленно, но верно. От недели к неделе я уже не просто касался мордочки, но и начал ее поглаживать, а потом и слегка почесывать за ушами. И настало время, когда мне было дозволено гладить ее по всему телу и щекотать основание хвоста. После этого Жулька стала допускать фамильярности, о которых прежде и мечтать не приходилось. И вот уже она приступала к еде, только несколько раз пройдясь по стенке, радостно выгибая спину под моей ладонью и задевая боком мое плечо. И еще ей полюбились прижимать нос к моему носу и стоять так несколько секунд, глядя мне прямо в глаза.

Несколько месяцев спустя, как-то утром, когда Жулька вот так уперлась в мой нос и воззрилась мне в глаза, позади послышалось какое-то движение.

— Я просто наблюдаю за работой дипломированного ветеринара, — громко сказала Хелен.

— И удивительно радостной работой, — отозвался я, не шелохнувшись и продолжая глядеть в глубину дружелюбных зеленых глаз на расстоянии двух-трех дюймов от моих. — С твоего разрешения, я считаю, что это — одна из величайших моих побед. ●

Иллюстрация Ю. Сарафанова

**ЗНАНИЕ —
СИЛА 5/94**

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

№ 5 (803)
Издается с 1926 года

Цена свободная
Индекс 70332